

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ
по ФРЕЙДУ

Анна ДАНИЛОВА



ПРИЗРАКИ ЗНАЮТ ВСЕ



РУКОПИСЬ,
НАПИСАННАЯ КРОВЬЮ

Анна Васильевна Данилова
Призраки знают все. Рукопись,
написанная кровью (сборник)
Серия «Двойной детектив по Фрейду»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10315317

*Призраки знают все ; Рукопись, написанная кровью : [романы] / Анна
Данилова: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80813-7*

Аннотация

«Призраки знают все»

Алису и ее любовника Дениса Караваева нашли зверски убитыми в его квартире. Тело мертвой девушки преступник осыпал старинными монетами. Предположительно из антикварной коллекции Караваева... Первым под подозрение попадает брат Караваева – Василий, которому Денис оставил солидное наследство. Но что-то смущает следователя Игоря Логинова, ведущего это дело. Уж слишком все просто!..

«Рукопись, написанная кровью»

«Куда бежать от изменившего мужа? Конечно же, в родной город. Вычеркнуть весь последний год из жизни вместе с воспоминаниями о неудачном замужестве и с головой окунуться

в любимую работу». Так думала Юлия Земцова. Но, вернувшись домой, она узнает, что офис родного детективного агентства сожжен, а все сотрудники таинственным образом исчезли...

Содержание

Призраки знают все	6
2010 г.	6
2009 г.	18
Месяц назад	21
2010 г.	41
2009 г.	53
2010 г.	61
2010 г.	77
2004 г.	103
2010 г.	114
2010 г.	137
2010 г.	158
2004 г.	183
2010 г.	207
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Анна Данилова
Призраки знают все.
Рукопись, написанная
кровью (сборник)

© Дубчак А.В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Призраки знают все

Убитый погибает именно из-за того, кто он такой, чем занимается и где находится в определенный момент времени. Чем больше ты узнаешь о жертве, тем ближе ты подходишь к убийце.

Ф. Д. Джеймс

2010 г.

Следователь прокуратуры Игорь Логинов вернулся домой около десяти часов вечера и, обливаясь потом (в городе стояла невыносимая жара, и все вокруг прогрелось, как в духовке), сбросил с себя всю одежду и встал под прохладный душ. Не прошло и пары минут, как раздался характерный звонок его телефона – саундтрек *desperado*, зажигательная тема, которая была осмеяна всеми его знакомыми-приятелями и названа пошлейшей! Тем не менее эта мелодия с ее некачественным звучанием и намеком на желание Игоря хотя бы в чем-то походить на Антонио Бандероса, действовала на него (по первой сигнальной системе Павлова) похлеще любой сирены и заставляла в какие-то секунды настроиться на работу. В любое время суток. Что же касалось его личной жизни, то существовал и другой, волшебный и нежный сиг-

нал из «Вальса цветов» Чайковского, но он звучал в его телефоне все реже и реже – Наташа с каждым годом все больше отдалялась от него...

Голый, босой и мокрый, чувствуя, как по его еще не остывшему телу стекает потоками вода и капает на паркет, он взял трубку:

– Слушаю.

– Игорь Валентинович, на улице Мичурина два трупа... – услышал он голос своего помощника, Лени Фролова. – Жильцы целый день искали источник отвратительного запаха, пока не заглянули в квартиру на четвертом этаже, там из вентиляционной отдушины шел такой аромат, хоть всех святых выноси. Жара-то какая! Так вот, этажом ниже снимала квартиру некая Алиса Пирогова. Вызвали участкового, взломали дверь, но никого там не обнаружили. Труп девушки нашли в квартире на втором этаже, то есть в чужой квартире, принадлежащей Денису Караваеву. Она лежала в туалете, на полу... Тело же самого хозяина – в комнате. Картина, скажу я тебе, не из приятных.

– Хорошо, я сейчас приеду.

Игорь ненадолго вернулся под душ, затем, набросив толстое махровое полотенце, сварил кофе, сделал бутерброд и перекусил. Но чувство голода все не утихало, когда он, надев тонкую батистовую рубашку с коротким рукавом и светлые льняные брюки, вышел из дома, сел в машину и пока-

тил по пустынным в этот час темным улицам (удивительно, но в городе с каждым днем уличных фонарей оставалось все меньше и меньше!) в сторону набережной.

Ночной ветерок приятно обдувал его лицо и влажные, еще не успевшие высохнуть волосы.

Возле дома, несмотря на поздний час, в свете фонаря, освещавшего крыльцо подъезда, где еще недавно проживала девушка Алиса, толпились жильцы. Ни одной заспанной физиономии – все на удивление бодрые, с заинтересованными лицами, любопытными взглядами и какие-то спортивно-нарядные, в светлых теннисках, цветных пляжных шортах, причем и мужчины, и женщины. Конечно, все хотят узнать, как умерла (погибла, убили?) их молоденькая двадцатитрехлетняя соседка, да еще и в квартире своего убитого же соседа, Караваева. В такие минуты каждый счастлив уже тем, что эта ужасная участь постигла не его, а кого-то другого. Пусть даже совсем юную девушку.

Логинов поздоровался с участковым, который вышел ему навстречу, затем устало улыбнулся мокрому, как мышь, с взъерошенными волосами Лене Фролову. Клетчатая рубашка помощника Игоря прилипла к его телу, по лицу струился пот. Конечно, до дома он тоже не успел доехать, звонок прихватил его по дороге, так что и он теперь будет вынужден провести ночь в душной квартире, пропитанной трупным запахом.

Игорь поднялся на второй этаж в сопровождении Лени

и участкового, тощего парня в форме, с бледным лицом и ярко-красными губами. Ко лбу его прилипли черные тонкие пряди волос, на кончике длинного носа сверкала капля пота.

– Вот сюда, пожалуйста, – участковый, приняв позу лакея, показал Логинову, куда пройти. Хотя и так все было ясно – дверь нужной квартиры была распахнута, и из ярко освещенного электрическим желтым светом пространства тянуло сладковато-ядовитым запахом смерти.

– Она в туалете, – подсказал за его спиной Фролов. – Зрелище не для слабонервных.

Игорь прошел по коридору и остановился у распахнутой двери, ведущей в туалет. Там на полу, закинув голову назад, чуть ли не опустив ее в унитаз, сидела девушка в белых трусиках и голубом кружевном бюстгальтере. Руки и ноги разведены в разные стороны, как у тряпичной куклы. Голова немного склонена набок, и в темной волне густых длинных волос в области лобовой части головы виднелось влажное от крови бурое пятно. Плечо девушки – тоже в потеках крови, вытекшей из раны. Капли крови на крышке унитаза и плитках пола. Глаза прикрыты, рот широко раскрыт и забит смятой пачкой серых стоевровых купюр. На подбородке – кровоподтек, как если бы, раскрывая жертве рот, чтобы туда с силой засунуть пачку денег, преступник поранил ей губу...

Рядом с ногами трупа на полу разбросаны какие-то темные монеты, медные и похожие на серебряные, подсвечни-

ки, бисерная брошь, серебряные цепи, браслеты... Словно в убитую швырнули горсть мелких предметов, а потом стали метать подсвечники. Или наоборот.

– Да тут прямо мизансцена... Убийца явно хотел дать нам понять, что жертва очень любила деньги и антиквариат. И, мол, именно за это пристрастие ее и убили. Что это убийство, думаю, очевидно.

Тело Дениса Караваева, зрелого, далеко за пятьдесят лет, полноватого мужчины, лежало в гостиной на полу. На нем был темно-коричневый махровый толстый халат, подол его был подмочен водой. Мужчина лежал на спине, и халат, нетуго подпоясанный, на груди был распахнут, открывая взору густую седую шерсть и верх округлого, выпирающего живота с красной родинкой посередине. Лицо Караваева с крупными чертами и кустистыми черными бровями было спокойным, глаза – полуоткрыты. При жизни он был довольно приятным, можно даже сказать, красивым мужчиной. Волосы на его голове выглядели так, словно он не успел их высушить и причесать после мытья – они торчали в разные стороны, словно смазанные клеем. На виске образовалась лиловая с малиновым кровоподтеком гематома. Видно было, что кровь залила и белок полуоткрытого – рядом с областью гематомы – глаза.

Логинов понимал, что с минуты на минуту сюда придут эксперт, фотографы, а потому постарался увидеть и понять

как можно больше до их приезда. Уловить, что называется, настроение убийцы. Тот факт, что он действовал зло, жестоко, указывал на то, что убийцу до этого душевного состояния нужно было довести. И сделала это жертва. К тому же убийца был явно не алчным человеком, раз он оставил во рту у своей жертвы такое количество денег. В сущности, там вполне могло оказаться около двух-трех тысяч евро. Почему он не взял деньги? Или те же монеты, серебро, подсвечники? Значит ли это, что убийство было совершено из принципа?

Вот тебе, Алиса дорогая, подавись! Приблизительно таким девизом он пользовался, желая распалить себя до такого состояния, чтобы ударить жертву... Удар был нанесен неоригинальным предметом, которым довольно часто пользовались убийцы, действовавшие в состоянии аффекта, – небольшая, покрытая облезлой зеленоватой краской гантель лежала прямо за унитазом, и даже с высоты своего роста Логинов мог заметить, что она вымазана кровью. Стало быть, убийца оставил на месте преступления орудие преступления. Что ж, это уже кое-что.

Вполне вероятно, что этой же гантелью был убит и сам хозяин квартиры.

Одежда, вернее, почти полное ее отсутствие на телах обоих трупов свидетельствовало о недвусмысленных отношениях молоденькой соседки и зрелого Караваева. Вряд ли Алиса заглянула к соседу за солью, будучи лишь в трусиках и бюстгальтере.

Беглый осмотр квартиры показал, что она принадлежала небедному человеку, поскольку здесь не было ни одной дешевой вещи. Все, от мебели до безделушек, свидетельствовало о хорошем вкусе хозяина. И не нашлось ни одной вещицы, которая могла бы принадлежать женщине, из чего нетрудно было догадаться, что Караваев холост. То есть что Алиса, в каком бы качестве она ни пребывала по отношению к Караваеву, еще не успела захламить полочку в ванной комнате своими расческами, кремами, зубными щетками.

– Караваеву, по словам соседей, – докладывал чуть позже, вернувшись с улицы, где ему удалось опросить жильцов, Фролов, – примерно пятьдесят пять лет. Жил (не поверишь!) один, вежливый такой и тихий был человек. Работал программистом, родственников, которые навещали бы его, нет, женщины к нему тоже не ходили (так говорят соседи!). Неподалеку от дома он купил хороший гараж, где держит дорогую иномарку. Коллекционировал медали и ордена.

– Понятно. Тихий, необщительный, скрытный, небедный, а дверь распахнута, и следов взлома нет. Так?

– Так. Значит, преступника он хорошо знал, вот и открыл. И угрозы от этого человека никакой не исходило. Вероятно, такие люди, как Караваев, редко с кем конфликтуют, а потому и живут спокойно, ничего и никого не боятся. Разве что квартирных воров. Но ты видел, какая мощная у него сигнализация? Значит, ему было что охранять.

В углу спальни стояло старинное бюро, все его ящички были заполнены аккуратно перетянутыми резинками счетами, письмами, заметками, из которых можно было понять, что основным увлечением хозяина является фалеристика – коллекционирование орденов, медалей, значков. И письма, которые Логинов бегло просмотрел, представляли собой переписку с потенциальными продавцами орденов и медалей. По сути, Караваев отчаянно торговался с ними, убеждая их в том, что тот или иной орден не стоит той цены, которую за него запрашивали. Существовала и записная книжка с адресами, телефонами и с ссылками на сайты, связанные с информацией о продаже этих дорогих раритетов.

Разбирая ценные бумаги и документы человека, который лежал сейчас в гостиной на полу, Логинов испытывал неприятное чувство, словно в любую минуту Караваев мог ожить, зайти в кабинет и похлопать его по плечу: мол, и чем это вы, уважаемый следователь, занимаетесь? Несмотря на большой опыт работы, подобные чувства охватывали Игоря довольно часто, над чем иногда посмеивался хорошо знавший Логинова Леня.

Время шло, а тайника, где, как они полагали, Караваев мог хранить свои сокровища, они так и не нашли. Да и места, где бы тайник мог находиться, тоже.

Зато обнаружили многочисленные доказательства того, какой именно образ жизни вел хозяин, что он любил, чему отдавал предпочтение.

Так, среди бумаг Логинов обнаружил прошлогодние авиабилеты в Калифорнию, а также красочные проспекты дорогих отелей Малибу, Лагуна-Бич, Венис-Бич, Хантингтон и Санта-Моники. Никаких сомнений – Караваев бывал там на самом деле, а не просто так, обложившись рекламными альбомчиками, бредил прекрасными пляжами. В период же, когда он отсутствовал, квартира находилась под охраной (среди бумаг нашлись и квитанции об оплате услуг известной в городе фирмы, занимающейся охраной недвижимости).

В одном из ящичков Игорь обнаружил всего один листок бумаги – квитанцию об оплате услуг медицинского центра «Медикс Плюс». Игорь, словно вор, сунул эту квитанцию в свой карман. Подумал, что по непонятной причине Караваев не подклеил ее в свою толстую тетрадь с оплаченными счетами и чеками, однако его рука (возможно, в силу характера, уж слишком он был аккуратным человеком, любил во всем порядок) не поднялась почему-то выбросить ее в корзину.

Логинов вздохнул и снова принялся за поиски тайника.

* * *

«Я перегнулся через стену, пытаюсь заглянуть в клетку. Там было темно. Кто-то постукивал по клетке железным прутом. Внутри словно взорвалось что-то. Бык шумел, вса-

живая рога направо и налево в деревянные доски клетки. Потом я увидел темную морду и тень от рогов, и, стуча копытами по гулким доскам, бык ринулся в кораль, заскользил передними ногами по соломе, остановился, дрожа всем телом, со вздувшимися горбом шейными мышцами, и, задрав голову, оглядел толпу на каменных стенах. Оба вола попятнулись к стене, опустив головы, не спуская глаз с быка ...»

Она захлопнула книгу и задумалась. Рука привычно потянулась к телефону.

– Ты еще не спишь? И я тоже не сплю. Все мысли только об одном, ну, ты понимаешь... Все-таки как же скучно мы живем! Вот люди – приехали на фиесту и оторвались по полной программе. Страсти в этом романе кипят нешуточные. Я бы тоже хотела оказаться на месте этой дамочки, Брет. Она крутит мужиками как хочет! А, ты еще не прочитала? Читай-читай, и ты поймешь, что этот роман не про быков и матадоров (хотя меня лично захватывают в книге именно описания боя, расвирепевших быков, где льются реки крови и общая атмосфера будоражит, заводит), эта книга, конечно же, о любви. И о том, как люди там, в другом мире, предаются страсти, не стесняясь своих ярких чувств... А мы что? Я понимаю, мы – женщины в возрасте, и нам думать о любви даже как-то смешно. Кто, согласись, польстится на мое или твое тело? Поэтому нам остается только одно – предаваться воспоминаниям, ведь верно? Не знаю, как ты, а я хорошо пожила, и муж

мне оставил приличное состояние. Конечно, он был изрядной скотиной, но это уже отдельный разговор. Теперь его нет, я свободна как ветер, а потому могу распоряжаться денежками как мне заблагорассудится.

Да, хотела у тебя спросить: как там твоя подопечная? Учится? Знаешь, ты удивительный человек, вместо того чтобы тратить все деньги на себя, как я, к примеру, ты занимаешься благотворительностью. И тебе это надо? Думаешь, она, когда ты состаришься, подаст тебе руку помощи? Или будет выносить из-под тебя горшок? И смазывать мазью твои шипящие от гноя пролежни? И не надейся! Уж если близкие родственники, такие, как моя доченька, к примеру, делают вид, что не замечают меня, и лопаются от злости по поводу того, что я трачу на себя оставленные мне Николаем деньги, то можно представить себе, чего ждать от твоей Алисы... По-моему, она все-таки какая-то глуповатая, недалекая. Что-что? А... Знаешь, не хочется мне про Ленку говорить. Она хоть и моя дочь, но ведет себя как чужая. Ты же в курсе, как много ей отец всего оставил, на три жизни хватит и еще останется. А она почему-то считает, что я и свое должна ей тоже отдать и вообще резко впасть в старость и уверенно готовиться к смерти. Нет-нет, я знаю, как проживу остаток своей жизни. Празднично! Весело и с комфортом! Да, вот еще что вспомнила – я видела, как твоя Алиса ранним утром, как птишка, вылетела из квартиры Дениса Евгеньевича. Вот так!

Ну а теперь – спокойной ночи, милочка...

2009 г.

Под прилавок приходилось подныривать, так как с другой стороны, там, где раньше имелась дверь, попасть в этот закуток, именуемый киоском, было просто невозможно – двери заварили намертво.

Киоск этот, где торговали пивом, безалкогольными напитками и мелкой бакалеей, находился в самом сердце города, на пересечении главных центральных транспортных и пешеходных артерий города – проспекта Кирова и Братиславской, а потому в маленькой нише старинного здания, которое в революционное время было роскошным борделем, всегда толпился народ. Причем самый разный, от пресыщенных деток богатых родителей, жаждущих ледяного пива или сигарет, до откровенных пьяниц и проституток, заглянувших подкрепиться чипсами или дешевым лимонадом. И все знали Алису в лицо, все, как один, обращались к ней запанибратски, как к своему, чуть ли не близкому человеку. Местные городские воришки несли ей (уверенные в том, что она их не сдаст милиции) на продажу ворованные телефоны, золотые цепочки, ремни, антиквариат, но Алиса, наученная горьким опытом своей напарницы Томки, чуть не угодившей за решетку, каждый раз, завидев нечто подобное, с силой захлопывала окошко киоска и грязно материлась, злясь на то, что ее пытаются спровоцировать на уголовщину. К тому же

эти сомнительные типы, среди которых попадались и навязчивые женщины-пьянчужки, просто мешали ей работать, делать выручку.

Работа была на первый взгляд нетрудная, даже интересная, если учесть, сколько людей проходило перед ее глазами и сколько разного рода предложений сыпалось ей на голову на протяжении вот уже трех лет ее пребывания здесь. Но, с другой стороны, приходилось, принимая товар, самой тягать тяжелые ящики с пивом, коробки с печеньем или шоколадом, тугие пластиковые упаковки с лимонадом или соками.

В тот день, когда она, купив тест и узнав, к своему ужасу, что беременна, ей показалось, что она и под прилавок-то поднырнула как-то неуклюже, с трудом, словно ей уже заранее мешал живот. Хотя сроку-то было всего ничего – три недели. Одно только слово «беременная» сделало ее в собственных глазах толстой, распухшей, и даже на лице – когда она разглядывала себя в осколок зеркала, прибитый к облупившейся стене киоска, – появились как будто бы коричневые пятна. А губы? И они тоже распухли, без всякого дорогого силикона.

Понятное дело, что беременность эта была ей ни к чему. Как и прошлые ее беременности. Ну, залетела, с кем такого не случается. Другое дело, что денег на аборт ей было жалко. Хотелось же все делать по-человечески – без боли, и чтобы быстро выписаться. Томка и медицинский центр ей показа-

ла, где она сама избавилась недавно от беременности («Бархатный» аборт, понимаешь? Таблетку выпила – и все, голуба!»), где с ней обращались как с нормальной, денежной девушкой. С уважением, с пониманием. И где не задавали лишних вопросов и не пытались ее уговорить оставить ребенка.

Беременная, она продолжала держаться за прилавком так же, как и всегда, хотя на самом деле в душе ее поселилась уже черная тоска, избавления от которой – в отличие от аборта (она это твердо знала) – не существовало.

Месяц назад

...Так случилось, что на танцах в Доме офицеров, куда она зашла просто так, вечером, возвращаясь с работы, Алиса познакомилась с парнем. Его звали Георгий. Никакой он был не офицер, тоже случайно зашел на танцы – поглазеть на девушек, потанцевать, а может, и снять кого-то, поразвлечься. Встретились они взглядами, и Георгий первый подошел к Алисе, сказал, что она очень красивая, самая красивая среди всех танцующих девушек, и что имя у нее наверняка тоже необычное, потрясающее. Как в воду глядел! Вернее, в зеленые продолговатые глаза Алисы.

– Алиса.

– Ну вот, я же говорил! Прекрасное имя! А я – Георгий.

Он пригласил ее на танец. Был теплый июльский вечер, танцплощадка освещалась мягким электрическим светом, лившимся из круглых прозрачных плафонов. Изумрудной сеткой раскинулись над желтым выщербленным полом площадки кроны ив и старых кленов. От танцующих пахло вперемежку духами, спиртным, сигаретным дымом. От разбитых поблизости клумб городского парка тянуло сладким запахом ночных фиалок. И музыка была приятная, медленная, не то что в ночных клубах, куда время от времени затаскивала Алису Томка.

Георгий держал Алису за талию с осторожностью вежли-

вого, воспитанного молодого человека, не позволяя себе ничего лишнего. Это был высокий, хорошо сложенный парень с черными волнистыми волосами, крупными чертами лица и внимательными темными глазами. Чувствовалось, что он скрытен, себе на уме, а потому с ним надо было держать ухо востро. Он мог быть как молодым профессором университета, так и охранником из какой-нибудь мутной фирмы. Хирургом или уголовником. Алиса и сама была не рада тому, что за свои двадцать с небольшим лет так и не научилась разбираться в людях. А потому, чтобы не очень сильно разочаровываться, никогда особо не фантазировала и не мечтала, и уж точно не ждала от новых знакомств ничего хорошего. Так было проще, это было своеобразным проявлением инстинкта самосохранения.

Вот и в этот раз, хоть парень и понравился ей, она, чувствуя на своей талии его руки, представляла себе, как после нескольких танцев они распрощаются и он даже поленится пойти ее провожать. Да и зачем ее провожать, ведь, если разобраться, если он на самом деле стоящий молодой человек, за которого любая девушка мечтала бы выйти замуж, то, узнав, кто она и чем занимается, он уж точно не станет продолжать с ней встречаться. Без образования, продавщица в пивном ларьке... Даже у девушки из кордебалета, которая танцует в соседнем с ее ларьком заведении под претенциозным названием «Ночное варьете», и то больше шансов подцепить положительного парня, чем у нее, у Алисы. Девушка

из кордебалета хорошо сложена, прекрасно двигается, к тому же она переполнена женской силой, которую подпитывают многочисленные восхищенные взгляды мужчин, а потому и сама чувствует себя достаточно уверенно и нисколько не стыдится своей профессии. А что Алиса? Ну да, она тоже стройна и даже (по словам Томки, которая знает все) красивая, но танцевать не умеет, поддерживать разговор – тем более. За что ее любить-то?

Словом, испытывая определенные страдания из-за низкой самооценки, Алиса была рада самому факту знакомства, а потому старалась радоваться любой малости. И уж, конечно же, она обрадовалась невероятно, когда знакомство продолжилось – Георгий не только проводил ее домой, но и договорился встретиться с ней на следующий день. И этот день настал, и было самое настоящее свидание со скромным букетом цветов и разноцветными шариками мороженого в кафе на набережной. И ей было хорошо, весело и как-то фантастически легко на душе, словно в ее жизни вообще никогда не было мужчин, подлецов, любовников, ухажеров, стыдливых женатиков и пр. и пр. И ей нравилось это начало жизни – с белого листа. Она и вести-то себя старалась так, как если бы была девственной, а потому каждое объятие воспринимала (внешне, конечно же) с робостью и стыдом. Словом, Алиса обманывала не только Георгия, но и себя, и ей этот обман был сладок.

Понятное дело, она приврала, сказав, что учится на бух-

галтера и подрабатывает в киоске, чтобы оплачивать курсы. Приукрасила действительность, подняла себе цену. Знала, что рано или поздно Георгий, любивший прогуливаться по центру города, заметит ее как-нибудь в ларьке, выдающую пиво или сдачу, а потому явно лгать не стала. И на его возможный вопрос – мол, что же ты не сказала мне, где именно работаешь? – она ответила бы, что ничего от него не скрывала и поведала все, как есть. Вряд ли он стал бы проверять, учится ли она на самом деле на бухгалтерских курсах или нет. И вот когда она представляла себе этот будущий разговор-выяснение, ее охватывали такая грусть и тоска, что и смысла как бы встречаться с этим Георгием уже не было. Словом, она умела сама отравить себе жизнь, придумывая возможные проблемы, а потому и получать от этой самой жизни удовольствия, в сущности, не умела.

Однако в истории с Георгием все вышло совсем не так, как она предполагала. Через неделю он, провожая Алису домой, грубо изнасиловал ее в подъезде какого-то незнакомого дома неподалеку от ресторана, где накормил ее предварительно ужином из жареных креветок и лимонным чизкейком. Вот так просто – затащил, схватив за руку, как если бы захотел ее просто поцеловать, в незнакомый темный подъезд вымершего на вид темного дома на темной вымершей улице, прижал животом к лестничным перилам, задрал ее пышную юбку из цветастого шифона и сделал все, что хотел. Скот! После чего проводил все-таки ее домой, поцеловал на про-

щанье в щеку и, помахав ей рукой, исчез, растворился в ночи... И больше Алиса его никогда не видела.

Что с ним произошло? Как он мог с ней так поступить, что им двигало – понять было невозможно. И хотя Алиса пыталась успокоиться, внушив себе, что ничего криминального не произошло, что она не успела влюбиться в Георгия, а потому ей стоит только забыть о нем – и все, на самом же деле все в ней протестовало против такого обращения, такого унижительного насилия. Оказалось, что все ее принципы, касающиеся ее внутренней готовности ко всякого рода подлостям со стороны мужчин (а их было немало!), не стоят ничего, что это самый настоящий самообман, и она будет переживать очередное мужское предательство сильно, глубоко, и что страданиям ее суждено будет длиться несколько месяцев, пока рана не затянется, а на горизонте не появится новый источник зла. И ничего-то с этим поделать невозможно, как ни уговаривай себя относиться к этому легко, как примерно делает это Томка. Хотя и Томка все врет, утверждая, что ей все эти разрывы-разлуки с ее любовниками – по барабану. Два года тому назад она выпила горсть фенобарбитала, чтобы «уйти из этой жизни, полной дерьма».

Если первые пару дней после того, что с ней произошло, Алиса тупо рыдала, лежа в постели и не находя в себе сил подняться и элементарно поесть, то потом она все же решила, что надо жить дальше и что ей давно уже пора на работу – Томка не станет трудиться за нее и следующие два

дня. Подруга тоже не железная и ужасно устает. Квартира, пока опухшая от слез хозяйка валялась в постели, приобрела какой-то нежилой вид. Алиса жилье снимала, поэтому здесь слабо отражалась ее индивидуальность, и еще, квартира всегда казалась какой-то голой, неприбранной и временной. Сейчас же к этому прибавились общий беспорядок, неприятный запах небранного жилища, запущенной ванной комнаты и невымытой посуды. Пустой холодильник и вообще действовал на нервы. Мусорное ведро переполнилось, и от него исходила мерзкая вонь.

И чтобы заставить себя что-то делать, необходимо было занять чем-то важным и увлекательным свои мозги. Месть Георгию – вот что облегчило существование Алисы на третий день. Придумывая, как она изобьет его где-нибудь в парке или в кинотеатре (непременно в общественном месте, чтобы все видели!), Алиса наполнила стиральную машинку грязным бельем и включила ее, налила горячую воду с мощным дезинфицирующим средством в ведро и принялась мыть полы. Выбросила мусор, вымыла холодильник и даже разложила на полках дольки лимона. Потом привела в порядок себя – помылась, расчесала волосы, надела все чистое и отправилась в магазин за продуктами.

Фантазия ее разыгралась, и она уже видела, как обливает красивое лицо Георгия серной кислотой. Видела, как он корчится от боли, как дымится его еще недавно прекрасная, без изъянов кожа от сжигающей ее отравы...

И все равно этого было недостаточно. Хотелось чего-то другого, более тяжелого, смертельного! Да, она, пожалуй, созрела тогда для того, чтобы совершить убийство. В сущности, она могла бы, не заморачиваясь, просто удушить его, поскольку пистолета или яда у нее под рукой не было. Но все это она сможет сделать позже, когда наберется сил. А сейчас она чувствовала себя очень слабой, способной разве что донести до дома пакет с продуктами.

Еще ей казалось, что эта слабость связана напрямую с ее слезами. Как если бы вместе со слезами из нее выходили силы.

Томка прибежала навестить Алису на третий день ее затворничества, вечером, оставив в ларьке подружку Соньку. Будучи в курсе постигшей Алису трагедии, она отнеслась к происшествию с искренним сочувствием, обняла ее, поцеловала в мокрое от слез лицо («Ты все плачешь, голуба?!»), сказала, что будет работать за подругу столько времени, сколько потребуется для того, чтобы Алиса пришла в себя.

После чего зашла с хозяйским видом в кухню и была явно удивлена, обнаружив, что все вокруг блестит, сверкает чистотой.

– Знаешь, голуба, мне это не нравится, – сказала она, обводя подозрительным взглядом пространство вокруг себя, – когда слишком чисто – это тоже нечто вроде болезни. Успокойся, наконец! Ну, хочешь, найдем этого твоего Георгия

и привлечем за изнасилование?

– Раньше надо было... – спохватилась Алиса. – Господи, и как же это я не догадалась?!

– Да потому что у тебя характер такой. Совестьливый. И ты думала, что не сможешь доказать, что все это произошло без твоего согласия.

– Да, ты права. И что же теперь делать?

– Если он был груб с тобой, то мог тебе что-нибудь там порвать... Я не знаю. Или на ногах синяки оставить. У тебя есть синяки?

Алиса распахнула халатик и показала синяки на ногах, в тех местах, которыми она билась о железные прутья тяжелых старых перил.

– Ну вот, я же говорила!

– Но я ничего о нем не знаю. Даже фамилию не спросила. И не знаю, где он работает.

– Дура ты, Алиса, честное слово! Хотя я же и сама такая... Ладно, вот, смотри, что я тебе принесла!

И Томка, рыжая, веселая, добрая и какая-то очень своя, родная, принялась доставать из сумки какие-то свертки и баночки.

Она всегда говорила, что сумка у девушки должна быть большой, комфортной, вместительной, чтобы туда могла влезть вся ее жизнь. К примеру, помимо традиционного набора косметики, кошелек и пачки влажных носовых платков, в ней хранились продукты (шоколад, печенье), чи-

стая простыня («Мало ли, где застанет тебя любовь, голу-ба! Может, на какой-нибудь не совсем чистой чужой квартире с грязной постелью?»), коробочка с новыми колготками, противозачаточные таблетки и пр. и пр.

На этот раз там были колбаса, сыр, клубничный джем, хлеб и шпроты.

– Томка, да я ведь все уже купила!

– Ешь, тебе поправляться надо, в смысле, приходиться в себя, а для этого просто необходимо хорошо питаться. Стресс надо заедать или запивать, поняла? А Георгия мы этого найдем, я тебе обещаю. Я уверена, что он рано или поздно снова появится на этой танцплощадке в Доме офицеров. Скотина!

Так, их общими с Томкой усилиями, стресс был побежден. И жизнь как бы стала налаживаться, Алиса даже плакать перестала. И вдруг – эта беременность! Георгий исчез, оставив после себя в недрах нежного живота Алисы зародыш такого же Георгия! Понятное дело, что от беременности надо было избавляться. Так Алиса оказалась на больничной койке. И хотя «бархатный» аборт не шел ни в какое сравнение с прежними, весьма болезненными абортами, ей все равно было больно. Но болел не так живот, как душа, сердце и даже, каким-то странным образом, горло. Словно оно сдерживало тот поток стонов и рыданий, которые скопились в ее груди и просились наружу. Словно кто-то сдавливал Алисе горло, душил ее.

Вернувшись из больницы домой, выпотрошенная, уставшая, Алиса вдруг поняла, что хочет пить. И не просто пить, а пить именно чай, и много, так много, сколько только может поместиться в ее похудевшем и ослабевшем теле. Она, с трудом передвигаясь по кухне, достала с полки коробку с остатками чая, вскипятила чайник, заварила чай и тут обнаружила, что у нее закончился сахар. Надо было идти к соседке, Антонине Петровне. Славная старушка, спокойная, улыбочивая, всегда в ее квартире чисто, пахнет сдобой или цветами. Интересно, а она в своей жизни тоже делала аборты? И вообще, есть ли у нее дети? Был ли муж?

Эти мысли появились в голове Алисы, когда она стояла перед дверью соседки и давила на кнопку звонка. Она знала, что Антонина Петровна перед тем, как открыть, непременно посмотрит в глазок.

– Это я, Антонина Петровна, – сказала Алиса устало. – Алиса.

– Сейчас, Алисочка. – Щелкнул засов, потом зазвенели ключи, дверь распахнулась, и Алиса увидела перед собой закутанную в шелковый зеленый халат соседку. Мягкие седые волосы короной обрамляли тонкое бледное лицо с большими голубыми глазами. Антонина Петровна улыбнулась и впустила соседку.

– На тебе лица нет, случилось что-то? – спросила она.

– Случилось, – сказала Алиса и вдруг, неизвестно зачем, рассказала соседке все, как на духу. И про Георгия,

и про аборт. Рассказала, как в воду холодную прыгнула. Никогда прежде она не откровенничала с Антониной Петровной, а потому не знала, какова будет реакция. Старушенция может ее не понять, даст сахару и выпроводит Алису, дав ей предварительно осознать, что презирает ее – шлюху из пивного ларька.

Однако Антонина Петровна, внимательно выслушав Алису и дав ей бумажное полотенце, чтобы она вытерла слезы, усадила девушку перед собой, налила ей чаю и, как показалось Алисе, сочувственно вздохнула:

– Успокойся, Алисочка, успокойся. Главное, что все твои мучения уже позади. Просто впредь не будь такой доверчивой и не позволяй утаскивать тебя в темный подъезд. Я думаю, что тебе следовало бы сразу прийти ко мне и все рассказать, и мы бы нашли и посадили этого ублюдка. Ведь он изнасиловал тебя! Воспользовался твоим доверием и сделал это! По сути, это самое настоящее преступление, а значит, он должен был понести наказание.

– Да я уж и сама поняла, что надо было действовать не откладывая. Мне и Томка, подружка моя, об этом сказала. Но что теперь-то говорить? – вздохнула Алиса. – Ладно, Антонина Петровна, спасибо, пойду я... Вы мне только чашку сахару насыпьте, а я завтра вам верну.

– Постой, я с тобой поговорить хочу. Ты же никуда не спешишь?

– Нет, не спешу. Чаю просто хотела выпить...

– Это ты крови много потеряла, вот организм и хочет восполнить запас жидкости. Выпей мой чай, я тебе еще сколько хочешь налью.

– И о чем вы хотите со мной поговорить? – Алиса вдруг пожалела, что зашла к соседке и рассказала о себе всю унижительную правду.

– Не переживай. Разговор будет самый обыкновенный, ничего особенного. Думаю, что ты и сама об этом не раз думала... Может, тебе просто не было с кем поговорить.

Алиса напряглась еще больше. О чем пойдет речь? О беспорядочных связях и об их последствиях? Она об этом и так все знает. Но ведь разве поверит кто-либо, что она, начав встречаться с мужчинами, в душе-то надеется, что эти отношения перерастут во что-то более серьезное? Ведь она, как и всякая нормальная девушка, мечтает выйти замуж и родить детей.

– Не пугайте меня, Антонина Петровна.

– Нет-нет, Алисочка, ничего не бойся и постарайся выслушать меня внимательно. Просто я хотела поговорить с тобой об источнике всех твоих бед, проблем и неудач.

– Даже так? И что вы обо мне знаете?

– Знаю. Только не обижайся на то, что я сейчас скажу, а постарайся понять меня правильно. Возможно даже, тебе придется несколько абстрагироваться...

– Это как?

– Воспринимай сказанное мною отвлеченно, не примеряя

на себя. Как если бы речь шла не только о тебе, но и вообще обо всех девушках твоего возраста, понимаешь?

Алиса пожалала плечами и снова пожалела, что зашла к соседке. Может, когда-нибудь она и выслушала бы женщину, но только не сейчас, сегодня ей и так досталось, к тому же так раскалывается голова...

– Я думаю, что все дело в отсутствии образования. Ведь у тебя только десять классов?

– Ну да. И что с того? – В голосе Алисы прозвучал вызов.

– Где твои родители?

– Мать давно умерла, а отца я и не знала. Меня растила бабка, мы жили в Оренбурге... Потом к ней вернулся ее сын, мой дядя, идиот, блин, и, по сути, меня выжили из той квартиры.

Алиса уже как-то рассказывала соседке эту неприятную семейную историю.

– Да-да, я помню. Ты приехала сюда, с большим трудом нашла работу, потом эту квартиру, и теперь большую часть заработанного ты отдаешь за жилье, а на оставшиеся деньги живешь, как можешь.

– Ну да, все правильно.

– Нет, это неправильно! Ты – молодая, красивая девушка и достойна большего. Тебе надо учиться. Поступить в университет, получить диплом и устроиться на хорошую, престижную работу.

– Вы что, Антонина Петровна, шутите? Как я могу учить-

ся, когда мне надо работать?

– Скажи, а ты хотела бы учиться?

– Конечно!

– Где? Кем бы ты хотела стать?

– Экономистом. Томка говорит, что это самая классная и высокооплачиваемая работа. Или юристом. Но я никогда в жизни не поступлю на бюджетное, я уже все забыла, что в школе знала.

– Правильно. Я так и думала. Но как ты училась в школе?

– Почти все четверки, одна только тройка.

– То есть, чтобы все вспомнить, тебе надо походить на подготовительные курсы или нанять репетиторов, так?

– Ну, приблизительно. Вот только не понимаю, зачем об этом говорить, когда, повторяю, у меня нет такой возможности? Чтобы учиться, деньги нужны, и немалые.

– Да я все понимаю. Может, ты удивишься, но я хотела бы предложить тебе свою помощь. Я живу одна, деньги у меня есть. Ты бы приняла от меня подобную помощь?

Алиса чувствовала, что Антонина Петровна нервничает, и голос ее прозвучал неуверенно:

– Вы хотите сказать, что готовы заплатить за меня репетиторам?

– Да, именно это я и хочу сказать. Ведь если бы у тебя были деньги, ты бы так и поступила?

– Ну да! – с жаром воскликнула Алиса, мысленно уже представляя себя вприпрыжку бегущей в университет,

с книжками под мышкой.

Она – студентка университета!!! Нет, это невозможно. И тогда она перестанет стесняться своей работы в пивном ларьке, да и на молодых людей взглянет иначе, возможно, сверху вниз. Может, тогда и личная жизнь ее сложится по-другому, ведь ее будут окружать такие же, как и она, студенты. Молодые люди из хороших семей, денежные, воспитанные! И если ее прежде никогда не интересовала фамилия парня, с которым она встречается, и она не спрашивала, где этот человек работает или учится, то в университете все эти парни будут для нее относительно прозрачными, ясными. Студент – он и в Африке студент. Значит, у него есть голова на плечах.

– Подождите... Но вы же меня совсем не знаете, я для вас – никто, и звать меня никак, образно выражаясь. Мы почти незнакомы. Почему вы решили помочь именно мне?

– Да потому, что я встречаю тебя каждый день, знаю, что ты работаешь в своем киоске в центре города – я видела тебя там, и не раз... У тебя там постоянно очередь, тебе даже выпить воды некогда! Знаю, что ты не воруеть, иначе давно бы уже вылетела оттуда. Словом, вижу, как тяжело тебе достаются деньги и как несправедлива судьба к тебе. Поэтому и хочу помочь.

– Вы, наверное, желаете, чтобы и я впоследствии помогала вам? Ухаживала за вами?

– Вот уж нет! – замахала тонкими ручками Антонина Петровна. – Меньше всего об этом думала! Если мне понадобится уход, я сама пойду в дом для престарелых. Не хочу никого обременять. У меня подружка там сейчас живет, всем довольна. Я часто ее навещаю. Там и условия хорошие, и на природе они, и какое-то общество... Но главное – это врачи.

– Вы такая странная...

– Я не странная, я – старая, понимаешь? Вернее, пожившая. У меня была хорошая жизнь. Хороший муж. Просто он ушел из этой жизни, и я осталась совсем одна. Детей у меня никогда не было, а из приюта я кого-либо брать боялась. Получается, что мы с мужем всегда жили для себя, ни с кем не делились. Как эгоисты. А сейчас я думаю, что мы поступили неправильно и что если бы мы взяли ребенка, то сумели бы воспитать его, несмотря ни на какие дурные гены...

– Вы думаете, что в приютах живут только дети с плохими генами?

– Нет, я так не думаю, но какой-то процент – конечно.

– Но как я-то смогу принять у вас деньги на учебу? Я же должна буду с вами хотя бы потом расплатиться...

– Может, когда-нибудь и расплатишься. Своим добрым отношением. Может, будешь навещать меня в доме престарелых.

– Нет, я так не могу... У меня это просто в голове не укладывается!

– А ты подумай. Тем более что я, повторяю, от тебя не прошу ничего взамен. Пойми, пока ты не получишь хорошего образования, у тебя никогда не будет денег. А деньги – во все времена – решали все! И никогда никому не верь, если тебе скажут, будто деньги играют не первую роль в жизни. Это тебе скажут те, у кого этих денег никогда не было. Деньги – это свобода, понимаешь? А еще – это здоровье и возможность устроить жизнь по своему вкусу. И мужчины начнут ползать у твоих ног, когда у тебя появятся деньги. Вот представь себе, что ты познакомилась с этим Георгием и он попытался с тобой так грубо поступить... Были бы у тебя деньги, ты обратилась бы к самому хорошему адвокату, он бы из-под земли достал этого твоего Георгия и посадил бы его в тюрьму! Как минимум – лет на семь. Тебя бы удовлетворил такой срок?

– Вполне! – блеснула глазами возбужденная этим разговором Алиса. И подумала, что тюрьма стала бы лучшим из всех наказаний, которые она для него придумала.

– Да ты могла бы элементарно купить себе хорошего мужа. Выбрала бы – и охмурила. Дала бы ему все то, чего он хочет. Да что я тебе рассказываю, неужели ты и сама не понимаешь, что с деньгами жить хорошо?

– Антонина Петровна... Ваше предложение настолько неожиданное...

– А ты не торопись и все обдумай. Выбери хорошее учебное заведение, непременно престижное, по окончании кото-

рого ты либо устроилась бы на государственную службу, либо, подкованная знаниями, открыла бы свой бизнес. С деньгами я тебе тоже помогла бы.

Алиса невольно завертела головой в поисках признаков богатства в квартире соседки, но ничего похожего на роскошь не заметила. Все более чем скромно.

– Я поняла твой взгляд, – улыбнулась, показав ряд искусственных зубов, Антонина Петровна, и взгляд ее показался Алисе каким-то умиротворенным и преисполненным достоинства, как у человека, научившегося скрывать свою состоятельность и даже находящего в этом особое удовольствие. – Напрасный труд!

– В смысле?

– Все мое богатство – в ценных бумагах и в банках. К счастью, у меня был состоятельный муж... Вот только получать удовольствие от денег я так и не научилась. Ну, могу позволить себе купить стерлядь или икру, а вот тратиться на наряды или драгоценности (хотя они у меня есть, и все это – подарки мужа) не хочу. Да и мебель моя меня устраивает. Словом, я – такая, какая есть.

Алиса очень удивилась: оказывается, она совсем не знала свою соседку. И теперь Антонина Петровна предстала перед нею в совершенно новом облике – тайной миллионерши, за плечами у которой – целый сад райской жизни с любимым мужем. Понятное дело: теперь Алиса будет смотреть на эту женщину уже совсем другими глазами.

– Ты все поняла, Алиса?

– Поняла, – ответила неуверенным тоном Алиса. – Мне надо подобрать себе вуз.

– Вот и хорошо, что поняла. И, пожалуйста, не комплексуй и не считай, что ты будешь мне чем-то обязана. Я достаточно пожила, многое видела, и теперь мне хочется прожить еще одну жизнь, наблюдая за тобой. Все твои успехи станут и моими успехами. И все твои проблемы мы примемся решать вместе. При том, что ты оставляешь за собою право по-прежнему жить самостоятельно, в той же съемной квартире, и в этом плане над тобой никогда не будет никакого контроля. Но жизнь преподнесла тебе хороший урок, и я думаю, что уже в следующий раз ты не допустишь подобного, ведь так?

– Так, – с облегчением ответила Алиса, в душе радуясь тому, что Антонина Петровна не поставила условия проживания совместно с ней в одной квартире.

* * *

«...Ромеро не делал ни одного лишнего движения, он всегда работал точно, чисто и непринужденно. Другие матадоры поднимали локти, извивались штопором, прислонялись к быку, после того как рога миновали их, чтобы вызвать ложное впечатление опасности. Но все показное портит их работу и оставляло в душе неприятное чувство. Роме-

ро заставлял зрителей по-настоящему волноваться, потому что в его движениях была абсолютная чистота линий, и потому что, работая очень близко к быку, он ждал спокойно и невозмутимо того момента, когда рога зверя минуют его...»

«— Добрый вечер, моя дорогая, как поживаешь? Я что тебе звоню-то... С радости купила себе хорошего вина и напилась! Тебя не дождалась, тем более знаю, что ты не пьешь, поэтому я и за себя выпила, и за тебя! И чувствую себя просто великолепно! И вообще, знаешь, что я поняла? Что надо радоваться жизни, пока ты жив. И не болеть. А чтобы не болеть, надо иметь вполне определенное, веселое мироощущение, понимаешь? Вот и получается какой-то замкнутый круг. Ну да ладно. Теперь о главном: кажется, мне нашли то, что я хотела... Местечко называется Вилламартин, это вроде английской колонии в Испании, такое тихое райское место, где все играют в гольф... Вот! Господи, кто-то звонит в дверь... Уверена, что это моя дочурка пришла поздравить меня с днем рождения. Принесет мне сейчас какой-нибудь веник и вазу хрустальную, как водится. Знаешь, я стала ее бояться. Вдруг, думаю, она пришла меня убить? Мне постоянно кажется, что они все ждут моей смерти. Но не дождутся! Ладно, бог им судья. Ты книжку-то прочитала? Нет? Так читай! Ладно, Тонечка, пока».

2010 г.

– Меня зовут Курепина Антонина Петровна.

Перед Логиновым стояла невысокая женщина в розовом халате. Заспанная, с аккуратными рядами маленьких пластмассовых бигуди на голове. Бледное лицо словно присыпано пудрой. Возраст определить трудно. Морщин мало, но чувствуется, что женщине далеко за шестьдесят. Глаза ясные, голубые. Соседка, проживавшая с Алисой на одной лестничной клетке. Чтобы уговорить ее открыть дверь, Логинову пришлось сначала показать удостоверение в глазок, а потом, не убедив женщину в его подлинности, позвать соседей с других этажей, чтобы те подтвердили необходимость открыть дверь. И вот теперь он беседовал с ней на ее же кухне.

– Понимаете, ночь – не самое подходящее время для визитов, – говорила она ледяным тоном, глядя куда-то мимо Логинова. – Ночные звонки – будь то в дверь или телефонные – никогда не сулят ничего хорошего. Либо это известие о чьей-либо смерти, либо о болезни. И редко – о радостном событии, связанном, например, с неожиданным приездом людей, которых ты хочешь увидеть даже глубокой ночью.

– Согласен. Но что поделать, если труп был обнаружен не так давно.

– Какой еще труп? – Она нахмурила брови, почувствовавшись, что она еще словно не проснулась.

– Вашей соседки – Алисы Пироговой.

– Что-о-о?! – Женщина даже привстала со своего стула и как-то вся съежилась. – Послушайте, что вы такое говорите?! Я же с ней сегодня вечером разговаривала! Алиса... Пойдите... нет, этого не может быть!

– Но ее опознали жильцы дома, те, которым не спалось, они до сих пор толпятся на лестнице. Антонина Петровна... скажите...

Но женщина никак не реагировала на его слова. Она смотрела куда-то в пространство и была, казалось, где-то очень далеко. Даже глаза ее словно стали еще более голубыми и подернулись перламутровой пленкой. Она будто ослепла.

– Если вам плохо, я приглашу врача, – предложил Игорь.

Антонина Петровна медленно повернула голову, и взгляд ее снова застыл. Видно было, что с ней происходит нечто странное. Словно она все пытается проснуться и никак не может.

– Вы сказали, что труп Алисы... Что Алиса... умерла?.. Но это невозможно! Она была совершенно здоровой. Молодая девушка... Что с ней случилось? Не бойтесь, я немного пришла в себя и поверила, что действительно что-то случилось. Ведь вы здесь, а это значит... Господи, да не молчите же вы! Что с ней случилось?

– Ее убили. И ее труп обнаружен в квартире другого вашего соседа – Дениса Караваева.

– Дениса Евгеньевича? Ах... да... Хотя... Боже мой, и те-

перь об этом узнали все... А ведь она это тщательно скрывала, вернее, они это скрывали, не хотели афишировать...

– Что именно они не хотели афишировать.

– Теперь это уже не имеет никакого значения. А что говорит он сам? И вообще, как все это произошло?

Получалось, что вопросы теперь задавала она – и проделывала это с какой-то неожиданно профессиональной требовательностью. Логинов подумал – не стоит напоминать ей о том, кто кого допрашивает, не надо акцентировать на этом внимание. Главное, рассказав ей о сути преступления, заставить ее саму заговорить. Он почувствовал, что соседке многое известно о жизни Алисы. Да и другие жильцы, все, как один, твердили, что Алиса частенько заходила к Антонине Петровне и что, несмотря на колоссальную разницу в возрасте, они как-то ладили между собой, и вполне вероятно, что Антонина Петровна помогала Алисе материально.

– Ее труп обнаружили в туалете... – Логинов старался в самых мягких выражениях описать, где и в каком виде Алису нашли мертвой в квартире Караваева.

– Какая ужасная смерть... – прошептала Антонина Петровна, прикрывая рот ладошкой. – Но Денис Евгеньевич на это не способен. Это я вам на всякий случай говорю, если вы вдруг станете подозревать его. Он души не чаял в Алисе, она ему очень нравилась, но он даже пальцем ее не касался. Боготворил ее, считал, что между ними все равно ничего не может быть. У них же огромная разница в возрасте!

Знаете, я сейчас как в страшном сне... Ведь еще несколько часов тому назад она была здесь, у меня, и мы с ней разговаривали. Она же готовилась к поступлению в университет... У нее каждый день был расписан по минутам! И цель имела – она была очень целеустремленной девушкой.

– Успокойтесь, Антонина Петровна. Может, примете успокоительное? – Логинов уже понял, что напал на золотую жилу и именно Антонина Петровна расскажет ему все-все об Алисе Пироговой.

– А я могу взглянуть на нее? – спросила она и вдруг, вероятно, представив себе эту ужасную, отвратительную в своей натуралистичности картину, зажмурилась. – Нет-нет, что я такое говорю? Я не хочу это видеть... Так что сказал Денис Евгеньевич?

– Ничего не сказал. Да и вряд ли теперь скажет.

– В смысле? – Она как-то странно улыбнулась, словно уже все поняла и теперь ей оставалось только довести свою линию поведения до конца. По инерции. – Как это – не скажет?

– Дело в том, что и он убит. Его голову также разбили гантелью, как и Алисе. Его труп обнаружили в его же квартире. Вот так-то, Антонина Петровна... Теперь-то вы понимаете, как нам важны ваши свидетельские показания? Не могли бы вы рассказать все с самого начала? Как вы познакомились с Караваевым, что он был за человек, кто такая Алиса Пирогова... Ну, и так далее.

– Хорошо, я попробую, – пробормотала она, уставившись

куда-то в пол. Затем она подняла голову и, сощурившись, словно припоминая прошлое, заговорила. Монотонно, отрешенно, с горечью в голосе:

– Денис Евгеньевич поселился здесь шесть лет тому назад. И сразу как-то понравился всем нам, старожилам. Интеллигентный такой человек, красивый, вежливый и вообще интересный. Но мы – я имею в виду соседей – не сразу поняли, что он не простой инженер или компьютерщик. И уж не помню, кто узнал первым об этом его увлечении – словом, Денис Евгеньевич был известным в городе коллекционером, антикваром. Он собирал монеты, может, и значки, старинные вещицы. Еще – ордена. Дорогие ордена. Он сам мне об этом рассказывал, правда, ничего не показывал. Поэтому и посетители его были не простыми людьми, приезжали к нему на дорогих машинах. Мы-то судачили, что он, уходя на работу, рискует, что его обворуют, но потом узнали, что квартира находится под охраной. Многих в нашем доме пообворовывали, даже тех, кто поставил металлические двери не только на входе в квартиры, но и в тамбурах, вы понимаете, о чем я, да? А Дениса Евгеньича не тронули. А вот сегодня, стало быть, тронули. – Лицо Антонины Петровны еще больше побледнело, уголки губ опустились, да и рот как-то искривился. Логинов подумал даже, как бы ее не хватил удар.

– Антонина Петровна, с вами все в порядке?

– Да уж, в полном порядке, ну, совершенно в полном по-

рядке! – она покачала головой. – Кошмар какой-то!

– Он жил один?

– Совершенно один. Правда, у него бывали женщины, но в последнее время он их всех отвадил. Влюбился в нашу Алису. Вернее, может, она ему и раньше нравилась, но в последнее время, начиная с весны, они начали встречаться. Правда, отношения их были чисто платоническими, можете мне поверить.

– Вы можете заблуждаться...

– Нет. Вероятно, Алиса и попыталась бы от меня что-то скрыть, вообще она была намного проще, что ли, Дениса Евгеньевича. Но его-то я хорошо знаю! Он не посмел бы перейти эту грань. Может, духу бы ему не хватило, а может, из чувства ответственности за Алису. Или – и то, и другое. Но он с нее прямо пылинки сдувал... Подождите... У меня мысли путаются. Его убили. Гантелей. Но главный вопрос: его ограбили?

– Точно пока не известно, хотя в квартире все перерыто. – К этому времени Логинов уже знал, что ничего ценного, помимо небольшого количества антикварных и почти ничего не стоящих предметов, в квартире нет. – Возможно, унесли всю коллекцию. Вы не знаете, где он ее хранил?

– Я этим не очень-то интересовалась, а вот Алисе он показывал, хвастал, она сама мне рассказывала. Может, думал, что ее это как-то заинтересует. Но разве молодая девушка может увлечься какими-то там монетами или медалями? Ду-

маю – пусть простит меня Алисочка, – ее интересовали деньги Дениса...

– А можно поподробнее?

– Он делал ей подарки. Покупал драгоценности, цветы, сласти. И ей это очень нравилось. Да и какой молодой девушке это не понравится? То бусы из жемчуга, то колечко с бриллиантом, то золотые часики... Он и сам получал удовольствие от того, что делал ей подарки. Я в этом просто уверена!

– Другими словами, вы хотите сказать, что они не были любовниками, но Караваев тратил на нее деньги?

– Именно это я и хочу сказать. Но, с другой стороны, почему бы ему и не потратиться на красивую девушку, с которой приятно сходить в ресторан, в кино, в театр? Уж не знаю точно, сколько могли стоить эти его монеты и медали, но он отнюдь не бедствовал. И деньги у него были. Немалые. Мне Алиса сама говорила, что он богатый. Правда, не объясняла, откуда ей это известно. Может, из их бесед. Знаете, я сейчас даже думаю, что он мог все же сделать ей предложение... Да и все остальное тоже мог... словом, я не знаю, я уже ничего не знаю! У них были отличные отношения...

– Скажите, вы не в курсе, у Караваева были наследники?

– Да, наследник у него есть. Это точно. Его родной брат. Не скажу, что близнец, но очень похож. Они погодки. Только он в Оренбурге живет, или в Москву переехал, точно не знаю. Братья редко виделись, у каждого – своя жизнь.

Знаю я, что Денис помогал Василию, денег, к примеру, ему дал, когда брат собрался покупать машину... Да и вообще, они часто перезванивались, переписывались.

– Ясно. А Алиса? Кто она, откуда? Есть ли у нее родственники, наследники?

– Наследники? Нет, никого у нее нет. Она всегда была бедна, как церковная мышь.

– А квартира?

– Она ее снимала, у моей соседки, Валентины, вот уже в течение пяти лет. Валя-то вышла замуж за москвича и укатила в Москву, а квартирку эту сдавала Алисе. И, надо сказать, весьма дешево. У Алисы не то что наследников, вообще никого никогда не было. Вернее, была когда-то мать, но уже умерла. Алису воспитывала бабка, но потом девушку, можно сказать, выжили из квартиры, ей пришлось уехать. Она, бедолага, осталась, можно сказать, на улице, и я, как могла, помогала ей.

– Чем она занималась?

– Сначала работала в одном ужасном месте – в пивном ларьке, может, вы его знаете, в самом центре, на пересечении проспекта Кирова и Братиславской улицы. Под аркой, где раньше, в прошлом или даже позапрошлом веке, находился городской бордель...

– Да, понял. Я знаю этот ларек. – Логинов вспомнил, что и сам не единожды покупал там пиво и сок. – Она работала там? И долго?

– Да уже прилично. У нее еще сменщица была – Томкой ее звали. Но потом... Ох, не знаю, рассказывать вам или нет? Но я решила помочь девчонке и дала ей денег на репетиторов. Очень хотелось мне, чтобы у нее жизнь сложилась. Деньги у меня были, мы с мужем жили хорошо, он видный пост занимал. Но я уже старая, мне почти ничего не нужно, вот я и подумала – почему бы не помочь девчонке?

Логинов, услышав такое, переменял свое мнение об Антонине Петровне и просто не мог не уважать ее за столь благородный поступок. Поди же, обыкновенная старушка, а сколько великодушия! Выходит, Алиса была ей не просто соседкой, а почти что внучкой!

– Да, вы правильно сейчас подумали, нас с Алисой связывали очень теплые отношения. Я не хотела, конечно, чтобы меня любили за те деньги, что я давала ей на обучение, но, с другой стороны, кто я ей такая, чтобы она меня любила?

– Может, вы хотели, чтобы она позже, когда вам понадобится помощь, позаботилась о вас?

– О, нет-нет! Она знала, что я собираюсь в дом престарелых. У меня там подружка.

– Знаете, Антонина Петровна, вы – удивительная женщина!

– А вы... вы... извините, я забыла, как вас зовут?

– Логинов Игорь Валентинович.

– Игорь Валентинович, вы уверены, что она... мертва? Может, ее только ранили?



«...В проходе, огороженном заборами, полиция подгоняла толпу. Люди шли или трусили рысцой в сторону цирка. Потом появились бегущие. Какой-то пьяный поскользнулся и упал. Двое полицейских подхватили его и оттащили к забору. Теперь все бежали быстро. Потом раздался дружный крик толпы, и, просунув голову между досками забора, я увидел, как быки сворачивают с улицы в длинный загон, ведущий в цирк. Быки бежали быстро и нагоняли толпу...»

«—Привет, дорогая! Как дела? Ты, наверное, хочешь спросить, куда я пропала? А, знаешь? Вернее, догадываешься? Правильно. Я только что вернулась оттуда. Я потрясена! У меня такой веселый, сумасшедший шок. Я видела этих быков, я была на корриде! Если раньше я видела это только в кино, по телевизору, искала эти ролики в Интернете, то сейчас я была прямо там, я дышала запахом этой крови, я словно принимала участие в этих спектаклях!!! Да, представь себе, эти бои здесь называют спектаклями, но по-испански это звучит просто потрясающе! Corrida de toros! Дело было в Мадриде, куда нас привез гид после того, как я осмотрела дом... Так вот, там есть такое специальное место, называется Plaza de toros; господи, Тоня, да у меня только от этих названий голова уже заранее закружилась!

А потом, когда все это началось, это потрясаяюще красочное и волнующее зрелище, я поначалу отворачивалась, так мне было страшно, и все время казалось, что вот-вот сейчас бык медленно повернет свою крупную голову и передумает связываться с этим красавчиком, а ринется в зрительские ряды... не знаю, может, потому, что я уже не молодая и мне всегда отчего-то страшно, но первое время я чувствовала себя... как-то не по себе мне было. А потом, когда я увлеклась этим зрелищем и ощутила, как моя кровь забурлила по жилам, я поняла (вернее, удостоверилась, в которой уже раз!), что мы неправильно жили, понимаешь? Мы не прожили свою жизнь, а просуществовали. Как растения. Не бунтовали, не говорили вслух того, что думали, не давали пощечин всем тем, кто нас оскорблял или унижал, и ничего-то не брали от жизни, а жизнь – она ведь одна... Скажу тебе (дело прошлое), что, глядя на эту другую жизнь, на тот дом, в котором я в скором времени буду жить, наслаждаясь красотой природы и нежась на солнышке, я жалею – знаешь, о чем? Что не поступила так, как могла бы, когда мой Николай лежал, прикованный к постели. Ведь он из меня последние жилы вытянул, всю кровь мою выпил, умирая!

Тогда мне нужен был какой-то эмоциональный толчок, мне не хватило какого-то градуса, чтобы мои мозги закипели и я приняла бы верное решение. И его бы избавила от страданий, и сама бы не мучилась, и все бросила бы –

купила бы дом в Испании и жила себе спокойно. Может, еще и мужчину какого-нибудь небедного встретила! Говорят, здесь не хватает эсеницин. Уф... Что-то я сегодня разговорилась. Поднимайся ко мне, я покажу тебе снимки, ты увидишь мой дом. Да, не сегодня завтра сделка состоится.

А теперь представь, что испытает Лена, узнав, куда я вбухала денежки? Что? Жалко? Нет, не жалко. У нее был хороший капитал, она могла бы сохранить и приумножить его, тем более что отец ее всему научил. И кто виноват, что она развалила свою фирму? И что муж ее – полный идиот и ничего не умеет? Вот внучку жалко, это факт, но я ее позже к себе заберу, воспитаю на свой лад и объясню ей, что никогда не надо торопиться лишать себя свободы, даже когда ты сильно влюблена. Влюбленная эсеницина – дура-эсеницина! Ею можно манипулировать, из нее можно выкачивать деньги, обманывать ее... Кажется, звонят в дверь, пойду открою. Тонечка, целую тебя, пока!»

2009 г.

– Хочешь сказать, что твоя соседка решила оплачивать твою учебу?!

Томка потеряла свой высокий гладкий лоб. В подсобке было душно, пахло волглыми старыми одеялами, которыми были застланы все стулья и диванчики; пивом, которое Томка пила в последнее время литрами, спасаясь от жары; и дешевым одеколоном, которым она смазала свою поцарапанную о ящик с соками коленку.

Алиса сидела напротив нее и курила. К счастью, покупателей не было, в окошке, обычно забитом потными и недовольными физиономиями, было пусто и темно. Имелась возможность спокойно поговорить.

– А она у тебя не того... не с приветом?

– Если бы все были с таким «приветом»!

– Но разве нормальный человек станет тратить свои деньги на чужих?

– Ответ напрашивается сам собой – значит, я ей не такая уж и чужая. Не на улице же она меня подобрала, как щенка! Видит, что я пашу, как лошадь, комплексую из-за этого ларька... Словом, сделала мне моя бабулька внушение, объяснила, что к чему. Мол, без денег – никуда! Что деньги в наше время – это наше все!

– Почему это «в наше время»? Деньги всегда были «на-

ше все», во все времена! Ты думаешь, я не хотела бы учиться в каком-нибудь престижном вузе, чтобы получить хорошую профессию и устроиться на приличную работу? Но это просто невозможно! У меня денег нет и, по всей видимости, никогда не будет.

– Но согласись, если бы тебе представился такой шанс, ты бы не отказалась?

– Конечно, не отказалась бы. И ты тоже не отказывайся! Я уж не знаю, что за блажь у твоей соседки и чего ей на самом деле от тебя надо, но если она дает тебе деньги, наличные, то бери и делай так, как она говорит. В сущности, благотворительность в этом мире еще никто не отменял.

– Вот и я тоже так думаю. Знаешь, как представлю себе, что ухожу отсюда, начинаю новую жизнь, так даже дышать становится трудно...

– Ну, положим, работу ты пока не бросай. Ведь это же еще пока только слова. Вот как начнет она тебе давать деньги в руки, ты с ней и поговори – мол, так и так, бросать мне работу или нет? И если бросать и всерьез браться за учебники, то надо же тебе на что-то жить? То есть деньги понадобятся. Вот и посмотришь, что она тебе скажет. Главное – реальные цифры.

– Но я еще не определилась с вузом.

– Поступай в университет, учись на экономиста. Или в Академию права. Ну, не на филолога же учиться?! Хотя можешь и на психолога.

– Ты прямо как в воду глядела. Думаю, на психолога я бы потянула. Я и так уже психолог! Такого я на этой работе не рассмотрела, такие экземпляры перед тобою тут проходят – ни в каком университете не увидишь!

– Значит, считай, что ты определилась. Если тетка твоя, вернее, бабушка, спросит, почему ты выбрала именно этот факультет, скажешь, что за психологами сейчас – будущее! Что люди стали более грамотными, но и более загруженными и гораздо чаще, чем прежде, стали обращаться к профессионалам, желая разгрести свои проблемы. Словом, сама знаешь, что сказать. И вот тогда посмотрим, что она тебе ответит. А вдруг это было просто временное помутнение рассудка? И уже сегодня она скажет, что ничего такого тебе не говорила.

– Да нет, не похожа она на сумасшедшую. Я же ее не первый год знаю. Она классная старушенция! Добрая. Воспитанная такая, интеллигентная, и чувствуется, что у нее за плечами – спокойная и счастливая жизнь, не успела она озлобиться на весь мир, как мы с тобой, к примеру. Жила себе за мужем-чиновником, как за каменной стеной. А после его смерти стала богатой вдовушкой. Но, поскольку сильно муженька своего любила, то так ни за кого больше выйти и не захотела.

– Да понятно все, Алиска! Классно! Пользуйся тем, что тебе посылает судьба. Жаль будет, конечно, если ты отсюда уйдешь, мы с тобой так хорошо сработались. Но все

равно встречаться-то будем? Надеюсь, что, когда ты выучишься, не станешь особенно-то передо мной задирать нос... кто знает, может, когда-нибудь и на работу меня к себе возьмешь?..

Томкины глаза погрустнели. Алиса поцеловала ее в щеку.

А на следующий день она снова забежала к подружке в ла-рек, в руках – коробка со свежими бисквитными пирожными. Глаза – сияют.

– Получилось! Все получилось, Томка! Мне теперь надо репетиторов искать! Сначала поеду в университет, узнаю, какие экзамены придется сдавать, потом позвоню одной знакомой Антонины, вернее, одного нашего с ней общего знакомого, соседа Дениса Евгеньевича, он сказал, что у него в университете связи, мне помогут найти хороших репетиторов... Все, Томка, колесо закрутилось! Знаешь, мне даже не верится!!!

– А насчет работы? – осторожно спросила Томка. Она жадно курила, выслушивая новости от своей счастливой подружки. – Денег дала?

– Да, она сказала, что мне теперь не надо работать, вся моя работа сейчас – это учиться, учиться и еще раз учиться!!! Так что я смогу теперь спокойно сидеть дома, заниматься, а деньги на еду и на самое необходимое она будет мне давать.

– Везет же некоторым, – Томка хотела улыбнуться, но челюсть ее словно свело судорогой, да и кожа на щеках как будто онемела. Она с трудом скрывала зависть.

– Томка, не завидууй мне, не надо! Бог даст, найдем тебе хорошего спонсора, мужичка какого-нибудь щедрого, который полюбит тебя... Ты же знаешь, как мне хреново жилось в последнее время! Как не везло! Да вспомнить хотя бы этого... Георгия. Ненавижу! Столько страха я натерпелась, столько боли... И даже не столько физической, сколько душевной.

В окошечко постучали, Томка проворно открыла и, выслушав покупателя, быстро, автоматически достала с полки коробку сигарет и упаковку презервативов. Отсчитала сдачу. К счастью, она не заметила выражения лица Алисы, которая, наблюдая за ней со щемящим сердцем, мысленно прощалась с этой убогой подсобкой, где ей приходилось обедать разогретым супчиком в стеклянной банке, кутаться в морозы в фуфайку и пуховый платок... В этой подсобке она даже принимала ухаживания мужчин, впускала их сюда, заставляя их поднырнуть под прилавок... И вино с ними пила, и водку, чтобы расслабиться, чтобы жизнь показалась радостнее, чем она есть на самом деле. Эта кушетка, застеленная шерстяным старым пледом, – чего она только не видела и кто только на ней не сидел и не лежал!

Кто теперь будет напарницей Томки? И как сложатся их отношения? Стоит ли Алисе вообще продолжать знакомство с Томкой или постараться забыть ее, как и всю свою прежнюю, полную унижений и разочарований жизнь? Как и эту продавленную кушетку?

Хотя как она может забыть и бросить свою единственную близкую подругу? Она же не такая, как все эти Георгии, она – другая, у нее есть совесть и определенные обязательства перед человеком, которого она любит и ценит. А Томку она ценила. Помнила, что в самое трудное время подруга всегда приходила на помощь. Что бы ни случилось. Томка, хотя и была ровесницей Алисы, но выглядела старше, да и вела себя как-то по-взрослому, была по-житейски мудра, опытна, да и вообще, многое знала о жизни. Жизнь ее тоже в свое время потрепала. Муж-наркоман, который чуть не продал Томку за долги, скитания по съемным комнатам (даже не по квартирам!), алкоголь... Это теперь она взяла себя в руки, стала работать без пропусков и практически без бюллетеней, с жильем вопрос утрясла, не пьет, как раньше. Правда, без пива Томка в жару не может, считает, что только им можно утолить жажду.

– Ты о чем задумалась, голуба? – Томка потрепала Алису по плечу. – Очнись, жизнь прекрасна! Особенно у тебя. Знаешь, может, где-то в глубине души я и завидую тебе самую малость, но и радуюсь, веришь?

– Верю, Томка. Ешь пирожные, они просто волшебные, свежие. Только сейчас их вкус мне кажется другим – они еще вкуснее, чем те, что мы с тобой ели раньше. Не знаю, как это объяснить. И вообще, все вокруг как-то светло, празднично, и жизнь радует...

– Вот и радуйся. А мне работать надо, – вдруг ни с того

ни с сего пресекла этот разговор Томка и даже поднялась, подошла к кассе и пробилла чек. – Вот черт, постоянно забываю пробивать...

* * *

«...Впереди стада быков бежало так много народу, что в воротах цирка образовалась пробка, и когда быки, тяжёлые, забрызганные грязью, сбившись в кучу, крутя рогами головами, набежали на толпу, один бык вырвался вперед, всадил рог в спину бегущего впереди него человека и поднял его на воздух. Когда рог вошел в тело, руки человека повисли, голова его запрокинулась, и бык поднял его, а затем бросил на землю. Бык погнался еще за кем-то, но тот человек скрылся в толпе, и толпа прорвалась в ворота, а за ним – и быки...»

«– Тоня? Послушай, это не мое, конечно, дело, но твоя Алиса что-то зачастила к Денису Евгеньевичу. Хотя бы ты повлияй на нее, она тебя слушает. Связалась с немолодым уже мужчиной, зачем? Ведь если у них что-то серьезно, плакали тогда твои денежки, бросит она учебу, которая еще и не начиналась... Тебе денег-то не жалко? А если так, если одно бл...во у нее на уме, то тем более не нужен он ей!

Как у меня дела? Замечательно. Собираюсь. Знаешь, Ленка моя в больнице лежит. У нее депрессия. Этот идиот

разбил машину.

Господи, и почему я не уехала на прошлой неделе? Что? Да, все оплатила, документы на дом у меня, только вот настроения уезжать никакого нет... У меня уже и риелторы были, ну, чтобы эту квартиру выставить на продажу. Не знаю, что и делать. Что-то происходит со мной... Я сейчас свинину пожарила, пирожков с луком и яйцом напекла, кисель сварила – поеду к Леночке. Я была у нее вчера, она плачет, не переставая, прижимается ко мне, как раньше, когда она еще маленькая была и спать одна в комнате не могла – страшно ей было. И я ее прижала к себе и тоже заплакала.

Ты уж извини, что все о себе да о себе, в следующий раз расскажешь мне, как твои-то дела, как Алиса... Все, целую, дорогая».

2010 г.

Тела убитых уже давно вынесли из квартиры, а Логинов остался там еще на пару часов. Все мелочи внимательно изучал, пытался понять, чем же действительно увлекался в своей жизни Денис Караваев. В квартире он не нашел ни следа коллекции, о которой упоминала Антонина Петровна. Ни монетки, ни медали. Разве что секретер, запирающийся на специальные замки, был выпотрошен, пуст, на полках ни пылинки – либо на них что-то стояло, и это «что-то» исчезло, либо их тщательно вытерли. Возможно, именно там и хранились все его сокровища.

Логинов настоял на том, чтобы на экспертизу были взяты простыни с постели хозяина, мокрые полотенца из ванной комнаты, зубные щетки. Ему было важно знать, как часто и в каком качестве бывала здесь Алиса. Все-таки она была молоденькой девушкой, а потому ее могли убить из ревности, а само убийство представить так, как если бы оно имело отношение к фалеристике. Или же смерть Алисы была следствием первого преступления – убийства коллекционера, а Алиса просто оказалась свидетельницей. Все это необходимо было проверить, найти знакомых Караваева, опросить их. Выяснить, не было ли у него, помимо Алисы, другой женщины. Опросить сослуживцев, изучить содержимое компьютера. Словом, работа предстояла большая. Пока что

Игорь обладал лишь скудными свидетельскими показаниями соседей и полезной информацией, полученной от главного свидетеля – Антонины Петровны.

Не давала ему покоя и квитанция из медицинского центра «Медикс Плюс». Но ею он займется позже. Сейчас же Логинову хотелось ощутить атмосферу дома, понять, чем жил и дышал Караваев.

Содержимое холодильника указывало на то, что хозяин баловал себя деликатесами, ни в чем себе не отказывал. Караваев пользовался серебряными приборами, ел со старинного фарфора.

Ходил по толстым персидским коврам. В шкафу висели отутюженные дорогие костюмы, рубашки, на полках лежало хорошее белье. Словом, тихий и скромный на вид программист, пусть даже и в крупном, населением в миллион человек, но все равно провинциальном городе, жил на широкую ногу, получая максимальное удовольствие от жизни. Путешествовал опять же, вспомнил Логинов, жил подолгу в Малибу. Такой образ жизни вел. И какая ужасная смерть! Словно расплата за все те удовольствия, что он получал при жизни. Вернее, кто-то решил, что ему пора расплатиться. Если бы не этот «кто-то», не этот убийца, жил бы себе Караваев и дальше спокойно, наслаждаясь каждой прожитой минутой, и на старость в каком-нибудь доме престарелых в Европе заработал бы – уж он придумал бы как. Женился бы, к примеру, на немке или на испанке, словом, осел бы за границей,

пустил бы там последние свои социальные корни...

Разумеется, большие надежды Логинов возлагал на записную книжку Караваева, с адресами и телефонами людей, вовлеченных в куплю-продажу всего того, чем Караваев увлекался, что коллекционировал. Может, кто-то и мог бы рассказать Игорю что-то о своем «коллеге». Но, с другой стороны, коллекционеры на мокрое дело не идут. Могут, конечно, заказать кого-то, чтобы завладеть понравившейся им вещью (медалью, орденом, монетой), но зачем же тогда убивать девушку? К тому же можно было бы проникнуть в дом, когда ни Караваева, ни его соседки в квартире не окажется. И хотя сигнализацию и разные приспособления охранной системы обмануть трудно, но все равно это возможно. Можно подкупить работающего в охранной конторе человека или испортить саму сигнализацию. Вариантов, как проникнуть в квартиру в отсутствие хозяина, – масса! Однако убийце не повезло, и он пришел как раз в тот момент, когда там был и сам хозяин, и его гостя. Причем на госте практически не оказалось одежды. И что удивительно, помимо того белья, что было на девушке, больше в квартире нет ни единой женской вещи. Как если бы Алиса заглянула к нему прямо так – в трусиках и бюстгальтере. Выпить чашку чая или пожелать соседу спокойной ночи. Но этого же просто не могло быть! Не могла молоденькая девушка ходить по подъезду почти голой. Значит, убийца куда-то унес ее одежду, в которой она пришла к Караваеву. Но зачем? Чтобы те, кто будут искать ее, поло-

мали головы?

Опять же – записная книжка. Если убийца тесно связан с Караваевым, его координаты непременно должны быть в этой записной книжке. Стало быть, эту книжку убийца наверняка прихватил бы с собой. Ан нет! Книжка лежала на своем месте, так, как если бы не представляла для убийцы никакой опасности. Словно он хотел сказать ему, Логинову, – вот тебе записная книжка, ройся в ней, ищи, обзванивай всех, кто знал Караваева, – меня-то там совсем нет!

Или если преступник еще хитрее, то его имя значится едва ли не на первой странице и обведено жирными чернилами – вон он я, попробуй-ка меня поймать!

Могло все произойти и по-другому. А если предположить, что у Алисы и Караваева возник скандал? Правда, соседи ничего такого не слышали – ни криков, ни стонов, ни грохота... Но все равно, скандал мог быть и тихим, когда люди, внезапно возненавидевшие друг друга, шипят, как змеи. Когда обманутая девушка, давясь слезами, молча укладывает свои вещи, которые она уже успела «поселить» (в надежде на долгую совместную жизнь с хозяином квартиры) среди его дорогих костюмов и одеколонов, в сумку. Когда она шепчет ему, что ошиблась в нем и не так представляла себе их совместную жизнь, их отношения, что она разочаровалась в нем – он не умеет любить, он холодный, как лед, или наоборот, его темперамента хватило бы на всех проституток города... А он лишь улыбается ей в ответ, сидя в крес-

ле и покуривая сигару. Да, он курил, и его недокуренная сигара осталась в большой красивой агатовой, похожей своим розово-оранжевым срезом на внутренность раковин-беззубок пепельнице. Почему он ее не докурил, а раздавил в пепельнице, причем сделал это варварски, так, что конец сигары был грубо расплюсчен? Как если бы это сделал не сам Караваев, а тот, кому было противно вообще брать в руки сигару.

Итак, предположительно, – скандал. Выяснение отношений. Алиса хватает самый тяжелый предмет, который только можно найти в доме, – гантель, и бьет ею Караваева по голове. По виску (так же, как потом была убита и сама Алиса, между прочим). Понимая, что Караваев убит, а она находится в квартире, полной антиквариата (медалей и монет??? – Логинов записал в своем блокноте: проверить!!!), она решает прибрать все это к своим нежным рукам. И постепенно, коробку за коробкой, переносит все в свою норку, в свою квартирку (вернее, в ту, которую она снимает уже много лет). А когда она приходит за последней коробкой, то понимает, что в квартире есть кто-то еще. И этот кто-то очень сильно любит Караваева. Или уважает его. И человек этот не менее решительный, чем сама Алиса. И этот кто-то убивает Алису, догадываясь, что убийство Караваева – дело ее нежных рук. Стоп. Вопрос! Как этот человек проник в квартиру до появления там Алисы? Хотя, может, он сам появился там уже после того, как туда зашла она? Он позвонил, она открыла,

потому что не могла не открыть, значит, она знала этого человека? Но если она, грубо говоря, грабила в этот момент квартиру Дениса, то разве открыла бы, пусть даже и хорошо знакомому человеку? Разве что этот человек был ей настолько близок, что она рассчитывала разделить с ним награбленное. То есть ее близкий друг. Или вообще – сообщник. Или сообщница. Значит, приходит этот человек, Алиса открывает ему (ей) дверь, показывает на распростертое на полу в гостиной тело и говорит – вот, мол, я и сделала это... И что дальше? Этот человек с целью присвоения себе сокровищ Караваева убивает Алису, да не просто убивает, а пытается надругаться над ее телом: засовывает в рот покойной денежные купюры и посыпает мертвую Алису какими-то ничего не стоящими, хотя и старинными, вернее, старыми, монетами... Зачем он это делает? Чтобы это убийство выглядело принципиальным, как если бы убийца захотел продемонстрировать, что он пришел сюда, в эту квартиру, именно для того, чтобы убить Алису, наказать ее за что-то, связанное с монетами или антиквариатом, а убийство Караваева здесь как бы ни при чем, – то есть что его просто пришлось убрать как ненужного свидетеля.

Итак. Убийца берет в руки гантель и бьет Алису по голове. Затем усаживает девушку в туалете на полу, прислонив труп к унитазу (унижая и без того мертвую Алису), и засовывает ей в рот деньги, пару тысяч евро... Но это не такие уж и маленькие деньги, а потому напрашивается вывод,

что убийца Алисы – не вор. Вор ни за что не оставил бы деньги. На то он и вор! Получается, что вор и убийца – совершенно разные люди? Ведь коллекции-то нет, значит, в квартире побывал грабитель. Но грабитель не мог убить Алису таким изуверским способом, четко обозначив мотив убийства. Значит, Караваева, предположим, убил вор, прихватил его коллекцию... Но деньги-то он не взял! Не может быть, чтобы он их не заметил. То есть выходит так: если в квартире побывал вор (неважно, он ли убивал или нет, как и неважно то, кого именно он убил первым, а кого – последним), то деньги бы он ни за что не оставил. Однако коллекцию он унес. Если же в квартире побывал просто убийца, но не вор, то куда же делась коллекция? Может, человек, убивший Алису, принес с собой эти пару тысяч евро и как бы бросил их Алисе в лицо? Точнее, засунул их ей в рот? Но какие же принципы и мотивы руководили им, если он сумел совершить двойное убийство, забрать коллекцию и при этом оставить на месте преступления деньги?

И сколько человек побывало в квартире Дениса Караваева? Один, который все это инсценировал (может быть, даже, к примеру, психически ненормальный человек), или же их было все-таки двое? Один – просто вор и убийца, а второй пришел сюда специально, чтобы поглумиться над Алисой? Но зачем оставлять такие деньги? В чем тут смысл?

Создавалось такое впечатление, словно кто-то нарочно все это придумал, особенно этот трюк с деньгами, чтобы за-

путать милицию. Предположим, этот «затейник» имел своей целью направить следствие в сторону фалеристики, антиквариата, то есть чтобы Логинов искал убийцу среди коллег-коллекционеров Караваева. Таким образом, пустить эти поиски по ложному следу. Значит ли это, что надо двигаться по другому пути и искать иные мотивы убийства? И еще, что касается ложного направления. Если этот «затейник» специально обратил внимание следствия именно на Алису, как если бы главной его целью было убить именно ее, значит ли это нечто совсем обратное – что главной жертвой был все же Караваев, а Алису убили как свидетельницу? Ведь куда правдоподобнее выглядела бы именно эта версия – убийство Караваева с целью его ограбления. Алиса же просто заглянула к своему любовнику или же была в тот момент у него. Возможно, готовилась ко сну. Вон, Караваев был в домашнем халате, причем в мокром. Словно он намочил его, находясь в ванной комнате... Но халат, как и одежда жертв, – детали. Главное, конечно, это мотивация...

Но коллекция? Где она? И почему, если она такая ценная, как предполагают многие, кто знал Караваева или соседствовал с ним, в квартире нет сейфа? Элементарного, пусть даже и небольшого сейфа, в котором обычные граждане хранят свои ценности? Ведь если Караваев был состоятельным человеком – а на это указывает та роскошь, которой он окружил себя, и те свидетельства его дорогостоящих путешествий, обнаруженные в результате осмотра его бумаг, – то

где он хранил свои деньги? Пусть не ордена, а деньги? Если ценностей нет в квартире, возможно, он арендовал для этих целей банковскую ячейку?

Еще раз обойдя квартиру, Логинов запер ее, наклеил на дверь соединительную полоску с прокурорской печатью, которую ему пришлось на время отклеить, заново опечатал квартиру, после чего поднялся на третий этаж, в квартиру Алисы, где тоже уже успели поработать эксперты.

Недаром говорят, что жилище человека может рассказать о нем многое. Если в квартире Караваева царил полный порядок и все вещи были прибраны и разложены по своим местам, даже чашки в буфете стояли в ряд, на равном расстоянии друг от друга, что встречается крайне редко в нормальных человеческих жилищах, то у Алисы все говорило о полной неразберихе не только в квартире девушки, но, что не менее важно, в ее душе! Логинов был твердо в этом убежден. Если у человека в жизни все идет нормально и в душе его царят порядок и гармония, он не станет долго держать засохшие розы в коричневой подванивающей воде в вазе. И он непременно пропылесосит ковер, постирает пожелтевшие занавески на окнах. Вымоет посуду, а не станет копить ее – с остатками еды – в грязной сальной раковине.

Логинов вдруг испытал странное чувство стыда за эту убитую девушку. Она умерла, ее уже нет в живых, а люди теперь увидят всю изнанку ее маленького безобразного хо-

зьяйства. Прокисшее, двухнедельной давности молоко в холодильнике, забродивший на плитке суп в маленькой синей нечищенной кастрюльке, засохшую лапшу в тарелке на подоконнике...

Постель тоже была какая-то несвежая, хотя в ванной комнате имелась стиральная машина. На первый взгляд могло показаться, что хозяйка очень бедна и чрезвычайно занята. На самом же деле Логинов опытным взглядом оценил ее вещи, висевшие в шкафу, обувь, дорогие женские журналы на столике в гостиной, косметику на туалетном столике. Да и наличие мусорного ведра, наполненного до краев упаковками от новой одежды, косметики и еды, наводило на мысль о том, какие вещи носила и чем питалась хозяйка. Мясные консервы – фазан, например, с орехами, или оленина с коньяком. Большая, килограммовая банка с консервированным тунцом, не менее внушительного размера банка с турецкими маслинами, упаковка из-под копченой семги (с розовыми жирными пятнами на пластиковой подложке). Кофе – огромная банка, чай – расписная жестянка с дорогим английским чаем.

Запах... Откуда идет этот запах? Игорь принюхался и продолжил осмотр квартиры.

Над диваном в гостиной книжная полка, на ней – подборка книг по психологии, кажется, Алиса готовилась к поступлению на факультет психологии в университет. Будущий психолог сваливал грязное белье кучей в ванной ком-

нате, вместо того чтобы сунуть его в корзину. Повсюду чувствовалось нежелание девушки хоть как-то упорядочить свою жизнь. словно она куда-то очень торопилась. Но куда? Она уже нигде не работала. Готовилась к поступлению... Но так и не поступила. Вернее, не дожидаясь буквально несколько дней до начала вступительных экзаменов.

Возможно, все-таки этот «порядок» в квартире вызван именно ее чрезмерной занятостью, подготовкой к экзаменам? Но тогда как объяснить бокалы из-под виски в кухне, рядом с раковиной? Интересное дело, но создавалось такое впечатление, словно эксперты оставили все нетронутым.

Логинов хотел было позвонить экспертам, но потом, вспомнив, что уже глубокая ночь на дворе, лишь вздохнул.

Ладно, подождем результатов экспертиз. Простыня на кровати отсутствовала, значит, все-таки кое-что взяли для исследования. Наверняка кто-то ночевал в этой запущенной квартире. Может, это были случайные мужчины, разовые, так сказать, а может, это был Караваев? Хотя вряд ли. Он такой чистюля! Да и вообще не факт, что он здесь появлялся. Если Алиса не была совсем уж глупой, она не стала бы приводить его сюда, в этот свинарник. Стеснялась бы, понимая, что такому человеку, каким был Караваев, здесь, в этом бардаке, делать нечего. Тем более заниматься с ней любовью. Ведь после этого надо идти в ванную комнату, а там...

И вдруг он понял, откуда идет этот мерзкий, навязчивый запах, который преследовал его весь вечер. Вероятно,

из отдушины. Ведь не зря жильцы дома обратили внимание на этот трупный запах! Может, что-то случилось с вентиляционной системой? Но, с другой стороны, у Караваева-то в ванной комнате, расположенной этажом ниже, пахнет чистотой и ароматизаторами.

Тут Логинов заметил небольшое пластиковое ведро, приподнял крышку, и вот оттуда-то ему в нос и ударил мерзкий запах разложившейся крови... Женские прокладки. Накопила!

Логинов выскочил из ванной комнаты в ужасе, подумав (в который уже раз за свою жизнь), что он не ту профессию выбрал. Это же ненормально – в столь поздний час рыться в грязных мусорных ведрах! Нормальные люди уже давно спят. И сытые, между прочим! А он – голодный, уставший, копается в человеческих нечистотах, дышит этой мерзостью!

А еще так хочется спать!

Никаких записных книжек, записок, ничего такого, за что можно было бы зацепиться. А мобильный телефон Алисы наверняка у экспертов.

Логинов опечатал квартиру Алисы Пироговой и поехал домой.

* * *

«...Из здания цирка доносились крики. Каждый вопль означал, что бык в очередной раз кинулся на толпу. По си-

ле крика можно было определить, насколько страшно то, что там происходит. Потом в небо взвилась ракета, и это означало, что волы загнали быков с арены в кораль...»

«— Привет, моя хорошая Антониночка Петровна! Господи, сто лет не слышала твоего голоса! Угадай, откуда я тебе звоню? Мы в Вилламартине! Леночка пока что по туристической путевке поехала, зато все сделали так быстро, эти операторы просто молодцы!

Лена ходит по дому, нашла в одной из комнат пианино и заиграла, как в детстве... Ей здесь все так нравится! А я как радуюсь, что ей стало получше! У нее и румянец на щеках появился.

Знаешь, это хорошо, что у тебя нет Интернета, иначе мы бы могли переписываться, и все то ужасное и стыдное, что я наговорила тебе за последние месяцы по телефону, сохранилось бы в переписке. А так... Это были всего лишь телефонные разговоры, и все это осталось в воздухе. Словом, я беру все свои слова (ты знаешь, Тоня, о чем я) обратно. У меня слезы стоят в глазах, так мне хорошо вместе со своей дочерью и внучкой! Лена с мужем разводится, это решено. Откупимся от этого негодяя, дадим ему денег, и он отпустит Валечку сюда, я в этом уверена. Знаешь, скажу еще кое-что. Я даже благодарна Николаю за то, что он все-таки не растратил, не промотал все, что у нас было, а сохранил. Пусть он и воровал, и воровал много, при со-

ветской власти, бог его простит, но не потратил все деньги на своих бл...ей, а вкладывал средства в ценные бумаги, в недвижимость. Сейчас одна только аренда того здания на Чернышевской дает колоссальный доход, мы можем спокойно жить и не работать, понимаешь? Вот такие у меня мысли сейчас. На корриду я пока еще их не возила, думаю, для Лены еще рано. Ей надо прийти в себя, поправиться и сначала просто понежиться на пляже, поваляться на теплом песочке... Больше того, мне кажется, что коррида – зрелище, как говорится, не для слабонервных, ей оно может нанести даже вред. Вот как меняется мнение человека. Это я о себе, Тоня. И если раньше мне хотелось – в душе – драться за свое место под солнцем, то теперь хочется драться за то, чтобы это место сохранить для своих близких. Ты не представляешь, как мы сблизились с Леной и Валюшей за последний месяц! Мы так много и долго обо всем говорили... Правильно я тебе все-таки как-то сказала, любить мужчину – опасно! Лена моя потеряла голову, отдалась во власть негодяю. Ведь он же – полное ничтожество! А у тебя как дела, моя дорогая? Как Алиса? Что у них там с Денисом Евгеньевичем? Далеко зашло? Нет? Они просто друзья? Ох, и наивная же ты, Тонечка! Да ты посмотри, как Алиса твоя изменилась, как похорошела, это же ты ее откормила, придела! И ты думаешь, что Денис с ней по вечерам о литературе беседует? Или они в шахматы играют? Поговори с ней, скажи, что ей учиться нужно! Вот то-

же – влюбится в Дениса Евгеньевича, как моя Елена, родит ребенка и про учебу, ясное дело, забудет... Хотя сейчас у меня такое мироощущение, кажется, что и любовь настоящая на свете существует, и что брак твоей Алисы с Денисом Евгеньевичем может оказаться счастливым. Но, с другой стороны (может, я сейчас и нахожусь в благодушном душевном состоянии, но все равно, характер-то мой остался при мне), не могу не предположить и другой поворот событий. Предположим: твоя Алиса встречается с Денисом исключительно из-за денег. Теперь, когда она реально и не без твоей помощи, между прочим, почувствовала их вкус, ей захотелось большего и, главное, полной независимости от того, кто ей эти деньги дает. Ты заставляешь ее заниматься, учиться, и она вроде бы учится, ходит на подготовительные курсы, но может, и не ходит, ты же не способна ее проконтролировать! Так вот, если она, пусть даже и не любя Дениса Евгеньевича, выйдет за него замуж, то ты ей будешь уже не нужна и она забросит свою учебу, помани мое слово. И тогда получится, что все твои старания были напрасны. И мне будет в этом случае очень жаль тебя и твои денежки. Поэтому ты, пока она еще никуда не поступила и твои денежки при тебе, поговори с ней по душам, скажи ей, чтобы она выбирала между учебой и замужеством. Тоня, ты что молчишь-то? А... Понятно, ты думаешь... Ну, что ж, думай, думай! Но знай, что я тебе всегда говорила – напрасно ты связалась с Алисой. Не та это деви-

ца! Но что сделано, то сделано. Кстати говоря, это не мое, конечно, дело, и я не знаю, какими средствами ты располагаешь, но прошу тебя: подумай о себе в первую очередь, о своем здоровье. Ведь если, как ты сама говоришь, ты не считаешься в глубокой старости на помощь Алисы, тогда тем более ты должна оставить что-то себе на старость, на сиделку, на лекарства, на достойную жизнь – даже после того, когда ты, предположим, будешь прикована к постели. Я недавно такие ужасные кадры видела по телевизору. Какой-то старик, всеми брошенный, был обнаружен в своей квартире, на полу, голый, ну суший скелет! И еще живой! Уф... Не могу об этом вспоминать без содрогания! Так вот, чтобы с тобой этого не случилось (а ты все-таки человек одинокий), позаботься, повторяю, о себе! Ладно, Тонечка, что-то мы заговорились. Целую тебя, буду звонить. И ты мне позванивай. Пока!»

2010 г.

Тома опустила кипяtilьник в баночку со щами, которую достала из маленького холодильника в подсобке, прикрыла окошко, отделявшее ее от внешнего мира, от шумного проспекта в этот звонкий, летний и наполненный звуками большого города день, и достала сигаретку. Закурила. Завтра обещали выдать зарплату, а потому была возможность все спокойно обмозговать – на что потратить деньги, кому вернуть долги, а кто подождет еще месяц-другой. И хотя долги были пустячными, но все равно, если вернуть сразу всем и все, зарплата намного уменьшится, и уже нельзя будет купить то плетеное кресло, которое так и просилось в ее просторную комнату на чердачном этаже, где она установила самый что ни на есть настоящий, выложенный красным огнеупорным кирпичом камин. Прекрасный широкий камин с кирпичной трубой, выпирающей из крыши старинного, отреставрированного четырехэтажного особняка в самом сердце города. И пусть сейчас на дворе стоял июль и все думали только о том, как бы спастись от жары, Тома думала о предстоящих холодах, о зиме, когда во всех городских квартирах будет холодно и промозгло и многие дома покроются грибком и прочими сырыми мерзостями, а ее комната, которую ей удалось получить в результате сложного размена с бывшим мужем, всегда останется сухой, уютной и просторной. Ниче-

го, что потолок низкий, это не сразу бросается в глаза. Зато комната представляет собой почти студию – она в шестьдесят квадратных метров, с деревянными колоннами-подпорками, которые Тома преобразила, обвив их ветвями вьющихся растений, росших в кадках. Знакомый мастер выложил пол на одной половине комнаты оранжевым с зеленым итальянским блестящим кафелем, и в этой части располагались кухня и столовая. Другая же часть комнаты сверкала новеньким паркетом, здесь стояли широкий диван, два кресла, а посреди гостиной полыхал алым цветом толстый красный ковер. И лишь небольшая часть всего пространства представляла собою маленькую спальню, отгороженную коричневой бархатной занавеской, за которой располагались широкая кровать и прикроватная тумбочка с красивым разноцветным светильником. Это было ее уютное гнездышко, которое она вила для себя – веточку за веточкой.

И пусть этим летом у нее не будет кондиционера, и придется спасаться от жары (которая забирается под крышу и прогревает каждый предмет в ее комнате нещадно, просто адски) под холодным душем, зато зимой Томе будет тепло и уютно. И все в комнате уже хорошо и красиво, вот только кресла плетеного, кресла-качалки, не хватает. А оно так просится! Или ну ее, эту качалку, может, купить другое – низкое, мягкое, широкое, куда можно будет забраться с ногами и, укрывшись пледом, что-нибудь почитать? Или просто

посмотреть на огонь? Но тогда придется ей вновь поездить по мебельным магазинам и поискать то, что нужно. А плед, такой пушистый, шотландский, из овечьей теплой шерсти в красно-белую клетку, уже присмотрела. Правда, он дорогой, невероятно. Но красивый!

И вот что странно: что бы она ни делала, как бы ни обу-страивала свою комнату (хотя, по мнению Тома, ее вполне можно считать квартирой, поскольку там есть все – и кухня, и гостиная, и спальня, и даже маленькая ванная комната!), она почему-то думала о том, как будет показывать ее Алисе.

Удивительно, но после того, как Алиса призналась То-ме в том, что у нее появилась бабулька-спонсорша, отноше-ние Тамары к подруге резко изменилось. Она завидовала ей так сильно, что даже презирала себя за это сильное чувство. И почему в жизни все так складывается, что одни должны всю дорогу страдать, а другим на голову падает удача, бога-тые родственники, благотворительницы, наследство? Томка в своей жизни прочитала много книг, и больше всего ей нра-вились французские классики. Особенно Бальзак и Золя, ну, и еще Мопассан, конечно. И в их романах постоянно делал-ся акцент на том, как все-таки хорошо быть молодым, здо-ровым и богатым! Что без богатства ты никому не нужен, не интересен. И так хотелось ей этого богатства, этой краси-вой жизни, прекрасных дворцов, особняков, лошадей, наря-дов, драгоценностей, вкусной еды, изысканных вин! Но вме-сто этого судьба Томке подсунула мужа-наркомана, который

чуть не продал ее за деньги! Просто счастье, что его посадили, а когда он вышел, им удалось договориться и разменять его убогую квартирку в шестом квартале... И замечательно, что он уехал из этого города, просто исчез из ее жизни! И что ей удалось выкупить, пусть и частями, эту мансарду – этот чердак, студию, квартирку... В самом центре, на самом вер-ху, прямо под небом! Романтично и грустно одновременно.

А Алиса? Жила как жила, не прилагая никаких усилий ни к чему. Никто-то ее не унижал, не оскорблял (мужчины – не в счет, она сама виновата, что находила себе таких идиотов и сволочей), не пытался ее продать кому-то, не обкрадывал. Да и с собой она не пыталась покончить... А в Томки-ной жизни и такое было.

Жила себе Алиса спокойно, ходила на работу, продава-ла пиво с сигаретами, потом возвращалась домой, ужинала, мылась и ложилась спать. Все. Ничего особенного! И с чего эта старуха взяла, что ей нужно помочь? Что, Алисочка та-кая бедная и несчастная? Работящая? Почему бабке захоте-лось вложить свои деньги именно в нее? Вопрос оставался открытым. И вот теперь Алиса не работает, валяется целы-ми днями перед телевизором (скупила уже несколько десят-ков дисков с фильмами, преимущественно с мелодрамами), смотрит кино, закусывая сериалы шоколадными конфетами и запивая чайком. И ничего-то она не учит, к книжкам даже не притрагивается, хотя и разложила их на постели на вся-кий случай, если Антонина Петровна войдет, чтобы видно

было, что Алисочка занимается. Не жизнь, а какое-то райское времяпрепровождение!

И оказалось, что Алиса-то и не дура вовсе, раз сумела так умно тратить деньги, которые давала на ее содержание Антонина, что ей хватало не только на еду и одежду, но еще и на маникюр-педикюр, словом, она стала следить за собой и даже накопила денег на настоящие французские духи! И если раньше Алиса не считала нужным причесываться и просто собирала волосы в пучок и закалывала их на затылке, то теперь и локоны ее выглядели ухоженными. А руки! Какими нежными и холеными стали ее руки! Так и хотелось спросить – сколько же за месяц вкладывает старушенция в содержание Алисы? Но Тома об этом не спросила, постеснялась, подумала, что ее могут заподозрить в зависти. Хотя и так не трудно было об этом догадаться. Ведь и Алиса тоже ей завидовала бы, если бы они поменялись местами. Но все уже свершилось, и теперь никакие «если бы» невозможны. Все, Алиса начала новую жизнь.

Однажды Тома пришла к ней неожиданно, так просто заглянула, как раньше, и застала свою смущенную подружку за несколько неожиданным занятием. Алиса, вооружившись шприцем с толстой иглой, втыкала ее в подушку, вроде как училась делать уколы. Она и дверь-то открыла со шприцем в руках.

– Знаешь, хочется научиться делать уколы самой себе. Посмотрела я тут одну передачу, оказывается, в наших аптеках

продают столько всяких витаминов... Люди следят за своим здоровьем, поддерживают его витаминами.

– А я думала, ты хочешь укокошить свою соседку, – пошутила Томка (брякнула то, что подумала), чем внезапно звала настоящую бурю.

– Что ты такое говоришь?! Да Антонина Петровна – святая! Она желает мне только добра, а ты думаешь, что я учусь делать уколы, чтобы убить ее? Ты, Томка, – полная дура!

Томка тогда подумала, что нельзя быть такой простой и говорить то, что думаешь. К тому же она не учла, что в жизни подруги произошли такие перемены, которые не могли не отразиться на ее характере. И, вероятно, она была права, когда так раскипятилась. Да и вообще, кто сказал об убийстве? Просто так она лягнула, первое, что пришло ей в голову...

Однако ведь именно эта мысль и пришла. Убийство старухи. Понятно же, что учиться Алиса не хочет. Просто старается делать вид, что ей нужно образование. Может, образование ей и нужно, да только это же не вещь какая-нибудь, чтобы ее в форме диплома положить в сумочку. Образование – это работа ума, это сложно, тяжело, мучительно и отнимает уйму времени. Другое дело, что именно выиграет Алиса, если убьет свою благодетельницу? Деньги-то у нее наверняка в банке или в ценные бумаги вложены. Ну не дома же они спрятаны! К тому же если бы Алиса и задумала это черное дело, то уж точно не стала бы открывать дверь со шприцем

в руках. Но почему она вдруг решила проколоть себя витаминами? Молодая же еще совсем!

– Извини, что я наорала на тебя, – уже другим, ласковым тоном говорила с ней Алиса чуть позже, угощая подругу на кухне вкусным салатом из креветок, мягким сыром и клубникой. – Просто я подумала, что ты завидуешь мне черной завистью.

– Да я просто так... пошутила.

– Ладно, проехали. Угощайся. Это новый рецепт салата.

Томка хотела было – по привычке – поболтать о том, что волнует Алису, почему в квартире такой беспорядок, но она почему-то промолчала. Словно перед Томой сидела не та, прежняя Алиса, с которой можно было все запросто обсудить, не боясь оказаться непонятой, а какая-то другая Алиса – чужая. Странное чувство... Вроде бы это она, ее самая близкая подруга, они же делились друг с другом своими проблемами, секретами, деньгами, едой, мечтами, и в то же самое время – и не Алиса, а словно бы ее сестра, очень походившая на нее внешне.

– Знаешь, Алиса, ты переменялась.

– Что ты говоришь? И что же во мне не так, как прежде?

– Да многое. Я не имею в виду, конечно, твою внешность. Понятное дело, что теперь, когда у тебя завелись бабки, ты можешь пойти в салон красоты, сделать маникюр-педикюр и все прочее. Я о другом. Ты стала какая-то не такая, чужая, воротишь нос от меня. Почему ты встаешь на дыбы,

когда я...

– Только не ковыряй, прошу тебя! Говорю же – проехали. Думаешь, мне приятно, что ты шутишь так... по-идиотски? Намекаешь на криминал? Я очень хорошо отношусь к Антонине Петровне, и ты это прекрасно знаешь. Да, может, я и отлыниваю от учебы, но все равно рано или поздно мне придется вызубрить все то, что мне задают на подготовительных курсах. А иначе-то как, на экзаменах ведь никого не обманешь, рот-то я буду открывать, не ты же, Томка!

– Ладно, прямо уж и пошутить нельзя.

– Послушай, Тома, давай забудем это. Ну, наорала я на тебя, извини. Просто я и сама еще не привыкла ко всему тому, что на меня навалилось. Я прямо миллионершей себя чувствую, что-то из меня так и прет, просто дурь какая-то! И еще: мне постоянно кажется, что однажды утром я проснусь, и вдруг выяснится, что все это было сном. И что никто-то мне денег не давал и не обещал меня выучить. Сама подумай, как-то все это стремно... Словно в сказке. Откуда ни возьмись – волшебница!

– ...или злая колдунья, – не выдержала Томка.

– Вот снова ты... Хотя, если честно, и я тоже все время думаю – какой смысл ей вкладывать в меня бабки?

И тут Томку осенило:

– Послушай! Только что просекла! А что, если она собирается выдать тебя замуж за своего внука или за какого-нибудь другого родственника? Вбила себе в башку, что только

ты и должна стать его женой... .

– Ну и фантазия у тебя, Тамара! Даже я до такого не додумалась. Все мои догадки крутятся вокруг ее старости, болезней. Я думаю, она очень боится остаться одна, без няньки, в старости. Может, она чем-то больна, да только молчит об этом. Мне-то она говорит, что собирается в дом престарелых, она уже решила, а что там на самом деле у нее на уме – кто знает? Хотя я же, слава тебе господи, не подписывала никаких документов, которые могли бы меня привязать к ней. Ведь так?

– Так. И не подписывай!

– И не буду. Вот поступлю в университет, начну учиться, а там видно будет. Если бабка перекроет мне кислород, найду работу, буду и учиться, и работать, как-нибудь прокантуюсь. Запасы какие-нибудь сделаю. Денег отложу на этот случай.

– Правильно. Голова у тебя, слава богу, варит.

И вновь Алиса показала Томе такой же, как и прежде, – близкой, родной. И она даже как-то успокоилась.

– Знаешь, Томка, если тебе вдруг до зарезу понадобятся деньги, ты мне скажи, я всегда одолжу.

– Ну, спасибо, голуба, – отозвалась несколько уязвленная этим проявлением благотворительности Тамара. И это – вместо того чтобы испытать по отношению к Алисе справедливое чувство благодарности. Да, так уж получалось, что, какие бы ласковые слова подруга ни произносила или неужи-

данно добросердечные предложения ни делала, Тома уже не могла относиться к ней как прежде. Только показывать это Тамара была не должна, иначе Алиса догадалась бы, что у ее лучшей подруги прямо-таки челюсти сводит от зависти! Зависть, зависть, и это – правда. И это – стыдно.

Случались у них и другие встречи, и телефонные разговоры они вели, но ничего нового в жизни Алисы не происходило. Она продолжала упорно делать вид, что занимается, а соседка ее, полоумная старуха, не зная, как получше вложить деньги, по-прежнему верила ей и переводила на ее счет кругленькие суммы. Страшно подумать, сколько же у нее денег было! Вероятно, немало, раз она так тратилась на Алису, а ведь девушке еще предстояли вступительные экзамены, которые тоже наверняка придется проплатить, чтобы она поступила наверняка. Да и в течение всех пяти лет обучения тоже надо будет ее содержать. Получалось, что у Антонины Петровны денег – вагон и маленькая тележка.

...В подсобке вкусно пахло щами, закипевшими в баночке. Конечно, у Алисы таких обедов, наверное, никогда больше не будет. Закончит она свой университет (куда, правда, она еще не поступила, но экзамены начнутся со дня на день!) и устроится куда-нибудь психологом. И уж точно не будет греть себе супчик в баночке, а заработает на ресторанные обеды. Красивая, спокойная и уверенная в себе, она будет заходить в любой, даже самый дорогой ресторан

города, как к себе домой. Закажет все, что пожелает, даже не глядя на цены. Вот что значит образование!

Тома достала из сумки пакет с хлебом, ложку и принялась за еду. Когда в окно постучали, она вздохнула, как человек, привыкший, что в мире существует огромное количество идиотов и эгоистов, которым нет никакого дела до того, что ларек закрыт на обед, что она, Томка, – тоже живой человек и должна время от времени питаться и отдыхать. А им, видите ли, сигареты срочно понадобились или пиво...

– Ясно же написано, что закрыто на обед! Ослепли, что ли? – крикнула она раздраженно, обращаясь к плотно заклеенному бумагой оконцу, с другой стороны которого красным по белому было написано: «Обед».

Однако в окно снова постучали. Ей захотелось распахнуть его и дать ложкой по лбу стучавшему!

– Тамара? – вдруг услышала она мужской голос и замерла. А может, это вовсе и не покупатель, а какой-нибудь ее хороший знакомый?

Она поставила банку со щами на полку и распахнула окошко. Увидела красивое мужское лицо. Брюнет, усталые глаза, плотно сжатые губы.

– Вы Тамара? – спросил он.

– Ну да, чего надо?

– Вы подружка Алисы?

– Ну, да, я... И что?

– Надо поговорить.

Тома подумала – очередной Алискин ухажер. Вот только что ему понадобилось от нее? К тому же они с Алисой давно не виделись. Примерно месяц. С тех пор, как Алиса принялась усиленно заниматься.

– Обед у меня... Вообще-то я могу, конечно, с вами побеседовать, но тогда вам придется подныривать под прилавок. Прямо не знаю, что и делать. Я же вас не знаю, с какого припеку я пушу вас сюда? У меня тут выручка, товар...

– А вы сами выныривайте, я угощу вас обедом, заодно и пообщаемся.

«Вот это разговор!»

Томка не заставила себя ждать. За какое-то мгновение привела себя в порядок, мазнула помадой по жирным от щей губам, вынырнула на свет божий, заперла окошко и прилавок на два большущих замка и теперь стояла, покачиваясь на каблуках, пытаюсь угадать, кто же этот представительный, хорошо одетый мужчина и что связывает его с Алисой.

– Здесь неподалеку есть отличное кафе, «Буратино»! – предложил мужчина. – Меня зовут Игорь Валентинович, но можно просто Игорь.

– Понятно... ну, мое имя вы уже знаете.

Томка порадовалась, что Боженька услышал ее размышления и мечты о цивилизованных обедах Алисы и решил предоставить такую возможность и ей.

До ресторана было всего-то несколько шагов, и за все это время, пока они шли, ни Игорь, ни Тома не проронили

ни звука. О чем думал этот мужчина, Томка, понятное дело, не знала, а вот она вспоминала о том, что была в этом заведении год тому назад: ее пригласила туда одна знакомая, которой понадобилось продать золотую цепочку мужа, уж очень она в деньгах тогда нуждалась. Странное дело, но обед, которым Тамару угостила знакомая, превышал по стоимости две таких цепочки, из чего Тома сделала вывод: женщине просто понадобилось избавиться от этой вещицы. Возможно, цепочку ей подарил любовник, или же по какой-то другой причине. Может, она ее нашла или вообще украла... Кто их всех разберет?!

Тогда они заказали салат «Слезы Чипполино» – с маринованным луком и опятами. А еще – солянку и курицу. Все было вкусное, свежее, какое-то домашнее. И вот теперь ее вновь пригласили в «Буратино». Что же на этот раз понадобилось этому господину от простой продавщицы пива и сигарет?

На террасе был свободный столик, Игорь любезно отодвинул тяжелый стул, давая Томке возможность сесть. Сам сел напротив. Вскоре появилась официантка, одетая в белую блузку и красную юбку. Розовощекая, красивая девочка с белокурыми, завитыми в локоны волосами. Принесла меню.

– Алису убили, – сказал, углубляясь в изучение меню, Игорь Валентинович.

Томка почувствовала, как ее рот открывается – словно сам собою. Недаром говорят – челюсть отвисла. Все мышцы

перестают работать. Она и сама как-то размякла на стуле. Сидела молча, глядя на густые, коротко стриженные волосы Игоря Валентиновича.

– Чего?! Кто убил? За что? И кто вы такой вообще?

Ей вдруг стало по-настоящему страшно. «Вот, собственно, и расплата», – промелькнуло в ее голове.

– Я – следователь прокуратуры, Логинов Игорь Валентинович. Вы уж извините, что я раньше не представился, но я не хотел, чтобы вы узнали о смерти вашей подруги там, в вашем киоске. Здесь как-то спокойнее беседовать на подобные темы.

Алисы больше нет?! В такое невозможно было поверить!

– А это точно, что убили именно ее? И вообще, где эта убитая девушка? Может, это просто однофамилица Алисы? – Тома задавала эти нелепые вопросы, почему-то заранее зная ответ. Ну, знала она, что он пришел сюда именно по ее, Алисину, душу! И пришел к ней, к Томке, потому что кто-то ему уже подсказал, с кем дружила Алиса.

Логинов назвал адрес, где был обнаружен труп.

– И что, ее прямо так и... убили? Может, она сама ударилась или упала?

Томка, имея самое смутное представление о том, каким образом могла быть убита Алиса, представила себе подругу, лежащую на полу с натекшей под ее голову лужей крови.

– Нет, ее убили. Ударили гантелью по виску. Она умерла мгновенно.

– И где же? Дома или на улице?

– Скажите, Тамара, когда вы в последний раз видели свою подругу?

– Примерно месяц тому назад.

И тут вдруг Тамара приняла неожиданное даже для себя решение – ничего ему не рассказывать об Антонине Петровне. Совершенно шальная мысль о том, что эта бабка может быть полезна – с ее-то миллионами – ей самой, продиктовала Тамаре очень странную линию поведения. Она ничего не знает. Ничего! Ни почему Алиса перестала работать, ни причину, по которой они стали реже встречаться. Даже якобы не знает она о том, что Алиса собиралась поступать в университет. Ведь тогда ее наверняка спросят – откуда у Алисы средства на учебу? Нет, она будет молчать! А потом, когда пройдет какое-то время, придет к этой старухе и скажет, что все знает, что именно бабка замешана в убийстве Алисы, что она неспроста давала Алисе деньги, вероятно, существовали некоторые условия...

Все эти мысли пронеслись в ее голове с огромной скоростью, и она бы так и поступила, если бы вдруг Логинов сам не сказал:

– Вы знали, что Алиса собиралась поступать в университет и что Антонина Петровна, ее соседка, помогала ей получить образование?

Ну вот, собственно, и все. Он сам все знает! Возможно, сама Антонина Петровна и рассказала ему об этом. Бабка,

наверное, лежит сейчас с холодной грелкой на голове, напи-
лась успокоительного... Переживает, что так много денег ис-
тратила, а девчонка-то померла. Или она искренне грустит
о смерти Алисы? Знать бы, как на самом деле обстояли дела.
И кто и за что убил Алису?

– Да, я знала. И, честно говоря, когда мне Алиса об этом
сказала, я чуть со стула не свалилась, не поверила, что в на-
ше время еще кто-то может сделать такое... Так сказать, без-
возмездно.

– Вы имеете в виду добросердечность Антонины Петров-
ны по отношению к Алисе?

– Ну да!

Принесли солянку и салат. Томка вдруг почувствовала,
что сильно проголодалась. И что с бóльшим удовольствием
молча бы все это съела, вместо того чтобы отвечать на во-
просы следователя Логинова.

– Ешьте, Тамара, не стесняйтесь, но я, с вашего позволе-
ния, продолжу задавать вам вопросы.

– Ну, говорите, говорите! – Тамара придвинула к себе глу-
бокую суповую тарелку и принялась за солянку.

– Расскажите, как в последнее время жила ваша подруга?
С кем она встречалась? Был ли у нее молодой человек?

– Жила она очень даже хорошо. Не скажу, что она чита-
ла учебники, все говорила, что до экзаменов еще далеко...
В основном Алиса сидела дома, ела, спала, смотрела теле-
визор, книги читала. Не слышала от нее, чтобы у нее был

мужик. Может, она боялась Антонину, ну, в смысле, что та тратит на нее бабки, а Алиса, мол, будет шляться с мужиками... Старуха вроде как давала ей бабки только на учебу да на пожрать.

– Что вы знаете о Караваеве Денисе Евгеньевиче?

– Первый раз слышу... А кто это?

– Сосед ее.

– Нет, я ничего о нем не слышала.

– Послушайте, Тамара, не думаю, что теперь, когда Алисы уже нет, есть смысл что-то скрывать. Напротив, чем больше вы мне расскажете о вашей подруге, о ее знакомых и любовниках, тем больше у нас окажется шансов поймать убийцу. Ведь вашу подругу нашли как раз в квартире Караваева, понимаете? Она была раздета, а это наводит на вполне определенные мысли...

– Да я и правда ничего не знаю об этом мужике. Это сейчас, когда вы говорите мне об этом, я могу только догадываться, почему Алиса не выходила из дома. Может, она и спала со своим соседом, откуда мне знать? Честно, я ничего не знаю.

– Тамара, если бы вы увидели себя со стороны, то вы бы поняли: эта девушка что-то скрывает. Говорите, ведь вам есть что сказать.

– Да ладно, скажу. Но это тоже всего лишь предположения. Понимаете, если кому-нибудь рассказать, что одна пожилая дама, вернее, обыкновенная старушенция-пенсио-

нерка, решила вдруг дать образование какой-то совершенно ей чужой, посторонней девице, причем не представляющей собой ничего особенного, обыкновенной, без каких-то там талантов, особе, то никто в жизни не поверит! И все решат, что у старушенции имелась в этом некая корысть. А вы как думаете?

– Ну почему же? Алиса жила по соседству от Антонины Петровны, и женщина успела привязаться к ней, увидела в ней хорошего человека. Пожалела ее, опять же.

– А я с самого первого дня, как все это началось, ждала чего-то такого... Нет, вы не подумайте, не убийства, конечно же! Но какой-то расплаты. Представьте себе... Жила себе Алиса, обыкновенная девчонка, работала в пивном ларьке. И вдруг ей на голову падает такое счастье – деньги и возможность учиться, получить образование. И не от родственников, а от совершенно постороннего человека!

– В жизни еще и не такое бывает. Люди, причем далеко не самые хорошие и достойные, выигрывают по несколько миллионов долларов в лотерею! – возразил, улыбаясь, Логинов.

Он тоже, кстати, с удовольствием съел солянку и теперь принялся за жареную курицу с грибами.

– Все равно я постоянно ждала чего-нибудь такого... Вернее, я думала, что в один непрекрасный день Антонина застанет Алису за тем, что та тупо спит, вместо того чтобы готовиться к экзаменам. Или тупо обедается на кухне. Или ту-

по тратит бабло на косметику и одежду. Словом, я ждала, что скоро настанет день, когда ее попросту разоблачат и будет скандал. Вот что я хотела сказать. Но чтобы старуха ее убила за это?!

– Почему – старуха? – насторожился Игорь.

– Да это я так, для красного словца... Понятное дело, она здесь ни при чем. Значит, дело в этом мужике, соседе.

– Он мужчина зрелый, ему приблизительно пятьдесят лет. По словам соседей, увлекался антиквариатом. Скажите, Алиса не просила вас продать какую-нибудь старинную вещьцу? Орден, там, или медаль?

– Ой, нет! Что вы! С медалями ко мне приходил Витек Печенкин, пьяница, живет неподалеку от нашего ларька. Думаю, он грабанул кого-то, может, какого-нибудь ветерана (чтоб ему, Печенкину, пусто было!), вот и предлагал всем какие-то медали. Но его, кажется, взяли, отлупили в ментовке, и он притих. Хотя недавно совсем он приходил с супницей, огромной такой, в голубых цветах, сказал, что это «кузнецовский» фарфор. А мне-то на что эта супница? Я вообще не понимаю, зачем сейчас, в наше время, нужны супницы? Сваришь суп в кастрюле, предположим, нальешь его в супницу, принесешь в комнату и поставишь на стол. Всем разольешь, и что? Все, что останется в супнице, сразу же остынет... Какой смысл? Это раньше, в старинные времена, когда бывали слуги, они-то и обносили гостей блюдами, наливали из супницы... Не кастрюлю же им носить, с копотью на дне!

Ой, pardon, я отвлеклась.

– В самом деле... Вы правы, – внезапно поддержал ее размышления Логинов задумчивым тоном, – в супнице действительно все быстро остывает. Но суп в этом случае почему-то кажется вкуснее, чем из кастрюли... Но мы и впрямь отвлеклись. Итак. Вы ничего не знали о связи Алисы с Караваевым?

– Не знала, но и вы, как мне кажется, тоже ничего не знаете. И про мужика этого – была ли между ними связь? Вот хоть режьте меня, я все равно скажу, что думаю! Ну не смогла бы Алиса смолчать, если бы у нее имелась связь с мужчиной, который к тому же старше ее, да еще и антиквар. Как пить дать, проболталась бы. Мы с ней были близкими подругами и всем друг с дружкой делились. И уж она точно рассказала бы мне о своей очередной истории.

– А у нее было много таких историй?

– Не сказать, что много, но все они были какие-то несчастливые. С нехорошим концом. К примеру, взять ее последнего воздыхателя, они познакомились с ним в Доме офицеров, на танцах...

И Томка, уже успев немного привыкнуть к тому, что Алисы нет в живых и что, рассказывая о ней такие некрасивые подробности, она тем самым не предает подругу, а, наоборот, помогает следствию, рассказала Игорю об изнасиловании.

– А если в этой истории с убийством виноват Георгий?

Если она пригрозила ему написать заявление об изнасиловании, он испугался, пришел и убил ее?! – Этим еще более нелепым предположением она словно постаралась оправдать свое словесное воздержание, свое (все равно!) предательство.

– Интересная история. На самом деле, почему же она не обратилась в милицию? Ведь ее же изнасиловали! К тому же после всего пережитого ей пришлось еще и сделать аборт! И вы не посоветовали ей написать заявление на этого Георгия?

– Да как-то так все получилось...

– Вы хотя бы видели его?

– Мельком.

– Но узнать-то сможете?

– Смогу.

– Если предположить, что он до сих пор не женился, то его и сейчас возможно увидеть в Доме офицеров. Вы как думаете?

– Наверное... Не знаю. Я ничего не знаю!

– Если вас не затруднит и если это позволит ваш график работы, может, заглянете в Дом офицеров, на танцы, посмотрите, там ли он, и позвоните мне? Кто знает, а вдруг он действительно причастен к убийству? В любом случае допрос не помешает. Хотя бы напугаем этого насильника! Жаль, конечно, что ваша подруга не написала заявление. Видимо, она находилась в таком состоянии, что ей было не до того.

А вообще, Тамара, какой была Алиса?

И тут вдруг в Томкиной душе проснулась жалость к погибшей подруге, к той Алисе, которую она знала все те годы, что они проработали вместе, и жизнь у них была словно бы одна на двоих. Все – вместе, сообща, как сестры, как самые близкие на свете люди!

– Она была хорошая, нежная такая, ласковая, добрая, ее легко можно было обидеть. Не хочется говорить, что она была обыкновенная, это никому не понравится, и Алисе бы не понравилось. Думаю, в ней что-то было, что притягивало к ней людей, и мужчин в том числе. Возможно, она чем-то напоминала брошенного котенка. Вы удивлены? Но она такой и была. Вызывающей к себе жалость. И, одновременно, мужчины мучили ее, просто-таки садистски! Издевались, не приходили на свидания, обманывали, просили денег и скрывались.

– Скажите, где именно Алиса сделала аборт?

– Да... в одном медицинском центре, называется «Медикс Плюс», это я ее туда отправила, чтобы ей сделали «бархатный» аборт. Ну, то есть безболезненный... У нее же был маленький срок, она успевала. Думаю, этот аборт она перенесла легче, чем все остальные.

– И когда примерно это произошло?

Томка попыталась вспомнить, и ей удалось даже назвать примерную дату операции.

Логинов удовлетворенно кивнул головой.

Пришла официантка и рассчитала их. Ушла, нагруженная пустыми тарелками.

– Вы мне очень помогли, – сказал Логинов Тамаре. – Извините, что отнял у вас время. Моя просьба остается в силе, вы поможете мне?

– Вы насчет Георгия? Хорошо, у меня как раз в субботу выходной, вот я туда и схожу... А вам – спасибо за обед.

– Не за что. Извините, но мне пора. Всего хорошего, Тамара. Если вспомните что-нибудь интересное, что может помочь следствию, – звоните. Вот вам моя визитка.

Логинов ушел, а Тома еще долго разглядывала визитку, пока не вспомнила, что ей пора в ларек. Наверняка там уже выстроилась очередь из страждущих выпить холодного пива граждан.

Тамара неохотно поднялась со своего места, вздохнула, спрятала визитку в кошелек и вышла из ресторана.

И когда она уже почти дошла до своего рабочего места и увидела знакомые лица постоянных клиентов, стучавших в ее окошко, до нее вдруг дошла пронзительная и болезненная мысль, что все в жизни когда-то кончается и когда-нибудь прервется и ее жизнь. И Алисы больше нет. Ее больше нет и никогда не будет! И Тома никогда больше не услышит ее нежного голоса, не сможет позавидовать ее безделью и способности водить за нос Антонину Петровну, что все кончилось, так и не успев начаться, и Алиса не сможет даже попытаться поступить в университет... А сама Томка нико-

гда не переступит порога ее дома, квартиры, которую Алиса снимала в течение нескольких последних лет.

Глаза ее стали наполняться слезами, вот они хлынули ручьями и потекли по щекам. И что самое удивительное, она на какое-то время перестала воспринимать все звуки, окружавшие ее: уличный шум, голоса покупателей, требовавших немедленно открыть ларек, визг тормозов, хлопанье где-то по соседству металлической двери... Она словно оглохла.

Подошла, достала ключи и отперла киоск, поднырнула под прилавок, отворила окошко, спросила у первого покупателя, что ему нужно, и увидела, как он, полный, потный парень с мокрыми, прилипшими ко лбу волосами, что-то говорит ей, открывает рот, но что именно он сказал – она так и не услышала.

– Извините... Извините... – прошептала она, захлебываясь слезами. – Вы же знали Алису, знали? Скажите, вы помните Алису?

Слово «Алиса» прорвало эту страшную тишину, и звуки жизни вернулись к ней.

– Она работала здесь, помните? Алиса, такая хорошенькая, молоденькая девушка... Ее убили, понимаете?! Убили! Мы с вами живы, а ее больше нет...

И сразу вокруг стало тихо. Люди примолкли. Тома достала пачку сигарет:

– Зажигалка... У кого-нибудь есть зажигалка?



«Слышали? Muerto! Умер. Он умер. Рог прошел насквозь. Захотелось весело провести утро. Es miu flamenco!¹»

«— Алло! Привет, дорогая, это я, Антонина Петровна. Вот, решила позвонить. После твоего отъезда мне и поговорить-то не с кем... Как вы там? Обживаетесь в новом доме? Ну и хорошо. У нас все по-прежнему. Хотя ты спрашивала об Алисе, ну, встречаются они, да... Жалеешь мои деньги?»

Да нет, деньги у меня еще есть, конечно, но мне не хотелось бы трогать некоторые свои вклады. Ой, может, ты и права была, когда говорила, что я напрасно все это затеяла. Какая-то она несерьезная! Но ладно уж, признаюсь тебе... Ходила я в университет, встречалась с некоторыми преподавателями и выяснила, что на курсы моя Алиса ходит регулярно. Есть пропуска, конечно, но у кого их не бывает? Ну, спрашивай... Понятно. О коллекции хочешь узнать. Значит, доверяет он ей, раз впускает в свой дом. Я не удивлюсь, если он показывал ей эту коллекцию. Хотя самое ценное, я так думаю, он, как и всякий умный человек, хранит где-нибудь в надежном месте. Он же не дурак, должен пони-

¹ Это уже слишком! (исп.)

мать, кого в дом впускает! Ладно, поживем – увидим. Целую тебя, подружка! Передавай привет Лене и поцелуй от меня Валюшу».

2004 г.

Раиса Атаева встретила подругу с бокалом шампанского в руке, в дверях, ей и самой было странно, что она решилась на столь театральный жест, к какому она ни разу в жизни не прибегала, но ей так хотелось продемонстрировать свое счастье, переполнявшую ее радость, что бокал с шампанским показался ей самым подходящим жестом. Поэтому, лишь только раздался звонок в дверь, она открыла приготовленную заранее бутылку, разлила шампанское и бросилась к двери, чтобы распить его прямо на пороге.

– Люба, Любаша, проходи, давай выпьем!

Любаша, крупная молодая женщина с румянцем во всю щеку и блестящими синими глазами, покачала головой, но так и не улыбнулась. Вернее, она очень хотела улыбнуться, но губы ее не слушались, они подчинялись здравому смыслу и не собирались обманывать Раю. Светлые кудри, розовое платье, белая сумочка – все тоже выглядело каким-то праздничным, но в то же самое время было словно бы поблекшим, уже использованным, словно Люба недавно вернулась с чьей-то шумной свадьбы. Или же сама Люба, как тряпичная кукла, слишком долго пролежала в коробке и помялась.

Раечка, коренастая брюнетка с живыми черными глазами и большим красным ртом, залпом выпила ледяное обжигаю-

щее шампанское и подмигнула подруге:

– Ой, Люба, проходи, проходи... Просто у меня сегодня такой день! Я уже и не знаю, как себя вести, чтобы не сойти с ума от радости. Представляешь, мы сегодня с Васей были в салоне. И выбрали мне свадебное платье! Понимаю, что он вроде бы не должен был его видеть перед свадьбой, это плохая примета, но мы-то – взрослые люди и знаем, что это всего лишь предрассудки. К тому же деньги его, он платил. А разве лучше было бы, если бы он, увидев меня уже на регистрации в этом платье, сморщился бы оттого, что оно ему не понравилось?! Ты же знаешь, какой он капризный, и вкус у него довольно-таки странный. У нас с ним почти не совпадают вкусы. Мне нравится одно, ему другое. К тому же я знаю, он не любит, когда я в декольте. Он говорит, что грудь надо прятать, это, мол, неприлично. Хотя я подозреваю, что, когда я иду с ним вместе в открытом платье, он страшно горд, что у него такая хрупкая, миниатюрная и вместе с тем грудастая женщина! Господи, спасибо тебе за то, что ты наградил меня такой пышной грудью! Причем он-то знает, что это никакой не силикон! Уф, Люба, я даже вспотела, все говорю-говорю, у меня уже и язык устал... Ну, проходи, вот сюда, в спальню.

Раиса указала взглядом на лежавшую на полу в спальне большую коробку-футляр с приоткрытой крышкой, из-под которой выбивалось белое кружево. Она распахнула коробку и легким движением достала оттуда нежное пышное сва-

дебное платье. Все кружевное, с юбками из густого газа, расшитое розовыми цветами.

– Рая, ну ничего себе!!! – Люба смотрела на роскошное платье какими-то странными глазами. Как человек, который только что проснулся и еще не понимает, где он находится и что вообще вокруг него происходит.

– Люба, да что с тобой?! Ты какая-то странная... У тебя случилось что-то?

Брови у Любы выгнулись, поднялись, рот приоткрылся, и чувствовалось, что она явно хочет что-то сказать.

– Пойдем в кухню, поговорить надо, – сказала она наконец.

– Ну, ладно, пойдем, конечно. Ты уж извини, что я с порога выплеснула на тебя всю свою радость. Сама понимаешь, я так долго ждала этого! Еще три дня потерпеть – и все! И мы сможем наконец-то жить вместе, как настоящие муж и жена. А то все порознь. То я у него останусь, то он у меня. А мне так хочется, чтобы все – вместе! Ты же знаешь, как я готовить люблю. Да я бы его закармила! Залюбила!

– Рая, остынь! – вдруг немного истерично выкрикнула Люба. – Прошу тебя, остынь и возьми себя в руки!

– Да что случилось? Умер, что ли, кто-нибудь? – И Рая прикрыла рот рукой, словно уже заранее зная, что сейчас услышит о чьей-то внезапной смерти. Вот только кто скончался? Кто-то из их общих знакомых?

– Да нет, слава богу, никто не умер. Но разведка мне

донесла, что жених твой, Василий, уехал. Сел на поезд – и ту-ту! Уехал он, понимаешь?! И не належке, как это случилось бы, если бы он, предположим, за три дня до свадьбы решил кого-то проведать. А с багажом! С двумя чемоданами, с дорожной сумкой...

– Ты очумела, что ли? – Улыбка так и не сошла с пока еще сохранявшего счастливое выражение лица Раисы. И черные глаза ее продолжали гореть в ожидании немислимой порции новых радостей. – Кто тебе это сказал? Кто его видел с этими чемоданами?

– Моя подруга, она работает на вокзале, в буфете. Она сама обслуживала его, она его хорошо знает, была с ним знакома еще раньше... Короче, была она с ним в свое время, еще до тебя, поняла?

– Это она из зависти... – Уголки губ Раи стали опускаться. Ей было неприятно услышать, что у Василия, ее жениха, возлюбленного, до нее кто-то был. Хотя, конечно, был, она же взрослый человек и должна понимать такие вещи, тем более что он – зрелый мужик. Просто они с Васей договорились никогда не вспоминать о своих бывших. Так им было спокойнее, удобнее.

– Что же это, он – и с буфетчицей? – Она презрительно раздула ноздри.

– Думаю, тогда она еще не была буфетчицей, она же не родилась на вокзале! И у нее была своя молодая жизнь. Думаю, у них случился роман, когда ей только-только исполни-

лось восемнадцать. Она была очень красива, наивна, и все такое... Испортил ее твой Василий – да и бросил, потому что жениться он тогда не собирался.

– Понятно... Значит, она, узнав, что он женится на мне, решила выдумать эту историю о том, что он куда-то уехал?

– Да очнись же ты!!! Приди в себя! – вдруг закричала на нее Люба, схватив Раю за руку. – Говорю же: это чистая правда. Уехал твой Василий! И, похоже, навсегда! Я ведь была у него дома, вернее, в его доме, разговаривала с соседями... Соседом. У него есть старик-сосед, я позвонила ему, когда твой Вася мне не открыл (я же приехала, чтобы все проверить, мне тоже не хотелось думать, что Василий так подло с тобой поступил), и спросила его – где, мол, Василий? И сосед спокойно отвечает – Василий уехал в Москву! У него там невеста, жениться он надумал! Но, поскольку едет он в неизвестность и сильно волнуется (это его, соседа, слова), он оставил ключи от своей квартиры, чтобы старик присматривал за ней, поливал цветы.

– Да там только фикус один, – зачем-то вспомнила Рая. – Чего ради его поливать-то?

– Ты пришла в себя? Ты поняла, что произошло?

– Ты сказала, что Василий уехал. Но этого просто не может быть! Мы же с ним сегодня были в свадебном салоне и купили вот это платье... Мы были счастливы. Он любил меня – всегда, и я это чувствовала... Он любил меня! А ты, ты... Ты всегда мне завидовала, и ты все это придумала, это-

го не может быть, понимаешь, потому что не может быть никогда!!

– Ты... поплачь...

– Уйди с глаз моих! Ну почему, почему люди такие завистливые!

Раиса вдруг заметалась туда-обратно, забежала по квартире, схватила сумку, открыла шкаф, достала кофту и, пробормотав: «Вечером будет холодно», – кинулась к дверям. Потом, словно вспомнив, что она не одна, нашла помутневшим взглядом Любу:

– Поехали вместе. И ты убедишься, что он дома. Сидит себе, пьет пиво перед телевизором... Сегодня же футбол! Он сам мне сказал, что мы не сможем сегодня встретиться из-за футбола. Что ты стоишь? Ты на машине? Поехали!!!

На лестничной площадке дома, где проживал Василий, пахло кошачьей мочой и тушеной капустой. Раю затошнило. Но она все равно продолжала упорно стоять перед дверью, уперевшись указательным, уже побелевшим, пальцем в кнопку звонка, словно этот звонок мог выдержать весь ее вес.

– Вася, открывай! Вася! Ну?! – Она уже не могла сдерживать рыданий.

Когда же на лестничную клетку вышел сосед, бледный старик в синем шерстяном джемпере – несмотря на жару, – и сказал, что Василий уехал в Москву и нечего звонить, с Ра-

ей и вовсе случилась истерика. Она сначала сползла по ступеньке вниз, а потом заколотила по штукатурке кулачками.

Люба с трудом подняла ее и, пробормотав удивленному, потрясенному всем увиденным и услышанным старику что-то вроде: «Извините нас, она – брошенная невеста, у нее через три дня должна была состояться свадьба», – не дожидаясь реакции соседа, вывела находившуюся в ужасном состоянии Раю из подъезда на улицу.

В машине она рыдала пуще прежнего. Просто-таки голосила, извивалась на заднем сиденье, словно пытаюсь найти такую позу, такое положение тела, при котором мысли о брошившем ее женихе оставят ее воспаленные мозги. Потом внезапно выпрямилась и схватилась за голову.

– Люба, скажи мне, какой смысл было ему тогда тратиться на это платье?!

– Мужики все – сволочи, разве ты не поняла этого на моем примере? И хотя меня жених не бросал – Андрей вообще не успел стать моим женихом, так, поматросил и удрал, – все равно их суть видна с первого взгляда! Держись, подружка, держись. Нельзя так убиваться, ну не стоит он того! И пусть ты сочтешь меня циничной, но цинична все-таки не я, а твой Василий: представь себе – он купил тебе это платье, чтобы оно у тебя просто было. На будущее, понимаешь? Или же ему хотелось порадовать тебя перед...

– ...смертью... – мрачно пошутила, глотая слезы, Рая.

Тушь размазалась по ее лицу, смешалась с помадой. Волосы торчали в разные стороны. На нее больно было смотреть.

– Говорю тебе, надо успокоиться. Ты же не хочешь умереть? Слушай, вот что я тебе скажу! Помнишь, как мне было плохо, когда меня Андрей бросил? Думала – руки на себя наложу. И что ты мне тогда сказала? Держись, подруга! Вот и я тебе сейчас говорю то же самое – держись! Невозможно было бы жить на земле, если бы каждая брошенная женщина уходила из жизни. Тогда и женщин бы совсем на свете не осталось, согласна?

– Но как жить, Любаша, как?! Я же так любила его, так любила... Да я готова была ему шнурки на ботинках завязывать, лишь бы он был рядом... Для меня это было бы счастьем!

– Прекрати! – цыкнула на нее Любаша, не отрывая взгляда от дороги. Машина набирала скорость, они выехали на центральное шоссе города. – Вот еще – шнурки она ему, видите ли, собиралась завязывать! Ну нельзя же так! Вспоминай – что было у вас с ним, анализируй и думай – а нужны ли нам вообще мужики? Подонки, гады, ненавижу!!!

Люба сжала кулаки, потом ударила растопыренными пальцами по рулю – с силой, с чувством.

– Все, едем ко мне, чтобы ты не видела свою квартиру, не травмировала себя самими воспоминаниями.

– А если все это подстроено: и твой рассказ о том, что он уехал, и сосед этот – ненастоящий, это ты его нашла в драм-

театре и подкупила за сто долларов?

– За пятьсот, бери выше! Не будь дурой! Что же ты выставляешь меня такой мерзавкой? Да, не скрою, я завидовала тебе, но белой завистью. И радовалась, что хотя бы у тебя все хорошо в личной жизни. Мечтала погулять на твоей свадьбе. Да я тебе даже подарок присмотрела! Не думай обо мне так плохо, прошу тебя. Я люблю тебя, понимаешь, как подругу, как человека. А Василия своего – забудь!

– Знаешь, он перед тем, как мы расстались, как-то особенно долго меня целовал... Как ты думаешь, он уже тогда прощался?

– Мы не знаем, почему он уехал. А может, жизнь его вынудила это сделать?

– Как это?

– Ну, ты же фильмы смотришь? Может, его втянули в какую-нибудь криминальную историю, и он, чтобы не подставлять тебя, понимаешь, вынужден был уехать.

– Да? И на всякий случай собрал два чемодана? И платье мне купил свадебное, чтобы попрощаться со мной? Или ты думаешь, что все решилось за полчаса? И за эти полчаса он успел не только собраться, но еще и поручить соседу поливать его фикус? Он знал, знал, что уедет... – всхлипнула Рая и сквозь слезы прошептала: – Он ведь и денег мне дал, две тысячи долларов. Сказал – это тебе, моя лапочка, на мелкие расходы. Заранее знал, что уедет, и откупился этими несчастными деньгами?! Чтобы мне не так горько было...

– Скажи, он любил тебя?

– Думаю, да.

– Значит, он не просто так уехал, я имею в виду, не от тебя убежал, понимаешь? Я все же считаю, что он влип в какую-нибудь историю.

– Но он же был простым бухгалтером! Сидел себе, рукава на работе протирал, щелкал на компьютере!

– Он работал в нефтяной компании, и мы не знаем, чем именно он там занимался, может, махинациями какими-то?

– Интересно, почему ты так стараешься его защитить? И это вместо того, чтобы предположить, скажем, что у него в Москве завелась любовница? А что, он же постоянно торчал в Интернете! Знает, что я ни бум-бум в компьютерах, вот и завел себе виртуальную любовницу, а потом, может, она к нам в Оренбург приехала, и они встретились.

– Что ты несешь?! Что? У тебя мозги воспалились, честное слово! Говорю же, постарайся успокоиться, возьми себя в руки!

Рая замолчала и всю оставшуюся дорогу лишь тихонько поскуливала, уткнувшись лицом в ладони.

* * *

«Быка, который убил Висенте Гиронеса, звали Черногубый, он числился под номером 118 в ганадерии Санхеса Та-

берно и был третьим быком, убитым Педро Ромеро на арене в тот день. Под ликование толпы ему отрезали ухо и передали его Педро Ромеро...»

«—Люда? Привет, это я. Ты сидишь? Сядь... У меня очень нехорошие новости. Просто ужасные... Алису убили! И Дениса тоже! Их нашли в его квартире. Кто-то разбил им обоим головы. Там все перерыто, никакой коллекции нет. Ты была права, он не должен был ее впускать в свой дом, и вообще он должен был жить один. Не хочется говорить, но я видела Алису несколько раз с одним человеком... С высоким брюнетом. Я не удивлюсь, если окажется, что это как раз тот тип, изнасиловавший ее в подъезде. Помнишь, я тебе рассказывала? Судя по тому, что он с ней сделал, у него не все дома. Зачем ему понадобилось ее насиловать, если он мог сделать с ней все, что хотел, у нее же в доме, к примеру? Думаю, он узнал, с кем она встречается, обо всем ее расспросил, узнал про коллекцию (а Алиса, наверное, похвасталась, что ее любовник – антиквар), они с Алисой договорились... Господи, Люда, я говорю тебе все это, а самой не верится, что такое вообще возможно! Но дверь не взломали, Денис или Алиса, кто-то из них, сам открыл ее, значит, знали, кому открывали. У меня в голове такая каша... Мысли путаются! Алису увезли, мне придется ее хоронить... Люда, ты слышишь меня?»

2010 г.

Игорь Логинов вошел в прохладный кондиционированный холл медицинского центра «Медикс Плюс» и остановился возле конторки, за прозрачным стеклом которой сидела чистенькая, в бирюзовом халатике, белокурая девушка с лисьей мордочкой.

– Моя фамилия Логинов, я следователь прокуратуры, занимаюсь расследованием одного убийства. Мне необходимо выяснить, за какие услуги один человек заплатил в вашем центре вот эту сумму по этой квитанции, – и Логинов сначала показал девушке свое удостоверение, а уж потом протянул ей квитанцию, найденную им в квартире Дениса Евгеньевича Караваева.

Девушка повертела квитанцию в руках, после чего встала, ушла вглубь, к рядам стеллажей, и вернулась с толстым журналом. Принялась его сосредоточенно листать. Не прошло и пары минут, как она сообщила:

– Это оплата операции, именуемой у нас «бархатный аборт», она была произведена гражданке Пироговой Алисе Викторовне.

– Вы не вспомните, кто именно оплатил эту квитанцию? Ну, кто именно приходил в кассу? Это невозможно выяснить?

– Думаю, нет. Извините.

Логинов, вполне удовлетворенный услышанным (а на что еще он мог надеяться?), поблагодарил девушку и вышел из, казалось бы, безлюдного, тихого и прохладного помещения этого дорогого медицинского центра. Подумал, что все операции и процедуры наверняка производят либо в пристройке, которую он заметил, подъехав сюда, либо на втором этаже. Хотя обычно, если в здании имеется стационар с кухней, то запахи пищи ощущаются буквально в каждом кабинете и в холле. Пахнет в больницах какими-то супами, вареной гречкой. Здесь же все было стерильно, даже девушка за конторкой и то казалась какой-то неестественно чистой, как новая кукла.

Логинов вновь оказался на душной улице и поспешил вернуться в машину, которая за эти несколько минут успела нагреться, хотя, пока он сюда ехал, в салоне всюду работал кондиционер и только в машине можно было спастись от жары.

Итак! Как могло случиться, что квитанция об оплате аборта Алисе Пироговой оказалась в квартире Караваева, если близкая подруга убитой утверждает, что аборт был сделан от некоего Георгия, знакомого по танцплощадке в Доме офицеров? Караваев, если судить по тому, что Логинову удалось узнать о нем, был человеком крайне аккуратным, и все его бумаги находились в полнейшем порядке. И все они, само собой, имели отношение исключительно к его личности. И только эта квитанция не могла иметь отношения к нему – к мужчине, поскольку это был документ, свидетельствующий

щий об оплате аборта. Вряд ли Караваев хранил бы его у себя, если бы не имел к этому аборту отношения. Получается, что Алиса сделала аборт от него, от Дениса Караваева, а подружке рассказала, что беременна была от Георгия? Хотя не факт: могло случиться так, что Алиса, находясь в близости с Караваевым, но забеременев от Георгия, обманула Караваева, сказав, что «залетела» от него – чтобы он оплатил аборт.

Пусть даже так, но и исходя из этого, казалось бы, незначительного факта, можно сделать вывод о том, какие отношения существовали между Караваевым и Алисой. Во-первых, близкие. Они были любовниками, независимо от того, с какой интенсивностью встречались. Может, это случилось раз или два, и это – один тип отношений. А возможно, они встречались каждый день, ночуя друг у друга попеременно, и поэтому Алиса могла потребовать, чтобы Караваев оплатил аборт.

Второе. Не такие уж и нежные были между ними отношения, и, главное, ничто не свидетельствовало о серьезных намерениях Караваева, раз он согласился на аборт Алисы и даже оплатил его.

Вот и выходило, что у Алисы была какая-то тайная жизнь, которую она скрывала даже от своей близкой подруги. Скорее всего, между ними было так принято – считаться близкими подругами, в то время как настоящей близкой подругой и вообще родным человеком для Алисы стала, конеч-

но же, Антонина Петровна. Может, в разговорах Алиса, упоминая о своей соседке, говорила о ней пусть даже и с чувством неприязни (такое случается в отношении человека, которому ты с каждым днем становишься все более обязанной в чем-то, Логинов не раз встречался с подобными явлениями, особенно среди молодых людей), но в душе она была ей, безусловно, благодарна за то, что старушка оказывает ей реальную помощь. К тому же ярким доказательством того, что Алиса больше доверяла Антонине, служит и тот факт, что именно Антонина Петровна первой рассказала Логинову о связи Караваева с Алисой. «...А ведь Алиса это тщательно скрывала, вернее, они оба это скрывали, не хотели афишировать...» Конечно же, этого не хотел афишировать Денис Евгеньевич, поскольку для Алисы эта связь, особенно если там намечалось логическое продолжение в виде брака, была даже престижной. Ведь все его окружение знало Караваева как солидного и богатого господина. Пусть человека зрелого, но все равно – перспективного жениха.

С другой стороны, если Караваев не собирался жениться на Алисе, то почему же тогда Антонина Петровна закрывала глаза на эту связь? Ведь если она любила по-своему Алису и желала ей только добра, вряд ли она поощряла бы эту унижительную для молодой девушки связь. Значит, надо еще раз побеседовать с Антониной Петровной и выяснить все о взаимоотношениях Алисы и господина Караваева.

Предварительные результаты экспертизы показали, что Алиса не была беременна (что и предполагал Логинов), она, в принципе, была здорова, практически не употребляла алкоголь, хотя и покуривала. В день смерти она поужинала свиной отбивной, жареной картошкой и салатом из помидоров. Такие же блюда ел и ее сосед (любовник, друг, благодетель, спонсор???) Караваяев. Доказательств ее интимной близости в тот вечер с Караваяевым (или с кем-либо другим) не имелось. Никаких биологических следов на теле девушки не обнаружили. Равно как и на простынях. Получалось, что Караваяев и Алиса поужинали вместе, и этим, помимо разговоров, их общение и ограничилось. Затем в квартиру Караваяева позвонили (Логинов попытался представить себе последний вечер в жизни обеих жертв), и Караваяев пошел открывать. Открыл. Сам. И доказательства тому в деле тоже имеются, поскольку на многочисленных сложных замках на дверях его квартиры отсутствуют следы взломов. А это означает, что он открыл дверь человеку, которого хорошо знал. И этот гость (или гостья, в чем Логинов, правда, сомневался) знал, зачем он пришел в этот дом. И ему было, похоже, наплевать на то, что в квартире, помимо Караваяева, находится еще и Алиса. Установить с точностью до минуты, когда были убиты жертвы, не представлялось возможным. Экспертиза указала лишь на приблизительное время смерти обоих – между десятью и двенадцатью часами ночи. Поэтому, кто был убит раньше – Алиса или Денис Евгеньевич, –

тоже было затруднительно выяснить.

Приходилось рассматривать оба варианта. Первый. Сначала убили Караваева. Но тогда где была в это время Алиса? Возможно, в кухне, разогревала ужин. Но Логинов обследовал кухню и следов ужина не обнаружил. Хотя Караваев мог элементарно вымыть после себя посуду, сковородку и даже плиту! Тогда, может, они ужинали в ресторане? Вместе? А потом пришли домой. Возможно, для убийцы это оказалось событием неожиданным... Или... Нет-нет, это был не профессионал и уж, конечно, не взломщик. Логинов вновь и вновь возвращался к мысли, что убийца отлично знал, что Караваев дома, а не в отъезде, и преступника, так получается, мало волновало, один ли хозяин или нет. Или, возможно, Караваев слыл закоренелым холостяком и о его связи с молоденькой соседкой никто не знал, то есть преступник, собираясь в квартиру Караваева, предполагал, что он там все же один. Та-ак... Преступник позвонил в дверь, Караваев открыл и впустил человека, которому он доверял. Или хотя бы того, кого знал лично. И перед этим гостем хозяину не было стыдно, что он не один, этого человека он не стеснялся и мог спокойно разрушить в его глазах миф о том, что он – закоренелый холостяк. В сущности, в этом нет для нормальных людей ничего постыдного, но тогда возникает вопрос: почему же они с Алисой скрывали свою связь? Или у Караваева была другая женщина? Но тогда соседка знала бы. Наверняка. И Алиса – тоже. Нет-

нет, никакой другой женщины.

И все-таки. Если предположить, что другая женщина была? Возможно, какая-нибудь старинная приятельница, которой Караваев – вроде бы холостяк – морочил голову в последнее время. Она элементарно могла интересоваться его просто как человек, у которого находится какая-то ценная вещь, тот же орден или медаль, и Караваев из-за этого встречался с этой женщиной-«крокодил»?.. Логинов представил себе некрасивую худую женщину с редко растущими зубами, словом, с отвратительной внешностью, за которой бедолага-коллекционер ухаживал, чтобы либо ограбить ее, либо вынудить ее продать (подарить?) ему ценную вещь, о стоимости которой «крокодил» и не подозревает? И вот кто-то из окружения Караваева (кто-то очень добрый, ну просто добрейшей души человек!) раскрывает ей глаза на Караваева-фалериста: для него, мол, нет ничего святого, и он, оказывается, обманывал ее, обещая золотые горы в виде законного брака и кучи румяных детишек! И вот она, разъяренная, приезжает (или приходит, возможно, она живет где-то поблизости, надо проверить) к нему домой, звонит, и он, как благородный мужчина или просто как воспитанный человек, не может ей не открыть. Но, понятное дело, он не собирался показывать «крокодилу» Алису, которая, быть может, в это самое время стояла под душем и напевала песенку себе под нос... Значит, он не мог не открыть. А поэтому и отворил дверь, боясь шума в подъезде. Вероятно, у «кро-

кодила» дурной и склочный характер (может, Караваев лишь неделю тому назад лишил ее девственности!), и не исключено, что она зашумела и закричала – мол, открой дверь, негодяй, я знаю, что ты дома, у тебя все окна светятся! Как бы там ни было, но Караваев открыл. И «крокодил» влетела, как фурия, почуяв запах женских духов или просто так, намереваясь произвести разведку боем, оттолкнула от себя Караваева, ворвалась в гостиную, поняла, что там никого нет, а может, заметила на спинке стула голубой кружевной бюстгальтер Алисы (именно в нем и нашли бедную девушку) и заметалась по квартире в поисках владелицы лифчика... И судьба подсказала ей, вернее, шум льющейся воды подсказал ей, где надо искать. Распахнув дверь ванной комнаты, фурия влетела туда, схватила мокрую от воды соперницу за руку и вытащила ее в переднюю, после чего с визгом: «Так вот, значит, какие медали ты коллекционируешь?!», отшвырнула девушку от себя, и тут как раз на глаза ей попала гантель. Тяжеленькая такая, аккуратная. В самый раз, чтобы лишить жизни двух ненавистных ей людей. Пять минут – и Караваев с проломленным черепом и Алиса с разбитым виском лежат, мертвые, на полу.

Логинов, представив себе всю эту картину, усмехнулся своей разыгравшейся фантазии. Подумал – насколько же надо было разозлить «крокодила», чтобы довести брошенную, обманутую женщину до убийства! Вероятно, если такая женщина и существует, ее чувства оказались затронуты на-

столько личными мотивами, насколько и экономическими. И в этом случае Караваев все-таки обманул ее, украв или вынудив ее отдать ему нечто ценное, о стоимости чего «крокодил» прекрасно знала. Возможно даже, что она – такой же страстный фалерист, как и сам Караваев.

Логинов ехал по одному из адресов, записанных рукой Караваева в его записной книжке. Некий «Мих. Гулькин». Улица Некрасова. Хорошее, тихое место, можно сказать, маленький парк с выросшими в нем по периметру небольшими купеческими особнячками кремового цвета. Понятное дело, что «аборигенов» в этих особняках давно уже не осталось. Их все скупил в свое время новые русские, поскольку выглядели эти домики очень чистенькими, ухоженными и какими-то свежими. На крышах громоздились антенны, фасады некоторых домов хозяева умудрились изуродовать «чемоданами» кондиционеров.

Нужный дом имел всего лишь один центральный подъезд-арку, по обеим ее сторонам прятались ниши мощных металлических дверей. На одной имелась золотистая табличка: «М. Гулькин». Логинов позвонил. И вдруг все вокруг него будто замерло, заснуло – так тихо стало в этой темной глубокой арке, что даже не слышно было привычного уличного шума. Улица словно застыла в ожидании шагов за дверью. Логинов, казалось, и сам перестал дышать. Наконец он услышал шаги, и мужской тихий голос спросил: «Кто там?»

– Моя фамилия Логинов, я – следователь прокуратуры.

– Почему я должен вам верить? – Гулькин (или кто-то, проживавший с ним в квартире) явно не торопился открывать, и чувствовалось, что он уже не в первый раз примерно таким же образом мучает незваных гостей. – А если вы скажете мне, что вы – папа римский, я тоже должен буду вам поверить?

– Придется. Взгляните на удостоверение, – и Логинов терпеливо, в течение целой минуты, подержал перед глазком двери раскрытый документ.

– А где доказательство, что оно не фальшивое?

– Я вам продиктую номер прокуратуры, и вы позвоните туда и спросите, работает ли там следователь Игорь Валентинович Логинов.

– Да бросьте вы, никуда я звонить не буду. Если у вас ко мне есть вопросы, задавайте их прямо так, – раздраженно ответил мужчина. – Если бы вы только знали, сколько всякого отребья здесь ходит! То дешевые массажеры продают, то косметику, то наборы для юного садовода... Если бы я всем открывал, меня бы уже давно не было на свете!

– Вы – Гулькин?

– Да, я – Гулькин.

– Скажите, Михаил...

– Михаил Михайлович, – чуть ли не по слогам, очень отчетливо проговорил жирненьким голоском Гулькин.

– Вы знали Дениса Евгеньевича Караваева? – перебил его

Логинов, в общем-то понимая и разделяя взгляды Гулькина на осторожность.

– Безусловно, знал. Это мой хороший друг. И, надо сказать, кристальной души человек, если вы, конечно, пришли по его душу.

– Вашего друга убили вчера ночью.

Вместо ответа раздался лязг, скрежет, звон цепей, словно за дверью освобождался от сложных тяжелых металлических пут огромный зверь. Дверь распахнулась, и Логинов увидел испуганное круглое лицо маленького человечка – в коротких домашних фланелевых штанах и тонком черном свитере под горло. Глаза его за толстыми стеклами очков моргали часто-часто.

– Входите, – он буквально втащил Логинова к себе, схватив его за рукав, словно они были давно знакомы и подобная манера поведения имела место как норма. – Извините, что я вас не впускал. Но и вы меня должны понять. Извините, можно я еще раз взгляну на ваше удостоверение?

Логинов и на этот раз проявил терпение. После знакомства с его ксивой Гулькин жестом предложил Игорю следовать за ним.

В квартире пахло, как в музее. Разве что не хватало особой нотки – аромата паркетной мастики. А так – один в один. Вся квартира буквально ломилась от старой мебели, больших – даже для такой просторной, многокомнатной квартиры – высоких мраморных статуй, деревянных расписных ки-

тайских сундуков, дамских туалетных и ломберных столиков, письменных столов, буфетов, зеркал и картин на стенах, напольных и настенных часов, канделябров, самоваров, расписных фарфоровых тарелок...

– А у вас тут уютно, – сказал Игорь, пробираясь между буфетом и письменным столом, заваленными всякой антикварной всячиной, начиная от фарфоровых дрезденских безделушек и кончая старинными, порыжевшими от времени фолиантами. – И столько сокровищ! Теперь понятно, почему вы с таким пристрастием и недоверием относитесь к посещениям незнакомых людей. Я на вашем месте даже меня бы не впустил.

– Но вы сказали мне какую-то чудовищную вещь о Денисе! Проходите, здесь более-менее свободно, и окно открыто, свежий воздух...

Гулькин усадил Логинова у кухонного окна, забранного фигурной решеткой, предварительно смахнув со стола, застеленного выцветшей клеенкой, хлебные крошки. Логинов заметил на слегка закопченной, грязноватой плите три кастрюльки, сковородку, прикрытую крышкой, из чего сделал вывод, что либо у Гулькина есть жена, которая ему готовит, либо этот кругленький и в общем-то симпатичный человек сам любит и готовить, и поесть – он невольно сравнил кухню гурмана Гулькина (это было написано на его лоснящемся лице) со своей – со стерильно вымытой плитой и аккуратно сложенными в шкаф сверкающими, почти новыми пусты-

ми кастрюлями. Сравнение получалось не в его, Логинова, пользу.

Гулькин налил в электрический чайник воду из синей прозрачной пластиковой бутылки и включил его. Затем, словно на время забыв, что он на кухне не один, крепко задумавшись, он вымыл заварочный чайник и, ошпарив его подоспевшим кипятком, насыпал туда чай из жестяной коробки. Логинов как замороженный следил за его движениями, получая какое-то очень странное, щекотливое наслаждение. Больше того, он даже успел позавидовать этому Гулькину, антиквару-гедонисту: все-то у него в жизни понятно, ясно и относительно спокойно! Он знает, где проснется наутро, что съест, с кем встретится, с кем поговорит по телефону. Логинов же не знал, что ему судьба подарит (или обрушит на его голову) через минуту. И вообще доживет ли он до вечера, не пристрелят ли его где-нибудь возле дома, когда он будет возвращаться к себе – голодный, усталый, мечтая о порции горячих сосисок или отварных пельменей...

Наконец Гулькин налил чай в красивую, тонкого фарфора чашку, поставил перед Логиновым тарелку с сыром, колбасой и нарезанным тонкими ломтями черным хлебом, сел и уставился на него с видом обиженного пса.

– Я не хочу, чтобы вы повторяли то, что уже сказали. Я и так все понял. Хотя еще не осмыслил. Но почему? Кто? За что? О, я понимаю: поскольку вы здесь, у меня, вы и сами пока еще ничего не знаете, но вам хотя бы известно, каким

образом его... убили...

Логинов вкратце рассказал Гулькину все, что знал, невольно поймав себя на мысли, что у его собеседника есть несомненный талант располагать к себе людей. Вероятно, вот так же, заманив к себе домой обладателя какого-нибудь редкого подсвечника или статуэтки, он подкармливал гостя, ухаживал за ним, пока не переманивал его на свою сторону, причем так искусно, что «клиент» через какое-то время и сам был рад отдать интересующий антиквара предмет, потому что ему просто захотелось сделать для покупателя что-то хорошее.

Вот и с Логиновым произошло то же самое. Он обстоятельно рассказал Гулькину обо всем, что знал о смерти его коллеги – Дениса Караваева. Быть может, это произошло потому, что у него и в мыслях не было заподозрить Михаила Михайловича в убийстве, а может, потому, что он просто расслабился и потерял всякую бдительность. В любом случае ему было приятно сидеть в этой кухне, источавшей ароматы вкусной еды, сладковатого запаха сухого теплого дерева и еще чего-то непонятного, чем, вероятно, пахнет само время.

– Вы можете рассказать что-нибудь о Караваеве? Где вы с ним познакомились? Давно ли вы его знаете?

– Вообще-то я знаю его уже довольно долго, лет пятнадцать тому назад примерно мы познакомились. Меня свел с ним один человек, ныне покойный... Мне предложили,

как сейчас помню, купить комплект немецкого фарфора по очень выгодной цене, и я услышал, что цену у покупателя перебили и сделал это некий Денис Караваев. Я захотел с ним встретиться и объясниться. Ведь у меня с покупателем была старинная дружба, и он обещал мне эти безделушки. Я понимаю, для вас все эти тарелки-ангелочки не представляют никакой ценности, для меня же они – источник моего удовольствия. Я живу всем этим, понимаете? Я как ребенок, который мечтает о какой-то игрушке и вдруг узнает, что эту игрушку купили для какого-то другого ребенка! Тем более что этот фарфор в те времена стоил просто копейки! Меня этот факт зацепил. И вот меня свели с Караваевым. Я даже обвинительно-раздражительную речь заранее заготовил, собрался было уже высказать ему все прямо в лицо, как вдруг понял, что этот человек мне ужасно симпатичен! Вы бы видели, каким он был в то время! Молодой, ужасно обаятельный, с дерзким взглядом и ироничной улыбкой. Он покорило мое сердце! Нет-нет, не подумайте ничего такого – я имею в виду сексуального, – нет, просто он мне чертовски понравился как человек. К тому же мы с ним очень быстро договорились на тему фарфора и некоторых других вещей, которые его интересовали постольку-поскольку, а я-то просто бредил французскими парными вазами, которые он мог для меня достать через своего знакомого московского антиквара. Просто я коллекционировал их, вместо того чтобы перепродавать и извлекать из этого прибыль.

– Чем занимался Караваяев?

– Орденами, – кротко ответил Гулькин, перебирая большим и указательным пальцами обеих рук, словно сплетал в воздухе невидимую цепочку. – Исключительно орденами.

– У него была хорошая коллекция?

– А об этом никто не знал! Я, во всяком случае, предполагаю это. Я так до конца и не понял: либо он коллекционировал их так же страстно, как я – свои вазы и буфеты, либо же он не менее страстно коллекционировал вырученные за эти ордена деньги. В начале нашего знакомства мне казалось, что он просто одержим орденами, он мог часами рассказывать мне об истории каждого ордена. А потом, когда он, как я думаю, удачно перепродал один из своих орденов (он так и не признался мне, какой именно, я могу лишь предполагать, что это был орден Ушакова второй степени)...

– Но ведь это, насколько даже мне, непосвященному человеку, известно, очень дорогой орден!

– В том-то и дело. Уж не знаю, каким образом Караваяеву удалось его приобрести в свое время, но что он выгодно продал его, повысив цену вдвое или втрое, – это точно. Он радовался, как ребенок! В сущности, когда мы, взрослые, радуемся, то всегда походим на детей. Извините, я отвлекся. После той сделки он сразу же отправился в Калифорнию. Не в Египет или Турцию, и даже не в благословенную Францию либо, прости господи, в отель «Парус», в Эмиратах, куда я и сам был бы не прочь съездить, а почему-то

в Калифорнию. И знаете, я понял его! Что мы, антикварные крысы, можем себе позволить, если уж мы одержимы этой страстью к коллекционированию? Да ничего, кроме желания приобрести нечто, в мечтаниях о чем мы не можем заснуть, о чем думаем постоянно, забывая поесть, словом, мы как бы больны этой вещью и во что бы то ни стало хотим ее получить, купить, выменять, выпросить и так далее и тому подобное! Я, к примеру, редко позволяю себе выходить из дома. Я элементарно боюсь, что, пока меня не будет дома, меня ограбят. Думаю, что мы все в какой-то степени боимся этого. Но Денису удалось преодолеть себя, отстраниться от этого, казалось бы, нескончаемого потока желаний и планов, этого вызывающего зуд стремления продолжить поиски какой-то вещи – по Интернету ли, по переписке, в бесконечных телефонных переговорах, – словом, он отсекал себя, хотя бы на время, от своей страсти, оставил за плечами все страхи и полетел за какой-то другой, быть может, даже более старой, родившейся еще в юности, мечтой об Америке, о Калифорнии – с ее невозможными пляжами. Думаю, он просто решил увидеть другой мир, другую страну, которой он в свое время бредил, как и мы все понемногу. Я и завидовал ему, и восхищался им. Подумал: вместо того чтобы подчинить своей жизни, своим желаниям и прихотям вещи, я сам подчиняюсь им, я ползаю перед ними на коленях, я целую их, прижимаю к груди, ласкаю, как молоденьких девушек, и это – вместо того чтобы ими пользоваться, держать

их в своих крепких объятьях, не боясь раздавить их, расплющить, овладеть ими...

Гулькин, произнося свой монолог, даже вспотел. Достал из буфета бумажные салфетки, промокнул лоб.

– Значит, вы никогда не видели его коллекцию?

– Я? Нет, никогда. Но другие видели. Вернее, не всю коллекцию, лишь некоторые ордена и медали. Но, думаю, самые важные и дорогие свои вещички Денис никому не показывал, разве что потенциальным покупателям, на которых он выходил исключительно через доверенных лиц. Послушайте, я понимаю, зачем вы сюда пришли, и могу только догадываться, каким образом вы вышли на меня... Думаю, всему виной его записная книжка. Но там много таких же, как я, средненьких антикваров или просто людей, в свое время бывших интересными для Дениса. В основном он вел переговоры и обменивался медальками с московскими крупными фалеристами, с которыми я незнаком. И даже если вы выйдете на них, ничего узнать не сможете. Они будут молчать как рыбы. И знаете почему? Да потому, что теперь имя Дениса Караваяева пахнет свежей кровью! А то, чем он занимался, пахнет большими деньгами. Вы хотя бы знаете, сколько могут стоить эти ордена?! К примеру, я недавно прочитал в каком-то издании, что тот же орден Ушакова второй степени мог быть куплен за сто тысяч долларов, а продан в два раза дороже! Что же касается других, скажем, орденов имени Кутузова, Суворова, Невского, Нахимова, Хмельницкого –

то за них дают меньше, но все равно – от десяти до пятидесяти тысяч долларов. Признайте – какие-никакие, а деньги! Я уж молчу о сказочных, на мой взгляд, экземплярах, к примеру, за знаменитый, роскошный орден Победы (платиновый, и в нем – шестнадцатикаратовый бриллиант) дают от пяти до десяти миллионов долларов!!! Но что касается Дениса, не думаю, что у него был этот орден... Хотя кто его знает – может, из-за этого ордена его и убили? Ведь вы сказали, что ему разбили голову! Вот! Вот чего я боюсь больше всего на свете!.. Игорь Валентинович, давайте я нарежу еще колбаски?

Игорь и не заметил, как, слушая Гулькина, съел всю колбасу. Ему стало стыдно, он почувствовал, что краснеет. То же мне, следователь прокуратуры, серьезный человек, а оголодал так, что объедает своих свидетелей!

– Только не смущайтесь! Еда, знаете ли, сближает людей.

– Михаил Михайлович, люди, окружавшие Караваева в Сети или в реальной жизни, с которыми он общался на предмет фалеристики, – как вы думаете, они могут быть причастны к его убийству?

– Я не отвечаю за других людей, это мой жизненный принцип, но скажу так: никто из них лично никогда не захочет мараться в крови. Другое дело, что они способны были бы нанять кого-то для этой грязной работы. Но в моей жизни ничего подобного не случилось, я имею в виду, никто из моих знакомых, из моего окружения никогда не страдал из-

за действий своих коллег и не стал жертвой насильственной смерти. Может, в Москве и бывали подобные случаи, но мне на память пришел один эпизод. Я прочитал в газете, что одного антиквара убила женщина-игроманка, ее быстро нашли. Еще одного антиквара убил пасынок. Как видите – пусть это всего лишь два примера, – но убийства как бы случайные или связанные с близкими родственниками. Нет, все же я не думаю, чтобы на Дениса напал кто-либо из его коллег.

– Но все равно: убил тот, кто его хорошо знал и кому Караваяев доверял, ведь он сам открыл дверь, – заметил Логинов. – К тому же в доме нет и намека на существование коллекции! Может, ее похитили, а может, и не нашли!

– Вполне вероятно, что он и не держал ее в доме. Где-нибудь в другом месте, да в той же банковской ячейке!

Игорь уже понял, что пришел к Михаилу напрасно. В сущности, он и не мог рассчитывать на то, что первый же потенциальный свидетель предоставит в его распоряжение какие-то ценные факты. С другой стороны, Игорю было интересно поговорить с антикваром, пусть даже и провинциального масштаба. Да просто – с увлеченным человеком. К тому же он оказался милейшим человеком, единственным из многочисленных свидетелей, который отнесся к Логинову по-человечески и даже накормил его. Причем сделал это так ненавязчиво и просто, что Игорь, уже уходя, не ощущал себя обязанным ему чем-либо. А это уже хорошо.

В дверях он не удержался и задал еще один вопрос, который волновал его не меньше тех, что были связаны с профессией Гулькина:

– Что вы знаете о личной жизни Дениса Караваева, Михаил Михайлович?

– Немного. Знаю, что у него была женщина, можно даже сказать, невеста. Не очень молодая, но весьма привлекательная. Зовут ее Василиса. Знаю, что у них произошел какой-то инцидент, кажется, Денис обещал подарить ей на свадьбу или помолвку какое-то редкое по красоте и ценности кольцо, но не подарил, а продал его, причем ее подруге, да еще и за огромные деньги, чем, собственно говоря, и оскорбил Васю.

– Васю?

– Ну да, мы ее так про себя называем. Я имею в виду ее знакомых.

– Так вы ее знаете лично?

– Да ее полгорода знает! Может, и вы видели ее когда-то где-нибудь.

– Пожалуйста, расскажите мне о ней!

– Не уверен, что поведаю вам о ней больше, чем сама она о себе. А уж в том, что она выложит вам всю правду-матку, можете не сомневаться. Она – удивительная женщина! Дать вам ее телефон?

– Буду вам очень признателен!



«Пикадор, надвинув шляпу на лоб, направил копьё под острым углом на быка, глубоко вонзил шпоры в бока лошади и, держа поводья левой рукой, заставил ее двинуться вперед. Бык смотрел зорко. Казалось, он смотрит на белую лошадь, но на самом деле он следил за треугольным острием копья...»

«— Привет, моя дорогая! Весь день вчера занималась подготовкой к похоронам. Действую, как во сне. Тело моей бедной девочки мне еще не выдали, там же целая куча разных экспертиз... Но к похоронам все равно подготовиться надо. Я решила, что выносить ее будут из ее квартиры, вернее, из той, что она снимала... Знаешь, я давно там не была, все боялась — позвоню, а она — там, вместе с Денисом... И даже сейчас, когда я умом понимаю, что их нет в живых, мне почему-то кажется, что там, за его дверью, — он, а за дверью ее квартиры — она. И что вся эта смерть — словно бы их большой заговор... против меня. Господи, я и сама не знаю, что говорю! Люда, мне страшно, меня по ночам начали мучить кошмары. Ведь их кто-то убил, кто-то, кого они хорошо знали и потому пустили в квартиру. А если знали они, то, может, его знала и я? И этот убийца может проживать с нами в одном доме, в одном подъезде... Что?»

А... понимаю. Да, я тоже так думаю. Конечно, это по его душу приходили, за его орденами-медалями, все понятно. А ее, голубушину, как свидетельницу убили. Вот хоть и предполагала я, что она связалась с тем брюнетом, но доказательств-то у меня – никаких. Да, я вот что еще хотела рассказать. Ну, убили их, ударили по голове – каждого гирей, вернее, гантелью. И ладно бы ушел убийца, ушел – и все. Так нет, он раздел ее, Алису-то, посадил, прислонив к унитазу, открыл ей рот и сунул туда деньги, причем немалые, и в евро! И еще ей голову осыпал какими-то старыми монетами, я не знаю... какой-то старинной мелочью – вот, мол, подавись! И это мне тоже очень не понравилось. Словно это именно ее убить приходили... Мне бы похоронить ее, Алисочку... Кто похоронит Дениса? Мне следователь сказал – брат его вроде бы едет, из Москвы. Денис очень любил своего брата. Кстати говоря, если бы у этого брата не было алиби, можно было бы на него подумать, ведь он после смерти Дениса получит его квартиру и все, что в ней находится. Правда, самого ценного там уже нет, но все равно... Вот такие у меня дела, Людочка. Извини, что испортила тебе настроение своим звонком. Надеюсь, у тебя все благополучно. Любите друг друга. Целую... Спасибо, я поняла...»

2010 г.

Тамара поймала себя на мысли, что ей хочется позвонить Алисе и рассказать подруге обо всем, что случилось недавно. Это было очень странное желание, ведь она отлично понимала, что Алисы больше нет в живых. Но Тома как бы продолжала жить по инерции и не могла не осознать, как же она была все-таки привязана к Алисе и как ей сейчас не хватает подруги!

«Алиса, голуба моя, ты знаешь, куда я иду? Не поверишь – на танцы! Надо найти ту сволочь, от которого ты сделала аборт... Думаю, что ты там, – Тома задрала голову вверх, к стеклянным шарам парковых светильников, над которыми вились мошки, словно там, выше, среди разорванных, мрачно проплывающих над парком сине-фиолетовых облаков, подсвеченных яркой, лимонной луной, она могла увидеть неясный профиль умершей подруги. – Помнится, его звали Георгий. Следователь думает, что он может быть причастен к твоему убийству... А что, это очень даже вероятно. Ты же не обо всем мне рассказывала. А если твоя старушенция недоумила тебя разыскать его и призвать к ответу? Она бабка-то умная, сообразительная, надавала тебе советов – мол, разыщи его, скажи, что собираешься подавать на него в суд, да просто заявлением пригрози...»

И тут Томке пришла в голову мысль, что Георгия могли

припугнуть не столько из-за желая отомстить, призвать к ответу за содеянное им, сколько желая вытянуть из него деньги! И мысль эта не показалась ей такой уж глупой. А почему бы и нет? Пусть расплатится за Алискины слезы!

Томка прибавила шагу. Черные силуэты деревьев мрачными декорациями окружали ярко освещенную танцплощадку. Парковые аллеи уже наполнились нарядно одетыми парочками.

Тома вдруг подумала, что давно уже живет не той – молодой – жизнью, которой жила прежде, и что в последнее время те впечатления, которыми делилась с ней Алиса, питали ее любопытство и заставляли ее сердце биться чаще. Она словно бы вместе с подругой переживала все то, что сама недобрала, недополучила в свое время. Ранний брак и последовавшая за ним цепь тяжелых испытаний, разочарований и несчастий словно бы отрезали ее от девичьей веселой жизни, отсекали от нее что-то очень важное, что когда-то доставляло ей радость. Перед глазами Тома проплывала цветными размытыми картинками жизнь молодой красивой девушки, которая пусть и была неразборчива в своих связях, но все равно проживала более насыщенную и полную приятных событий жизнь, чем сама Томка, и, наблюдая за нею, Тамара словно бы и сама становилась на какое-то время такой же молодой и счастливой. Да – легкомысленная Алиса жила полной жизнью, в то время как Тамара, приведя свои еще недавно растрепанные чувства в порядок, начала вить

свое постоянное, безрадостное гнездо зрелой, не ожидающей уже ничего хорошего от жизни, одинокой женщины. А ведь это было неправильно! Сейчас, прогуливаясь по оживленному и какому-то праздничному в этот вечерний час парку, она видела счастливые влюбленные глаза парочек, чей возраст заставлял Тому сожалеть о сделанном ею когда-то выборе – среди гуляющих были и молодые женщины – ее возраста и даже старше! И все они спешили на танцы, и им было хорошо, весело, глаза их блестели, как когда-то у влюбленной Алисы...

Конечно, и у Тамары бывали любовники, но какие-то одноразовые, появлявшиеся в ее жизни словно бы исключительно для того, чтобы доказать ей – она еще женщина. Не более того. Причем не любимая женщина, а просто «сексуальный объект». С одной стороны, мужчины были ей необходимы для определенных гигиенических целей, с другой – и она не могла этого не чувствовать, – все эти связи причиняли ей душевную боль и унижали ее.

Иногда ее охватывало дикое желание выйти замуж. Но не просто за первого встречного, как уже случилось однажды в ее жизни, а за хорошего, положительного мужчину, который полюбил бы ее всем сердцем и которого она бы тоже любила, даже если бы у него оказался дурной характер! Она слышала рассказы подруг о таких кажущихся благополучными мужчинах, которые, в силу именно своего эгоизма и каких-то особенностей характера или поведения, долгое

время не могли жениться. Один, к примеру, был помешан на чистоте и заставлял свою жену по нескольку раз в день мыть полы и вытирать пыль, другой, наоборот, разбрасывал повсюду свои грязные вещи и полные окурков пепельницы... И это при том, что эти мужчины занимали неплохие должности, хорошо зарабатывали, словом, считались состоявшимися, успешными и желали создать семью. Почему-то считая, что лучшего, чем они, мужа – во всех смыслах этого слова – ей уже не заполучить, Тамара настраивала себя на совместную жизнь со сложным, эгоистичным человеком и даже находила в своей душе моральные силы для того, чтобы вытерпеть его или даже перевоспитать!

...Георгий стоял у входа на танцплощадку, там его Тома и увидела. Элегантный, в черных джинсах и черном гольфе, он держался чуть поодаль от пестрой толпы, курил. Да, это был точно он. Красивый, интересный, похожий на артиста кино. Да он и в жизни оказался, как видно, артистом. Заморочил голову Алисе, а потом обошелся с ней как последняя сволочь.

«Алиса, вот он, я его нашла... – Томка задрала голову и посмотрела на россыпь серебряных звезд на небе, среди которых затерялся туманный профиль подруги. – Не подумай ничего такого... Не ревнуй. Я пришла сюда, сама знаешь, зачем. Мне надо с ним поговорить, попытаться выяснить – причастен ли он к твоей смерти? Вот только ума не прило-

жу, как это сделать? Ведь невозможно же спросить его прямо в лоб – мол, не ты ли это, голубчик, убил мою подругу... Но я должна, должна как-то приблизиться к нему, попытаться понять, в каком он находится состоянии, напуган ли он... Ведь если это он – твой убийца, то он вообще должен сейчас сидеть дома и дрожать от страха – если он нормальный человек, – а не ходить на танцы! Хотя разве может нормальный человек совершить убийство?»

Томка стояла неподалеку от Георгия и смотрела на него во все глаза. Все ждала, когда он начнет присматривать свою будущую жертву. Но он, казалось, просто наблюдал за танцующими или за теми людьми, кто стоял поблизости. Выглядел он спокойным, взгляд его выражал простое любопытство или, когда мимо проходила какая-нибудь красивая девушка, чисто мужскую заинтересованность. На Томку он тоже поглядывал. Она знала этот оценивающий взгляд, подобное было ей знакомо. С одной стороны, это ее раздражало, ведь Георгий так оскорбил и унизил Алису, с другой – ей было приятно, что ею откровенно любят.

И вдруг она вспомнила, зачем вообще сюда пришла. Ей же надо связаться со следователем, а не заниматься расследованием самостоятельно! А вдруг он настоящий убийца, а она тут собирается выяснять, каким было – и есть сейчас – психологическое состояние Георгия, чтобы выяснить, мог ли он убил Алису или нет! Она отошла в сторонку и набрала но-

мер Логинова.

– Игорь Валентинович, – прошептала она в трубку, – я на танцах, как мы и договаривались, в Доме офицеров. И *он* здесь! Стоит буквально в нескольких шагах от меня, поглядывает по сторонам. Это прямо возле входа на танцплощадку...

– Хорошо, Тамара, спасибо, что позвонили, я подойду примерно минут через сорок, раньше никак не получится, – сказал Логинов. Слушая его голос, Тамара хорошо представила себе его: такого красивого, интеллигентного, элегантного – и подумала вдруг, что он меньше всего походит на следователя прокуратуры, скорее – на крупного бизнесмена. Следователи в ее представлении (а это представление складывалось по мере просмотра детективных сериалов) были все невысокого роста, просто или даже небрежно одетые, какие-то неприметные, серые, разве что умные и проворные. Хотя в сериалах она, скорее всего, видела не следователей, а оперов, которые напрямую занимаются выслеживанием преступников, в то время как следователи прокуратуры сидят в своих душных прокуренных кабинетах и работают с документами. Однако Логинов сейчас сам приедет сюда, а не пришлет помощника или опера. Значит, и у следователей, помимо работы с документами, полно другой, самой разнообразной работы.

– Добрый вечер, – услышала она вдруг над самым ухом

и отшатнулась, увидев прямо перед собой лицо Георгия. Да что там отшатнулась, она почти подскочила! Вот что значит задуматься. Она и не заметила, как он к ней подошел.

– Добрый вечер, – отозвалась она, чувствуя, как ее начинает трясти. Ведь она, чтобы никто не услышал, куда она звонит, отошла в сторону, встала между стволов огромных, упирающихся верхушками в небо, елей, отступила в темноту. Как он ее нашел? Что он здесь делает? Она по-настоящему испугалась.

– Я вас испугал? Простите, – ласковым, бархатным голосом проговорил он. – Просто весь вечер я любовался вами, и вдруг раз – и вы исчезли! Вот я и отправился вас искать.

– И что, нашли?

– Как видите.

– А зачем вы меня искали?

– Хотел пригласить на танцы.

Она вдруг представила, как спустя некоторое, весьма короткое, время здесь, в этом парке, расположенном рядом с Домом офицеров, появятся вооруженные люди и набросятся на ничего не подозревающего Георгия, схватят его, заломят руки...

– Вообще-то я не танцую.

– Тогда зачем же вы сюда пришли?

«Тебя поймать», – подумала Тамара и вдруг поняла, что совершенно не готова поддерживать с ним беседу. Одно дело, если бы она просто самостоятельно попыталась что-

нибудь выяснить, а другое – когда ей нужно потянуть время в ожидании Логинова.

– Да я... так. Просто прогуливалась. Договорилась встретиться здесь с подругой, а она не пришла.

– Так, может, это судьба? Давайте выйдем отсюда на свет. И тогда у меня будет возможность хорошенько рассмотреть вас.

Он вдруг схватил ее за руку и вытянул из путаницы тяжелых еловых ветвей на дорожку. Мимо них прогуливались, приходя в себя после быстрых танцев, разгоряченные парочки, в воздухе как-то особенно густо пахло сигаретным дымом и смесью различных духов.

– Меня зовут Георгий, – он улыбнулся, показав ровные белые зубы. – А вас?

– Тамара, – вздохнула она.

– А почему так грустно? Такой прекрасный вечер, а вы грустите... Что-нибудь случилось? Может, я могу вам помочь?

– Вы? Вот вы-то как раз точно ничем не можете помочь.

И вдруг она поняла, что не сможет дождаться Логинова, не сумеет так долго тянуть время, притворяясь обычной скучающей девушкой, пришедшей на танцы в надежде подцепить кавалера. Она должна сама, еще до прихода Логинова, дать понять этому приторному Георгию, что она все о нем знает! Знает о том, какой он гад и мерзавец, и сказать, что она готова сообщить об этом всем, кто находится сей-

час здесь, в парке. Кровь пульсировала во всем ее теле, когда она начинала думать о том, что тело несчастной Алисы лежит сейчас в морге – она никогда, никогда уже не откроет своих красивых глаз и не произнесет ни слова! Она мертва, и это ужасно несправедливо! Так настрадаться, чтобы потом умереть?!

В сущности, здесь, в толпе, он не посмеет причинить ей вред, что бы она ему ни сказала.

Она на всякий случай оглянулась, прикидывая, в каком направлении сбежит, если, к примеру, Георгий решит пырнуть ее ножом или, затащив в кусты, удушить. Конечно, такого не произойдет – не должно, но отчего же ей так страшно?

Она все-таки решилась.

– Вы не узнаете меня? – Она подняла голову и посмотрела на него в упор.

Георгий, удивленно подняв брови, остановил взгляд своих темных глаз на ее лице, помедлил некоторое время, потом пожал плечами:

– Как будто нет... А что? Мы были знакомы?

– Нет, нас не представляли друг другу, но я вас видела.

– Может, отойдем в сторону и поговорим? – очень вежливо, мягким голосом предложил он.

Тамара вдруг заметила, что его гольф не черного, а темно-синего цвета. А глаза сверкают, как драгоценные камни. Безусловно, природа щедро одарила парня внешними дан-

ными. Белая кожа, густые черные волнистые волосы, спортивная фигура. Он был создан для того, чтобы нравиться женщинам, кружить им головы, разбивать им сердца и судьбы.

– Нет, с *вами* я никуда не пойду, – сказала она твердо. – И знаете почему?

– Вы так громко говорите... Что случилось? Какая муха вас укусила? Прошу вас, давайте отойдем, чтобы не привлекать к себе внимания!

Она сделала несколько шагов к переливающимся разноцветными лампочками воротам площадки (ведь именно там ее и должен найти Логинов) и встала лицом к Георгию, оперевшись спиной о металлическую ограду.

– Мы виделись с вами, и часто. Вы покупали у меня пиво и сигареты, – солгала она, вдруг осознав, что пока что не находит в себе сил сказать правду, сказать то, что хочет, то, что нужно.

– Пойдите... Это там... в арке? Маленький киоск с сигаретами... ну да, точно, я видел вас там! Просто там вы – будничная, занятая своей работой, а здесь – настоящая красавица! Извините, может, я скажу сейчас банальность, но вы совершенно не походите на продавщицу из сигаретного киоска, правда! В вас чувствуется порода... У вас очень красивое, породистое лицо, глаза... Да вы просто не знаете себе цену!

Томка подумала – вероятно, подобные же комплименты

он расточал и Алисе. Бедная Алиса, она не выдержала, растворилась в этих комплиментах и доверилась ему. Ей так хотелось поверить, что она не такая, как все, что ее красота – очень изысканная, что она – просто прелесть! Да кто же из девушек не хочет, чтобы так отзывались о ее внешности?

– Вы на самом деле считаете меня такой красивой или... – Она замерла в ожидании, что ее прервут, что сейчас она услышит еще один «дорогой» комплимент.

– Вы не только красивая, но и очень сексуальная...

«А уж какой ты сексуальный! Точнее, сексуально озабоченный!»

Он взял ее за руку. То, что она почувствовала, было ощущением невероятного блаженства. Он держал ее руку в своей, и ей показалось, что его кровь вливается теплым будоражающим потоком в ее вены и артерии и что она как бы себе больше и не принадлежит. Да, она словно опьянела от этого очень странного, не похожего на то, что ей приходилось испытывать прежде, чувства. Но вот – мертвая Алиса словно бы провела своей ледяной рукой по ее спине, и Тамара почувствовала, как волосы на ее голове зашевелились. Стоп! Что происходит?! Как он вообще посмел взять ее за руку?!

И мысли ее вновь вернулись к истинной причине ее появления здесь, в этом чужом для нее месте. Алиса. Кто ее убил? Не Георгий ли?

– Хорошо, я вам все расскажу... – прошептала она, чувствуя, что краснеет. – Я видела вас не только из окошечка

своего киоска. Вы... приходили к Алисе.

Ну, вот она и все сказала! Озвучила имя.

– К какой еще Алисе? – Губы его поджались, взгляд стал задумчивым. Он явно вспоминал девушку, свою знакомую, носившую имя героини сказок Льюиса Кэрролла. – Что-то не могу припомнить...

– А-ли-са! – по слогам повторила Тамара. – Ну! Вспомните!

– Она из университета? – Он, казалось, не играл, а на самом деле пытался вспомнить. – Или из медицинского колледжа? Эта ваша подруга?

– Она сказала вам, что учится на бухгалтера. Может, приналась и в том, что работает в нашем киоске, я не знаю таких подробностей.

– Алиса?.. Пойдите... Ну да, у меня была одна знакомая с таким именем... Но почему вы о ней спрашиваете?

– Она – моя подруга!

– И что?

– А то, что вы изнасиловали ее.

– Я? – Георгий хриловато и как-то нехорошо рассмеялся. – Что вы такое говорите?! Значит, поэтому вы и отошли в сторону, чтобы переговорить по телефону с вашей подругой и рассказать ей о том, что я здесь? Да-да, я припоминаю... Алиса. Светленькая такая, красивая девочка. Обманщица, каких свет не видывал! То она учится на экономиста, то на бухгалтера, то работает по вечерам в киоске... И она

рассказала тебе, что я ее изнасиловал?

Тамару резануло по ушам это неожиданное «ты». Георгий, еще недавно поразивший ее своей галантностью, сейчас производил впечатление грубого и даже опасного человека. Лицо его покраснело, вокруг рта образовались унылые складки, а губы стали тонкими, как нитки. Сам же он словно вытянулся и теперь смотрел на Тамару сверху вниз уничтожающим, сильным взглядом.

– Что, снова спектакль?

– В смысле? – пролепетала Тамара, чувствуя себя необыкновенно слабой, беспомощной. Она приготовилась даже к тому, что ее сейчас ударят по лицу. И это при том, что сама-то она ни в чем не виновата, ей просто хотелось вывести подлеца на чистую воду. Она даже забыла на секунду, что Логинов включил Георгия в список подозреваемых, что этот парень может оказаться убийцей! Сейчас главным для нее было напомнить Георгию о том, что он сотворил с Алисой в темном подъезде. – О каком спектакле ты говоришь?

Она тоже перешла от отчужденного нейтрального обращения на бесцеремонное «ты» – почему бы и нет?

– Да о таком, какой вы, бабы, научились разыгрывать перед мужиками... – Георгий менялся ежесекундно, его образ разрушался прямо на глазах! – Можешь передать своей подруге, что она – полная дура и что мы все это уже проходили! Больше того, ее могут за это даже посадить, понятно?

Он заглянул в Тамарины глаза тяжелым, убийственным взглядом, словно желая пронзить ее насквозь.

– За что посадить?

– За ложный донос, вот за что, понятно? Одна пару месяцев тому назад накатала заявление об изнасиловании, теперь и вторая нарисовалась... Что, денег захотелось? Бизнес решили наладить?

– Хочешь сказать, урод, что ничего такого не было и ты не насиловал Алису в подъезде после того, как накормил ее ужином в ресторане? Алиса не могла солгать мне, она не такая! Она так переживала после этого... А еще... еще... Она забеременела, вот! А ты... Ты... Какая же ты сволочь!

– Ты еще скажи, что она беременна от меня!

– И скажу! У нее в тот период никого, кроме тебя, не было. Она сказала, что ты обещал на ней жениться. Но потом поступил с ней вот так... подло... низко, гадко! Затащил ее в подъезд и изнасиловал! Кобель несчастный!

– А ты, собственно, кто такая? Ее адвокат? Пришла специально сюда, чтобы разыскать меня и сообщить мне о том, что я скоро стану папашей? Да знаешь, сколько мне таких заявлений делали? Только все это – полная чушь! И вообще я не намерен с тобой и дальше разговаривать.

– Она была беременна от тебя... – Тамара уже не соображала, что говорит. Слепленная желанием причинить обиду Алисе боль, она была уже прямо наотмашь, сочиняя на ходу: – А еще... еще она написала заявление об изнасило-

вании. Понятно? Умные люди ей посоветовали. Больше того, нашлись даже свидетели, понятно тебе, придурок?!

– Там не было никаких свидетелей, мы в подъезде были одни.

– А жильцы дома?

– Решили меня запугать? Валяйте! Только она уже ничего не докажет. И вообще, некогда мне с тобой тут... Вы обе – дуры, понятно? Так и передай своей подружке. Ненавижу вас, баб!

– Она умерла! – вдруг выкрикнула Тамара глухим, царапающим горло шепотом, чтобы ее услышал только удалявшийся от нее взбешенный Георгий. – Ее убили! И если это сделал ты, то ответишь за это, скотина!

Георгий остановился, медленно повернулся к ней и посмотрел на Тому с полнейшим недоумением.

– Да, да! И скоро здесь будет следователь прокуратуры, который хочет допросить тебя. Если ты невиновен, то ты сейчас не уйдешь, понятно? Ты дождешься его здесь, следователь обещал быть с минуты на минуту. Если же ты попытаешься уйти, значит, это ты, ты и убил Алису! И уж в этом случае я молчать не стану, расскажу все, что знаю о ваших с Алисой отношениях, понятно? Лучше стой на месте и не шевелись!

Георгий не ушел. Он стоял напротив Тамары, и чувствовалось, что он никак не может прийти в себя.

– Алису убили?..

– Да, убили! Вчера! И следователь думает, что это – ты. И знаешь почему? Потому что ты изнасиловал Алису, она сделала от тебя аборт, и потом кое-кто научил ее, что надо написать заявление об изнасиловании. Думаю, она нашла тебя и рассказала о своих планах, поэтому-то ты ее и убил!

– Алису убили? Но кто? – Он спрашивал так, словно и не слышал ее последней тирады. – За что? Вот черт! Ты, наверное, за этим сюда и явилась, чтобы выяснить, не я ли это сделал?

Его лицо внезапно стало грустным и каким-то необычайно нежным.

– Давай-ка отойдем куда-нибудь, здесь неподалеку есть кафе. Там ты мне все и расскажешь.

– Щас! Говорю же, через пять минут здесь будет Игорь Валентинович Логинов. Уж он-то поговорит с тобой! Ты попал, парень, понятно?!

Заканчивая эту фразу, Тамара уже откуда-то знала, что Георгий не убивал Алису. Возможно, он уже убил ее – морально, – втолкнув в темный подъезд и надругавшись над нею. Возможно – когда она поняла, что он не только не собирается жениться на ней, но и вообще относится к ней как к последней шлюхе. Но физически, гантелью в висок, он ее, конечно же, не убивал. Он разбивал сердца, но не головы, ломал судьбы, но не шеи своим молоденьким жертвам.

– Но я не убивал! Зачем мне встречаться со следователем? Это ты все подстроила? Это ты рассказала ему про нас

с Алисой?!

Вот теперь он стал предельно серьезен. И разговаривал с ней уже без иронии, как с равной.

– Может, я и был с ней грубоват, – вдруг признался он. – Но это не от желания унижить, как это ей могло показаться... Это другое, это мужское, и вам, женщинам, это трудно понять. Назовите это страстью, думаю, это самое верное определение.

– Пусть так, но почему ты бросил ее? Наобещал с три короба – и бросил!

– Так бывает... Люди расстаются.

– Тогда зачем обещал жениться?

– Послушай, что ты сказала о следователе? Он действительно должен прийти сюда? На танцы?

– Струсил, гад?

– Алису убили... В голове не укладывается! Такая хрупкая, нежная... Как ее убили?

– Ее нашли в квартире одного мужика, соседа, с проломленной головой. Вся милиция поднята на ноги, – она не могла удержаться, чтобы сгустить краски. – Мужик-то тот, сосед ее, – известный в городе коллекционер! Его тоже убили... Вот и получается: либо убийца пришел, чтобы убить коллекционера этого, а Алису – заодно прикончил, как свидетеля. Либо, наоборот, пришли убить Алису, а Караваева грохнули случайно, тоже как свидетеля.

– Это ты позвонила следователю и сказала, что я здесь?

– А ты как думал?

– Специально за елками пряталась, когда звонила?

– Да! Алису убили, вот я и подумала – кому она могла помешать? Тебя, отморозка, вспомнила.

– А ты могла бы позвонить ему и сказать, что обозналась, это, мол, не я? Что ты перепутала?

– Интересно, как я могу ему это сказать, раз прошло так много времени и он уже, наверное, едет? Я что, идиотка, чтобы так подставляться?

– Ну что тебе стоит позвонить ему? Ты пойми, меня же могут задержать. Посадят в камеру предварительного заключения со всякими отморозками! Отобьют мне в этой камере все почки, изуродуют лицо... Причем просто так, не разобравшись. Не бери грех на душу. Я не убивал Алису! Бросил – это да. Я же узнал ее, понял, что она – продавщица из киоска, ее весь город знает, а она мне врала, да еще прямо в глаза. Сочиняла, придумывала себе несуществующую биографию. Разве можно начинать совместную жизнь с вранья? Так ты позвонишь?

– Я не знаю...

Никогда еще Томке не было так плохо. Так тяжело.

– Прошу тебя, по-человечески... Ведь я-то знаю, что никого не убивал, да и ты, думаю, тоже это поняла. Да даже если бы она и написала заявление, что с того? На меня это не произвело бы никакого впечатления. Это было давно и неправда. И, главное, нет никаких доказательств. Тамара...

я тебя прошу, очень! Позвони, скажи, что ты обозналась.

Тамара видела фильмы, где невиновных избивают в камере, и живо представила себе, что сделают с красивым и холерным парнем в камере предварительного заключения. И виновна в этом будет она, только она, ведь ясно же теперь, что он никого не убивал...

Она тотчас достала телефон и позвонила Логинову.

– Игорь Валентинович? Это я, Тамара... Знаете, я обозналась. Это не он. Я стояла совсем близко и рассмотрела его. Нет, это не он. Да и вообще, тот Георгий был намного старше... Уж извините меня, пожалуйста, за то, что потревожила вас.

Сказала, услышала в ответ что-то неопределенное и сразу же отключила телефон. Стояла красная, вспотевшая от волнения, осознавая, что еще немного – и она рухнет без чувств. Хотелось побыстрее покинуть этот парк и вернуться к себе домой, в уютную и тихую квартиру. И все забыть. *Кроме Алисы.*

– Спасибо, – она почувствовала, как Георгий нашел ее руку и крепко сжал. – Если ты не против, мы можем вместе поужинать...

Тамара с виноватым видом взглянула на небо, с которого исчезли все звезды, и мысленно попросила прощения у Алисы.

«Это не он, – обратилась она мысленно к ней, – слышишь? Это не он. И кому, как не тебе, это знать...»



«Бык рванулся, кинулся, но вместо яркого плаща перед ним очутилась белая лошадь, и пикадор, далеко перегнувшись через голову лошади, всадил стальной наконечник длинной палки из орехового дерева в бугор мышц между лопатками быка и, опираясь на нее, медленно повернул лошадь, так что стальное острие вошло глубже и кровь показалась на спине быка...»

«— Доброе утро, Люда. Спасибо за твой вчерашний звонок, он сильно поднял мне настроение, хотя о каком уж настроении можно сейчас говорить? Сама понимаешь, в каком я нахожусь положении. Знаешь, мне вдруг подумалось: а не я ли виновна в смерти Алисы?.. Смотри! Если бы я не предложила ей учиться и изменить свою жизнь, если бы не дала ей денег, то и работала бы она дальше в своем пивном ларьке. И времени на разные глупости с Денисом Евгеньевичем у нее бы не оставалось.

Да я понимаю, что нельзя себя винить и все такое. Смотрю же передачи по психологии, там много полезного говорят. Но чувство вины все равно есть. Ох, Люда, как же тяжело... Что? А... Рада, что Валечка твоя начала интересоваться музыкой, что вы наняли ей учителя. А как Лена?.. Хорошо. Нет, я на самом деле рада. Какая у вас пого-

да? Жара? Понятно. У нас тоже жарко, но вечерами меня бьет озноб и призраки мерещатся. Или вдруг кажется, что в дверь кто-то звонит, я вскакиваю, на цыпочках подхожу к двери, смотрю в глазок, а там – никого. Никого, Люда! Алиса умерла...»

2010 г.

Игорь глазам своим не поверил, увидев, как нарядно одетая Тамара уходит под ручку с высоким парнем, скорее всего, как раз с тем самым Георгием. Он приблизительно четверть часа наблюдал за нею, спрятавшись за деревьями и пытаясь понять, о чем они говорят. Судя по выражению лица Георгия, сказанные Тамарой слова взволновали его, иначе он не пытался бы ее уговаривать. Будь это совершенно другой человек, не имевший отношения к Алисе, он повел бы себя по-другому. И уж точно не стал бы оправдываться, как это было видно по его эмоциональному состоянию. Просто бы пожал плечами и сказал, что девушка обозналась. Получается, что Тамара дала отбой Игорю, солгав, что она обозналась, исключительно по просьбе Георгия? Что такого он мог ей сказать, чем аргументировал свою непричастность к смерти Алисы? Неужели она, судя по всему, одинокая молодая женщина, купилась на его внешность и почувствовала перспективу дальнейших отношений? Или же он банально пообещал ей денег?

В любом случае Игорю ничего не оставалось, как принять этот факт и дожидаться более удобного момента, чтобы встретиться с Георгием. Но, с другой стороны, если предположить, что Георгий – убийца Алисы, причем явно неплохой психолог, да к тому же еще и понявший, что его подозрева-

ют, то Тамаре может грозить реальная опасность!

И тогда он решил ей позвонить.

– Тамара, это Логинов. Я не знаю, что он вам наговорил (а я видел, как вы долго разговаривали и как он вас в чем-то убеждал, поскольку стоял в двух шагах от вас), но если это он убил вашу подругу, то и вам тоже грозит опасность. Постарайтесь отлучиться, скажите, что вам надо в туалет, а остальное сделаю я...

– Хорошо, Виктор Сергеевич, я постараюсь выйти завтра на работу, – ответила она, чем вызвала искреннее восхищение Логинова. Умница, подумал он, умница, все понимает, значит, все-таки боится его, чувствует что-то неладное!

Через какое-то время, когда парочка, смешавшись с толпой, вскоре появилась неподалеку от детской площадки, за которой стоял маленький выбеленный домик-туалет, Логинов весь напрягся. Он увидел, как Тамара что-то сказала своему спутнику, тот кивнул головой, соглашаясь, после чего она пошла по узкой тропинке в туалет, а Логинов, выйдя неожиданно для Георгия из своего укрытия, схватил его за руку и ловким движением надел на него наручники.

– Сука, – процедил Георгий сквозь зубы. – Все бабы – суки!

– Если будете себя спокойно вести, мы выйдем из парка через западные ворота и никто не увидит вас в наручниках. Здесь темно.

Георгий кивнул головой и как-то расслабился, обмяк, по-

няв, что сбежать все равно не удастся.

Возле выхода из парка, напротив темной громады журналистского центра, где размещались все городские издания, на узкой улочке был припаркован «Мерседес» Игоря. Усадив Георгия на заднее сиденье, он вызвал милицию. Через полчаса он уже допрашивал парня в своем кабинете в прокуратуре.

Однако допрос ничего не дал. Георгий, напуганный, заикающийся, рассказал в подробностях о том, как он познакомился с Алисой, как встречался с ней, признался в том, что он никогда не собирался на ней жениться и для него это была обыкновенная, ни к чему не обязывающая связь. На вопрос Логинова, насиловал ли он ее в подъезде, Георгий сказал, что он вступал с ней в половую связь только по ее согласию, в этом подъезде они бывали несколько раз и сама Алиса признавалась ему в том, что это темное жутковатое место ее заводит.

В общем, Георгий Банников производил впечатление самовлюбленного молодого мужчины, любителя женщин, эгоистичного, лживого и трусливого. Он умело пользовался своими внешними данными, чтобы обольщать женщин, но, в отличие от других ловеласов, с которыми Логинову приходилось встречаться, он относился к женщинам с величайшим презрением, а потому никогда не упускал случая унижить их.

Вероятно, именно это он и продемонстрировал Алисе, де-

вушке, успевшей влюбиться в него и поверившей в его намерение жениться.

– Скажите, когда вы насильовали Алису в подъезде...

– Я же говорю вам, что не насильовал!

– ...Я продолжаю. Итак. Когда вы изнасилвали Алису в подъезде, вы не боялись последствий? Что она обратится в милицию? Напишет заявление, и вас привлекут к ответственности? Я понимаю, прошло много времени, Алисы уже нет в живых, а потому вы ничего как будто и не боитесь... Но в тот момент, когда все это случилось? Почему вы были уверены, что она будет молчать?

Но этот вопрос Георгий оставил без ответа. Хотя Игорь и так все понял. Георгий успел достаточно хорошо изучить свою молоденькую любовницу и был уверен в том, что она никогда в жизни не подаст на него в суд. Вероятно, он специально выбирал себе таких безвольных, простых и слабых духом девушек, заранее просчитывая варианты их поведения. И только с ними он мог позволить себе все то, что позволил в отношении Алисы. Скорее всего, когда он все же созреет для женитьбы, он и жену себе выберет из таких, как Алиса, и станет для несчастной настоящим домашним тираном. Будет грубить жене, заставляя ее отчитываться за каждый потраченный рубль, капризничать по поводу еды, придираяться к каждой мелочи, всякий раз демонстрировать свое право на свободу, заявляться домой тогда, когда ему заблагорассудится. Все деньги будут всегда у него на руках, и все решения

также будут приниматься им, единолично. Он мерзавец, конечно, но не убийца. И это, вероятно, почувствовала Тамара, несколько минут поговорив с ним. Поняла, что он трус, не способный на такой поступок. К тому же если человек такого типа и мог бы случайно кого-то убить, оттолкнуть, скажем, от себя, после чего жертва ударится головой и погибнет от этого удара; или, к примеру, элементарно не оказать вовремя помощь (спасти человека на воде, дать необходимую таблетку); или – что тоже маловероятно – столкнуть жертву с подоконника и отправить ее в свободный полет... но в данном-то случае речь идет о двойном убийстве, причем убийстве в прямом смысле этого слова. Ведь преступник ударил обе свои жертвы гантелями по голове. Кроме того, существует масса доказательств тому, что убийство это было все-таки спланировано заранее. Тем более что в квартиру Караваева убийца проник под видом его хорошего знакомого, близкого друга, доверенного лица. Поскольку такие люди, как коллекционер Караваев, очень осторожны и никогда не впустят в дом постороннего.

На вопрос, где он находился в ночь убийства с десяти до двенадцати ночи, Георгий сказал, что был дома, но не один, а с девушкой по имени Маша. И он, мол, готов ее разыскать, чтобы она подтвердила его алиби. Искушение поддержать этого бабника в камере предварительного заключения подольше было велико, однако Игорь заставил себя быть объективным, а потому отпустил Георгия, предварительно

взяв с него подписку о невыезде.

Выйдя из прокуратуры, Игорь с некоторым опозданием отметил, что на город опустилась прохлада и, возможно, следующий день обещает быть не таким жарким, как все предыдущие. Вдохнув побольше воздуха, он медленно спустился с крыльца, размышляя над тем, правильно ли он сделал, отпустив Банникова домой. Перед глазами все еще стояло его бледное, с испуганными глазами, лицо. Отсутствие алиби – вот что смутило Игоря. Будь он настоящим убийцей, вряд ли он, запланировав избавиться от Алисы, не позаботился бы об этом. Наверняка придумал бы что-нибудь более убедительное, чем какая-то девушка Маша. Даже если предположить, что парень рассчитывал на ее показания в его пользу, то уж сразу назвал бы ее адрес, фамилию и всячески бы поспособствовал тому, чтобы следователь мог поскорее ее допросить. Однако Георгий на самом деле выглядел растерянным, явно не подготовленным к такого рода проверкам человеком.

Оглянувшись на прошедший день, Игорь с досадой отметил, что многое из того, что он планировал еще с вчерашней ночи, сделать не удалось. Так, не смогла прийти на встречу, отзвонилась-извинилась, Василиса Иванова, бывшая любовница Караваева. Сказала, что у нее разболелся зуб и ей, мол, пришлось удалять нерв. Из-за нее Логинов не поехал в Оренбург, чтобы встретиться там с родным братом Караваева, Ва-

силием. Ему удалось только еще раз увидаться с Антониной Петровной и задать ей ряд вопросов, связанных с отношениями Алисы и Караваева. Но и здесь Логинов не услышал ничего нового. Женщина постоянно твердила, что близких отношений между Караваевым и Алисой не было, девушка в свое время обожглась, сделала аборт от одного проходимца и страшно боялась повторить свою прежнюю ошибку. И тогда Логинов спросил ее о личной жизни Караваева до встречи с Алисой.

– Это вам наплел кто-то... Ну, конечно, у него бывали женщины, и я сама вам говорила об этом. Но ничего серьезного. Иначе он бы давно женился.

– Вы знали кого-нибудь конкретно?

– Была у него одна навязчивая дама по имени Василиса. Та еще штучка, – Антонина Петровна брезгливо поморщилась и щелкнула большим и указательным пальцами правой руки по невидимому предмету, словно отстреливая его подальше от себя, как и образ неприятной ей Василисы. – Хорошо, я расскажу. Она – женщина, безусловно, интересная. С пышными формами, высокая, яркая, всегда прекрасно одевалась и знала, что нравится мужчинам. Если вы меня спросите, чем она занималась, как зарабатывала на жизнь, то ни я, ни кто-либо другой не ответят вам на этот, казалось бы, простой вопрос. Так, крутила хвостом в среде богатых людей. И с писателями общалась, и с художниками, то есть была своим человеком в городской богеме, но и ад-

вокатами не гнушалась, чиновниками разными. Уж не знаю, как ей это удавалось, но она открывала двери любого учреждения в городе просто, как говорится, ногой. Вы понимаете меня? И, что самое удивительное, она никогда и никого этим не раздражала. Разве что меня. Нет, может, она и хорошая была женщина...

– Антонина Петровна, уж извините, что я перебиваю вас. Скажите, почему вы говорите о ней в прошедшем времени?

– Да потому, что она для меня осталась как бы в прошлом, понимаете? Сначала ходила сюда часто, оставалась на ночь, даже готовила для Дениса пельмени. Знала, что он их любит, приходила со своим фаршем, приглашала каких-то своих знакомых. А ему это надо? Она никак не могла понять, что он – человек не общественный, привык жить один, и большое количество людей в его квартире ему мешает, раздражает его.

– Он сам говорил вам об этом?

– Конечно, говорил! «Я и Василису понимаю, – рассказывал он, – она – человек, который не может жить спокойно, ей просто нужно, чтобы ее окружали интересные люди, целая толпа. Но я-то привык жить один! К тому же я не люблю, когда гости вламываются ко мне поздно ночью, будят меня, заставляют, сонного, в пижаме или в халате, готовить им какие-то закуски, смеяться вместе с ними, слушать их истории, анекдоты...» И все в таком роде!

– Он любил Василису?

– Думаю, любил, иначе никогда бы не приблизил ее к себе, уж поверьте мне! Но мне всегда казалось, что он любил ее, как красивую, чуть ли не антикварную вещь. За ее красоту, за ее породистость, что ли.

– Как и из-за чего они расстались?

– Все очень глупо вышло. Понимаете, она всегда производила впечатление богатой женщины. Где она работала, я так и не поняла. Вроде бы в каком-то фонде. Писала какие-то европейские программы, занималась отстающими детьми, устраивала выставки их работ, собирала средства для больных детей. Так вот, к слову, о богатстве. Я уже говорила, что она прекрасно одевалась. Да и украшения на ней всегда были дорогие, роскошные.

– Вы так часто ее видели, успели все это рассмотреть?

– Не часто, конечно, но любопытство заставляло меня заглядывать к Денису именно тогда, когда я точно знала, что она у него, только что пришла. Вроде я за солью пришла или за луковицей. Вот стою я рядом с ней – и дышу одним с ней воздухом, чувствую аромат ее духов, вижу каждую складку на ее платье или костюме. Еще она носила огромные модные шали, шарфы. Все яркое, с кистями. Поймите меня верно – я же одна живу, мало с кем общаюсь. Только с Денисом и Алисой дружила. Но они же целыми днями на работе, а вечерами отдыхают, занимаются своими домашними делами.

– Антонина Петровна, так из-за чего же Караваев и Васи-

лиса расстались? Поссорились?

– Из-за перстня. Очень красивого, дорогого. Денис купил этот перстень в Москве у одного своего знакомого, думаю, хотел его здесь перепродать одной даме, просто помешанной на Средневековье.

– На Средневековье? Разве нынче можно достать и такие перстни?

– Да в том-то все и дело! Это перстень королевы Теодоры, какой-то европейской властительницы, ее похоронили в одном из монастырей на юге Сербии. Сами понимаете, Средневековье – это вам не семнадцатый век, Франция, поэтому и перстень был грубоватым, хотя и золотым. На нем был изображен двуглавый орел, а птицу обвивала по кругу надпись... Дайте-ка вспомню... Кажется, так: «Кто мной владеет, тому поможет Бог». Или что-то в этом духе. Словом, этот перстень предназначался, как я говорю, для одной здешней дамы, очень богатой, из театральных кругов. Собственно говоря, ее богатство нажито, естественно, не на театральной зарплате, а бизнесом ее мужа, но ведь это сейчас неважно, верно? Так вот. Когда Василиса увидела этот перстень и, главное, услышала, кому он предназначается, то захотела его получить. До смерти захотела! Просто спала и видела этот перстень. Мне Денис сам рассказывал, как она донимала его, чтобы он подарил его ей. Причем действовала она весьма грубо, давила на него, не говоря уже о том, что оболыщала Караваева, пыталась «отработать», так сказать, этот перстень

через постель. Думаю, это и отвратило Дениса от нее. Перстень он ей, конечно, не подарил. У него была твердая договоренность с актрисой, и она знала, что он уже вернулся – с перстнем. Словом, Василиса, узнав, что перстень ушел из-под ее носа, устроила Денису грандиозный скандал, обзывала его разными нехорошими словами. Уж извините, но я все слышала, пусть даже и подслушивала. Мы, старики, только и живем подслушиванием и подсматриванием чужих жизней. Она ушла, громко хлопнув дверью. Дверь-то металлическая, прогремела на весь подъезд! Но не думаю, что Денис очень уж сильно огорчился из-за того, что Василиса покинула его. А может, он даже и вздохнул с облегчением. Все-таки ему нужна была другая женщина, более кроткая, что ли, и не такая «общественная», как Василиса.

– Если бы она к нему вернулась, позвонила в дверь, он открыл бы? Как вы считаете?

– Безусловно. Даже и говорить нечего! Он же был вежливым, воспитанным человеком, с хорошими манерами. Вы думаете... это она могла его грохнуть гантелями по голове?!

...Игорь открыл дверь своей квартиры, вошел, бросил портфель с бумагами в глубокое кресло в гостиной, разделся в спальне и встал под душ. Прохладная вода смывала все тяжелые мысли, сомнения и даже раздражение. Он успокаивался, очищался телом и душой. Но все равно: закутавшись в толстый махровый халат и устроившись в кресле перед те-

левизором, он понял, что это успокоение было лишь временным. Он никак не мог избавиться от чувства, что впустую потратил целые сутки, так и не добившись никакого, сколько-нибудь ощутимого, результата.

В квартире было тихо, так тихо, что ломило в ушах. Казалось, даже город за распахнутым окном притих, заснул. Игорь знал, что на голодный желудок он точно не уснет, а сил на то, чтобы приготовить себе что-нибудь, уже не осталось. И даже не физических сил, а каких-то внутренних, какие заставляют человека вообще желать чего-то. В такие минуты ему всегда хотелось увидеть Наташу. Но как выудить ее из того водоворота ярких захватывающих событий, в которых она чувствовала себя как рыба в воде и без которых, как ему казалось, уже не могла существовать, – он не знал. Любовь, конечно, сильное чувство, и оно когда-то было взаимным, сейчас же, когда его милая, нежная девочка оказалась втянута в сложные игры сильных мира сего, он не находил в себе сил вытащить ее оттуда или хотя бы предложить не менее захватывающую и наполненную эмоциями жизнь. То, чем она занималась, стало походить на наркотик, и он это отлично понимал. И осуждать ее – нет, не осуждал, но и повлиять как-то на ход событий уже не мог. Хотя мог, конечно, ей позвонить. Для этого нужно было только взять в руки телефон. Но он боялся услышать ее голос, доносящийся с другого конца света. «Я в Мадриде...», «Извини, у меня через пять минут вылет в Лос-Анджелес...», «Мы в Лондоне,

я сопровождаю человека, у него топографический маразм, он боится заблудиться, к тому же он ни слова не понимает по-русски, а мне же надо как-то с ним работать...»

Она разговаривала с Игорем Логиновым, как с близким человеком, которого не боялась потерять. Которому всецело доверяла, который (она была в этом абсолютно уверена) понимал ее с полуслова и все прощал заранее, на много лет вперед. Наделенная удивительным даром, она словно стала его заложницей и принесла ему в жертву их любовь...

Игорь все-таки позвонил ей.

– А, ты? Привет... Только сейчас о тебе думала. Ты как? Где? – услышал он ее близкий и нежный голос, который всегда заставлял его волноваться. – Почему ты молчишь?

– Я дома, а ты? – Он затаил дыхание, замер, пытаясь услышать ее дыхание в трубке.

– Я тоже дома. Уже три дня. Отсыпаюсь. Этот месяц был таким тяжелым!

– Может, встретимся? Поужинаем? – Он предложил это, нисколько не надеясь на согласие. И не помнил даже, когда они были вместе – сидели напротив друг друга и разговаривали, глядя в глаза друг друга.

– Отличное предложение! А я как раз лежу перед телевизором и думаю, чем бы мне перекусить...

Он почувствовал, как она улыбается. И по телу его прошла волшебная жаркая волна желания. Он ушам своим не верил – неужели он сейчас увидит Наташу, свою ласточку?

ку, свою самую милую девочку на свете?! Свое сокровище, свою боль?

– Я заеду за тобой? – Ему было стыдно за свой неуверенный тон. Но что поделаться, раз он до сих пор находится в зависимости от нее? И как быть, если за последние пару лет, что они практически не видятся – по не зависящим от них обоим обстоятельствам, – он так и не нашел ей замену? Да и вообще, разве можно найти замену любви?

– Заезжай, я буду готова через полчаса.

... Через полчаса он уже сидел в машине, «запакованный» в новый темный костюм и белую сорочку, глядя задумчиво на переливающиеся по сторонам дороги освещенные витрины магазинов, любуясь ровной жемчужной россыпью фонарей и представляя себе встречу.

Они познакомились в Ялте, жили у хозяйки маленького домика, пили чай в тени персиковых деревьев, болтали о том о сем, целовались, словом, крутили самый настоящий курортный роман, и неизвестно, чем бы все это тогда закончилось, если бы в эту пропитанную солнцем и запахом моря жизнь не ворвался Раф, человек, который, как казалось Игорю, имел куда больше прав на Наташу, чем какой-то там отдыхающий. Раф приехал за ней и увез ее с собой. Раф. Казалось бы, все понятно – она несвободна, у нее есть молодой человек. Однако судьба распорядилась по-своему. И через два года после Ялты им суждено было встретиться на роди-

не, да еще при таких интересных обстоятельствах. В Саратове... Выяснилось, что она – учительница музыки его родного племянника! Вот так они увиделись уже среди других декораций, в иных жизненных условиях. И тогда-то Игорь совершенно случайно узнал, чем напугана Наталия Орехова, что ее беспокоит и чем она живет... Но это было в другой жизни. И тогда им обоим все это казалось невероятным, прекрасным и одновременно чрезвычайно опасным, даже страшным. Сейчас же это стало ее профессией.

Она открыла дверь. Никакого вечернего платья. Узкие брюки, черная блузка, не успевшие еще высохнуть длинные русые волосы, еще пахнувшие шампунем, слегка подкрашенные ресницы и губы. Лицо выпавшейся, хорошо отдохнувшей молодой женщины.

– Игорь, боже, как я по тебе соскучилась! – Она оказалась в его объятиях. Они поцеловались, быстро, смазанно, как начинающие актеры, репетирующие любовную сцену. – Ну, что, пойдём?

Она даже не пригласила его зайти. А ведь когда-то они жили вместе, как муж с женой. И он принял ее такой, какой она была и есть – девушку-экстрасенса. А он – мужчина-прокурор. Такие разные, они сначала долго притирались друг к другу, изучали друг друга, любили друг друга. Ради Логинова она бросила своего приятеля – Рафа... Но это отдельная история. Главное, что он принял ее – с ее

пониманием жизни, с ее желаниями. «Понимаешь, наверное, мне просто необходимо жить двойной жизнью. Мне мало одной. Но только одна из жизней должна быть полна событиями, а другая – полная ее противоположность. После всех этих видений, а тем более действий, с ними связанных, мне доставляет огромное удовольствие ощущать себя в полной безопасности, находясь в школе и глядя в глаза своим ученикам. Это такой разительный контраст...» Вот так она объясняла свое желание заниматься тем, что давал ей ее талант.

Дар же открылся в ней примерно за год до их встречи в музыкальной школе, стало быть, через год после их знакомства в Ялте, и случилось это, когда из учительской музыкальной школы, где она работала, кто-то украл раритетный альбом с прелюдиями Шопена – редкое издание, над которым так тряслась завуч школы, Елизавета Максимовна Бланш. Она чуть не умерла от горя, обнаружив пропажу. Вся школа недоумевала по поводу того, кто бы это мог сделать. Дело в том, что альбом пропал как раз в тот момент, когда в школе, кроме самой Елизаветы Максимовны и трех преподавательниц, никого не было. Двери внизу, на первом этаже, были заперты: в учительской отмечали день рождения руководительницы хора. Требовалось просто вычислить, кто из присутствовавших на этом застолье – и когда именно – украл альбом. Наталия узнала об этом на следующий день.

Ей настолько жалко было Бланш, что она думала об этом все время: а дома вечером она села за рояль и начала играть что-то нервное, громкое и даже несколько неблагозвучное. Словно это играли и не ее руки. И тогда ей показалось, что она увидела учительскую: накрытый стол с коньяком, икрой и лимоном, и даже как будто услышала разговор за столом...

Она сидела с закрытыми глазами, и ей казалось, что она находится не у себя дома, за роялем, а где-то там, в музыкальной школе. Нечто, завернутое в черный целлофан, летит из окна прямо в снег. И там его подхватывает мужчина в светлом полушубке. Такой полушубок носит только один известный ей человек.

Наталия начала расследование и самостоятельно вывела вора на чистую воду. С этого все и началось. В определенные моменты ее жизни, когда Наташу волновала какая-то тема и она наигрывала на рояле или любом другом клавишном инструменте, ее посещали видения, связанные с интересующей ее темой. Или же, словно предвещая событие, она видела реальные сцены, связанные с совершенными в недалеком будущем преступлениями. Причем если сначала сам Логинов в душе посмеивался над этим ее даром, поскольку не верил ни в каких экстрасенсов (да и вообще, может, она никакой не экстрасенс, и тот дар, каким она обладает, пока еще не имеет своего определения), то потом, когда она рассказала о своих видениях начала помогать ему в расследовании

ях убийств, ему ничего иного не оставалось, как поверить в ее удивительные способности. Кроме этого, с Наташей порою случались совершенно потрясающие истории, связанные с увиденными ею сценами. Он хорошо помнил случай, когда она «увидела» горящую машину на обочине дороги. Оторвав пальцы от клавиш, она вдруг поняла, что вся комната, в которой она находилась, наполнилась запахом гари, и щеки ее запылали... Кажется, тогда она, приблизительно представляя, где могла произойти эта авария, села в машину и помчалась спасать людей. В другой раз, увидев в своем воображении сцену убийства, она прекратила играть на рояле – потому что на клавишах появились капли крови... А разве можно забыть историю, когда ей понадобилось записать на диктофон все, что говорилось в берлинском пивном баре, имевшее отношение к бриллиантам, спрятанным в старом разбитом пианино, принадлежавшем ранее господину Штраубе – преданному служителю Рейха, невидимой тени Гиммлера...

Интересно, чем занимается она сейчас? Какие тайны раскрывает за большие деньги? Где бывает? С кем общается? Следит ли за тем, чтобы о ней не узнали журналисты и не превратили бы ее жизнь в настоящий ад? Что будет, если они все-таки узнают?..

– Игорь, о чем ты задумался? – Наташа коснулась его руки, лежавшей на руле, и склонила голову на его плечо. – Знаешь, я так рада тебя видеть! Понимаю, что ты злишься на ме-

ня – ведь я не отвечаю на твои звонки, уделяю тебе слишком мало времени, но как-то так все складывается... Можешь мне, конечно, не верить, но у меня никого нет. И не потому, что я так уж занята и у меня совершенно нет времени на личную жизнь, нет, ты сам все прекрасно понимаешь. Я не представляю себе никого, кроме тебя, рядом с собой. Поверь! Может, тебе покажется глупым, что я говорю о нас с тобой, но я по-прежнему люблю тебя...

У нее был тон смущенной девчонки! Логинов почувствовал это, и от этого на душе у него стало как-то спокойнее, благоднее.

– У меня тоже никого нет. Но это же ненормально. Я тоже люблю тебя, но я – здесь, живу и работаю, а ты... Я не знаю, где ты, как ты...

– У меня работа такая, ты же знаешь. Меня приглашают – и я еду, выполняю свою работу и получаю за это деньги. Знаешь, иногда мне кажется, что я созрела для того, чтобы написать книгу. И я бы начала ее писать, если бы не понимала, насколько это опасно. Ведь то, чем я занимаюсь, связано напрямую с чужими тайнами, а потому я не имею права их раскрывать. Даже если назову вымышленные имена. Все равно все будет слишком уж узнаваемо. Я не могу так поступить с людьми, доверившимися мне. Но, боже, сколько интереснейших историй проходит перед моими глазами! Судьбы людей причудливы, как узоры на коврах... Это, правда, не мое выражение. Это мне сказал один араб... Конечно, он гово-

рил по-английски, а я не очень-то сильна в нем. И вообще, мне языки не даются. Словно, подарив мне возможность наблюдать за чужой жизнью, Бог лишил меня других способностей. А может, тот факт, что мы с тобою не вместе, – расплата за то, чем я занимаюсь?

– Ты жалеешь о том, что мы расстались?

– Не говори так. Мы не расставались. Говорю тебе – это просто стечение обстоятельств.

– Хорошо. Пусть будет так. Все, мы приехали. Неплохой ресторан, восточная кухня. Не знаю, как ты, но я голоден. И готов съесть даже тебя!

Заведение называлось «Али-Баба». Сверкающая (белая с голубым и оранжевым) мозаика, голубые купола на фасаде этого дорогого, с колоннами и широким крыльцом, ресторана. Игорь помог своей спутнице выйти из машины. Они вместе вошли в просторный холл, украшенный цветущими растениями в кадках. Их встретил метрдотель, одетый в восточный халат, с тюрбаном на голове.

– Я вспомнила: мы здесь были последний раз как-то зимой. Было ужасно холодно, мы замерзли и заказали молочный суп с тыквой и жаркое с айвой!

Они сели друг напротив друга, и Игорь в который уже раз поблагодарил себя за то, что позвонил сегодня Наталии. После совершенно бестолкового дня вечер, как он был уверен, удался.

– Если хочешь, и сегодня закажем то же самое.

– Нет-нет, сейчас же лето. К тому же, ты знаешь, я люблю разнообразие.

И она принялась листать меню. Спустя пару минут она заказала лагман, блины по-джизакски и компот из дыни. Игорь выбрал вино.

– Знаешь, у тебя очень усталый вид. Ты не любишь говорить на эту тему, но если ты не побережешь себя, то кто тебя побережет? Будь я твоей женой, я бы следила за тобой, готовила бы тебе, даже научилась бы делать массаж, потому что не хочу, чтобы какая-нибудь девица прикасалась к тебе...

– Я давно предлагал тебе переехать ко мне, – Логинов пожал плечами. – Ты сама сделала выбор. Предпочла свободу.

– Да, это так. А разве я не права? Разве могла бы я остаться свободной, живя с тобой? Игорь, ты такой же собственник, как и все мужчины. Пойми, я очень дорожила – и дорожу – нашими отношениями, и мне бы не хотелось опускаться до унижительных разбирательств, связанных с твоей ревностью. А поэтому, – и Наташа положила руку на его ладонь и крепко сжала ее, – пусть все остается, как есть.

Глаза ее блестели, она жадно всматривалась в его глаза, словно пытаясь найти в них отражение своих чувств или заглянуть в прошлое.

– Что скажешь?

– Только то, что я тоже не могу бросить свою работу и ездить по миру с тобой в качестве няньки.

– Жесткий ответ, – она даже погрустнела. – Но мне не нужны няньки. Мне – элементарно – нужен рядом близкий человек, который оберегал бы меня, с которым я чувствовала бы себя спокойно, поскольку этого требует моя работа. А я подчас не могу сосредоточиться потому, что мне просто страшно. Сижу, к примеру, в комнате чужого дома, в чужой стране, и меня окружают чужие люди, которые могут сделать со мной все, что угодно. Я постоянно думаю об этом. Ведь многие из моих клиентов – люди состоятельные, их окружает охрана, свита, назови как хочешь... Но... Если меня убьют – меня никто никогда не найдет.

– Наташа, что ты такое говоришь? Ты действительно испытываешь страх, когда едешь на встречу с клиентом? Но тогда почему же ты не наймешь охрану для себя?

– Не хочу. К тому же я не могу показывать, что я чего-то боюсь. Я для большинства из тех, кто меня приглашает, – нечто вроде волшебницы, которая все знает и все может. И они обращаются ко мне, как правило, в тяжелые минуты своей жизни, желая либо узнать что-то важное для себя, либо просто что-то понять. Поначалу они слушают меня раскрыв рот и поражаются моим знаниям, которые я получаю из своих видений, однако потом, когда сеанс заканчивается и они, получив от меня все, что хотели, расплачиваются со мной, они не могут не понимать, что я слишком многое знаю из их жизни. Поэтому я не исключаю такой вариант: они подумывают о том, чтобы избавиться от меня, – иногда.

Однако пока что я жива, а это означает, что те рекомендации, которые мои клиенты получают от своих предшественников перед тем, как пригласить меня, чего-то да стоят, поэтому они постепенно успокаиваются и продолжают жить дальше.

Игорь, слушая ее, подумал: негоже ему лукавить с ней и делать вид – мол, он и не подозревает о том, что ее дела обстоят именно таким образом. Разве так уж трудно догадаться, насколько опасна ее работа? Другое дело, что он малодушничал, стараясь не думать об этом, испытывая одновременно боль и ревность от сознания, что он так и не смог удержать эту женщину при себе, упустил ее, по сути, потерял.

И вот теперь они сидели вдвоем, мысленно переносясь в свое прошлое, ностальгируя по утраченным чувствам, даже не зная, как себя вести. Однако ее рука, крепко сжимавшая его руку, все равно заставляла сердце Игоря биться быстрее, и кровь бежала по его жилам, возрождая желание.

И уже через некоторое время они лежали, обнявшись, в постели, в его тихой квартире, прислушиваясь к дыханию друг друга. И снова он любил ее так сильно, как тогда, когда они только познакомились и он считал, что она всецело принадлежит только ему.

Наташа ушла под утро, сказав, что ей надо хорошенько выспаться, с ним у нее это не получится, потому что он напоминает ей изголодавшегося зверя. Остановившись в дверях, такая худенькая, утомленная, слегка покачиваясь на своих

тонких каблучках, она вдруг повернулась и как-то задумчиво, неуверенно сказала:

– Перстень королевы Теодоры... Это миф. Он не настоящий, да и вообще, дело не в нем.

И ушла.

* * *

«Теперь они снова стояли друг против друга. Ромеро улыбнулся. Бык опять кинулся, плащ Ромеро в который раз надул парусом, и он опять исполнил «веронику», на этот раз в другую сторону. Ромеро так близко пропускал мимо себя быка, что человек, и бык, и плащ, описывающий полный круг перед мордой животного, сливались в одно, резко очерченное целое...»

«– Привет, моя дорогая! Господи, как же долго тянется время! Нет, тело мне еще не отдали. Я уже все приготовила, осталось только похоронить ее. Знаю, что провожающих будет немного. Придет ее подружка, Тамара, ну, та, с которой она работала. Знаешь, мне эта Тамара всегда казалась такой... как бы тебе сказать, простой, низшего порядка женщиной. А недавно она пришла ко мне, и я ее просто не узнала! Прекрасно одета, макияж и все такое... Элегантная, духами пахнет, как цветок. Правда, лицо у нее было заплаканное, сказала, пришла узнать, когда похоронь. Я приветила ее, мы кофейку выпили, она выкурила си-

гарету, рассказала немного о своей жизни. Представляешь, ее бывший муж, оказывается, хотел ее продать! Вот ведь какие истории случаются.

Люда, то, что ты мне предложила, удивило меня, потрясло и обрадовало, конечно. Я должна все хорошенько обдумать. Разумеется, это было бы просто сказкой...»

2004 г.

Раиса Атаева сошла с поезда и оглянулась. Почувствовала себя сиротой, увидев, как встречают некоторых пассажиров их родственники, друзья – с радостными улыбками, сияющими лицами и даже цветами! А ведь поезд пришел всего-то навсего из Оренбурга в Саратов!

Моросил дождь, и весь перрон блестел, словно вымытый. Сильно пахло копотью и еще чем-то горьким, теплым, как всегда пахнет на вокзалах и на станциях. Перед Раисой стыли в осенней промозглости густо переплетенные рельсы; через них можно было пройти, либо перешагивая, высоко поднимая ноги, чтобы не зацепиться и не упасть на жирные от масла шпалы, либо спустившись в подземный переход, который всегда пугал Раю своей мрачной непредсказуемостью, каким-то болотным запахом и страшными физиономиями его обитателей – бомжей. И на этот раз она остановилась в нерешительности, не зная, что выбрать – подземный переход или опасное путешествие через рельсы. Подумалось ей почему-то, что, если она все-таки двинется напрямик, по рельсам, то непременно попадет под колеса какого-нибудь случайного поезда или заблудившегося, отцепившегося от основного состава вагона... И так отчетливо она себе все это представляла – как она идет, оглушенная биением собственного сердца, вперед, ничего не замечая вокруг

и даже не слыша несущихся ей в спину окриков людей, заметивших движущийся на нее вагон ли, состав ли, что даже оцепенела, мысленно уже оказавшись под колесами...

Если раньше она приезжала в Саратов преимущественно за покупками, навестить родственников или просто прогуляться, развеяться – еще когда она была свободна, незнакома с Василием Караваевым, – то сейчас ей предстояла встреча с человеком, которого она боялась и интуитивно считала чуть ли не дьяволом и который, по ее твердому убеждению, разрушил ее отношения с Василием. И это при том, что самого Дениса она никогда не видела.

Она знала, что он существует, проживает в Саратове, холост, любит своего брата – так же, как и Василий любит его, – и между братьями существует прочная родственная связь, они переписываются по Интернету, перезваниваются, когда есть возможность, хотя и редко видят друг друга. Василий, человек, в общем-то, ведомый, слабохарактерный, незлобивый, мягкий и, можно сказать, отчасти беспринципный, становился совсем другим, когда речь заходила о его брате. Когда Денис звонил ему, Вася бросал все свои дела и уходил с телефоном в другую комнату, в кухню, в ванную или на балкон, чтобы ему не помешали общению с любимым братом. Он мог встать из-за стола, бросив недоеденную котлету, выбраться из горячей ванны, накинув халат, прервать любовный процесс, отстранив от себя женщину, тотчас по-

теряв весь интерес к ней, – и все это ради того, чтобы всласть наговориться с Денисом.

О чем именно они беседовали, Рая могла только догадываться, вернее, она понимала, что говорят они обо всем и ни о чем одновременно. Так, обычный треп соскучившихся друг по другу близких людей, которым есть дело до всего, что происходит у каждого из них. Быть может, если бы они вели какие-нибудь ученые разговоры или беседовали о чем-то важном, ради чего можно было бы остановить привычное течение жизни, Рая все поняла бы и не злилась. Но ее бесило именно то, что они разговаривали ни о чем. Обменивались впечатлениями, мнениями, спорили по пустякам, и темы их разговоров зависели от того, чем занимался в этот период жизни один из братьев, что вдруг его увлекло – будь то ремонт крана или конфликт на работе: не говоря уже об их жарких спорах на тему футбольных матчей. Братья могли разговаривать по телефону час, полтора, а то и два. Причем инициатором этого общения был, естественно, богатенький Денис, который никогда не жалел денег на междугородние звонки, как если бы он звонил, к примеру, любимой девушке, которая еще не успела ему наскучить. Именно так всегда вели себя – по мнению экономной разумной Раечки – влюбленные. Это они, больные из-за своей любви, бывают не в состоянии отдать себе отчет в том, что делают. И, конечно же, они не экономят на телефонных звонках, находя в них весь смысл своего сиюминутного существования.

Понятно, что Рая ревновала Василия к брату и не раз высказывалась на эту тему. Сначала робко, намекая, что, мол, ей неприятно, что Вася столько времени уделяет Денису, затем ее тон изменился на капризно-раздражительный – мол, хватит трепаться по телефону, как баба! И такое бывало. И вот тогда-то робкий и застенчивый Василий, каким его знала Рая, показал свой характер. Твердым голосом осадив свою невесту, он заявил, что не позволит ей вмешиваться в его глубоко семейные дела, что у него есть право на личное пространство, равно как и право на беседы со своим братом, когда он захочет и сколько захочет, а если это ей не нравится, то пусть уходит, откуда пришла, дверь, мол, всегда открыта. Сказал так, сильно напугав Раису: именно в тот момент она поняла, что совсем не знает своего жениха. Она воспринимала его просто как красивого молодого мужчину, в общем-то, идеального партнера для брака – спокойного, уравновешенного, ответственного, серьезного и кроткого человека! И вдруг – такое заявление! А что будет потом, если он, к примеру, так же долго будет общаться по телефону с каким-нибудь коллегой по работе – женского пола? Или станет возвращаться домой поздно, не считая нужным даже объясняться?

Рая тогда сделала вид, что она сильно обиделась. Но Василий и не подумал попросить у нее прощения или что-то объяснять. Все продолжалось, как и прежде. Он не позволял себе ничего лишнего, вовремя возвращался с работы,

был добр, ласков и нежен с Раей, даже щедр, особенно когда у него заводились деньги, но едва лишь звонил телефон, как Вася понимал (чувствовал, знал, ждал), что это Денис, и тотчас забывал обо всем и уединялся с трубкой в руке где-нибудь в укромном месте, где его не могли бы услышать. И Рае, мечтавшей выйти за него замуж, ничего не оставалось, как смириться с таким положением вещей. «Ну и пусть себе болтает с братом, не с любовницей же!» – утешала она себя.

...Она стояла на перроне под морозящим дождиком и чувствовала, как пылают ее щеки. Рая вдруг вспомнила до мельчайших подробностей тот ужасный для нее день, когда исчез Василий. Купил ей свадебное платье – и исчез. Уехал куда-то, с чемоданами. Бедная Люба, как она переживала за подругу, как нервничала, боясь сказать Рае правду.

После первого шока к Рае откуда-то пришла уверенность, что здесь не обошлось без Дениса. Это он его надоумил! Что-то сказал по телефону, может быть, наобещал золотые горы, словом, каким-то волшебным образом повлиял на Васю, отговорил его жениться на ней, на Раечке, и сбежать, пока не поздно. Она словно наяву услышала противный голос Дениса (которого никогда в жизни не слышала): «Если ты, Вася, не сядешь в поезд или в самолет и не уедешь прямо сейчас из Оренбурга, то непременно на Райке женишься, тебе просто будет некуда спрятаться, поэтому бери билет, пока еще

ничего не произошло и ты всего лишь купил ей это чертово свадебное платье, и уезжай, улетай. Поживешь первое время у меня, а там мы что-нибудь придумаем...» И все в таком духе.

После отъезда Василий даже не позвонил ей, не извинился, ничего не объяснил. Получается, что он просто сбежал, смалодушничал, и все. Но что мешало ему, скажем, признаться Рае в том, что он передумал жениться, ему, мол, ужасно стыдно перед ней и он, окончательно запутавшись в ситуации и под ее давлением, все-таки согласился купить ей свадебное платье, потому что обещал жениться и не хочет, чтобы она сочла его жадным и безответственным человеком. Но неужели он не понимал, собирая чемоданы, что своим поступком убьет Раису, ранит ее в самое сердце и поселит в душе женщины страх перед мужчинами, по сути, искалечит ее судьбу? Если он сбежал, значит, она ничем его не привлекла, не удержала, значит, ей, как женщине, вынесен чуть ли не смертный приговор – мол, ты ни на что не годна и уж тем более для замужества не подходишь.

Рая вспоминала иногда, как они познакомились. На дне рождения одного их общего приятеля. Василий сидел за столом, такой тихий и смирный, и она подумала тогда, что для молодого человека со столь привлекательной внешностью он мог бы держаться и поувереннее. Он так стеснялся, что почти ничего не ел. Катя, хозяйка, молодая же-

на его лучшего друга Петра, именинника, то и дело обращала на него внимание и все подкладывала, подкладывала ему куски, подливала вина. Но, даже выпив, Василий оставался таким же тихим, незаметным, неразговорчивым – никаким. Возможно, именно в тот вечер Рая, активная по натуре, живая девушка, впервые подумала, что именно о таком вот смирном и покладистом муже она всегда и мечтала. Что ей не нужна харизматическая, яркая личность, человек, который всегда будет в центре всеобщего внимания, а она, Раечка, останется лишь его фоном, тенью. И пусть она не стремилась к тому, чтобы затмить собою мужа, но тем не менее ей казалось, что мужчина такого плана, как Василий, всегда будет при ней, дома. А это соображение стояло на первом плане. Все ее сверстницы уже повыходили замуж, и каких только историй она не наслушалась в связи с их новым семейным положением. Все, как одна, твердили, что почти не видят своих мужей. И неизвестно, действительно ли они проводят все свое время на работе, либо же, прикрываясь этой самой работой и занятостью, развлекаются в объятиях других женщин. И получалось, что замужество не принесло ни одной из подруг Раи счастья. Одни лишь нервоотрепки, разочарование, груз обязанностей, несвободу, страх потерять мужа как основной источник благосостояния, то есть осознание того, что они, жены, полностью зависят от другого человека.

Она весь вечер смотрела на Василия, пытаясь разглядеть

его во всех подробностях. Он был чисто выбрит, у него была гладкая кожа, ясные карие глаза, густые, коротко подстриженные волосы. Чистая рубашка. Пожалуй, это все, что она сумела разглядеть, сидя за столом. Когда же он встал, чтобы распрощаться с хозяевами, она заметила, что у него отличная фигура. Новые дорогие джинсы. «Я хочу, чтобы ты был моим мужем», – проговорила она ему вслед шепотом, едва шевеля губами. И уж неизвестно, как так получилось, но сама Катя предложила Василию проводить Раечку. То есть ему как бы дали установку – и он согласился, пошел, проводил ее. Если бы его попросили проводить кого-то другого, он не пошел бы с Раей и ничего бы между ними не произошло.

Потом, как поняла Рая, также следуя намеку Кати, у которой была страсть всех знакомить и сводить между собой, Василий позвонил и пригласил Раю в кино. И был такой же неразговорчивый, задумчивый, застенчивый, забытый какой-то! Однако после сеанса, когда они прогуливались по улице, он внезапно пригласил ее в ресторан, где они провели совершенно замечательный вечер. То ли обстановка показалась Василию подходящей, или, скорее всего, просто нейтральной, где его никто не знал и не мог оценить со стороны, но он расслабился и немного рассказал о себе. О том, что он холост, живет один в своей квартире, увлекается футболом, много читает, любит рыбалку. Ну, просто краткая характеристика среднестатистического жениха в брачной конторе! Да, еще – он человек без вредных привычек.

Инженер, работает в конструкторском бюро. Рая тоже рассказала о себе кое-что. О том, что она работает в фирме, занимающейся установкой алюминиевых профилей, тоже живет одна и никогда не была замужем. Любит готовить и тоже все такое – нечто среднестатистическое, что можно выразить общими словами. Однако что-то произошло тогда между ними: в какой-то момент они словно перестали чувствовать себя чужими друг другу, разговорились, и стало понятно, что их встречи продолжатся. Слишком уж раскрыться у Василия так и не получилось, оказалось, что его эмоциональность строго дозирована и что так легко и решительно он может общаться с Раей далеко не всегда. Часто он просто сидел, уставившись в телевизор, и на предложение Раи о чем-то поговорить отвечал, что он готов, но только не знает, о чем именно беседовать, то есть он пребывал в каком-то мутном расположении духа, и, чтобы с ним стало интересно, его приходилось тормошить, придумывать какие-то общие занятия, разговоры, прогулки, визиты.

Чуть больше Василий раскрылся, когда между ними возникла близость. Оказалось, что он достаточно темпераментный, сильный мужчина, и тот факт, что после близости он быстро успокаивался эмоционально и остывал к своей партнерше, поначалу Раю не напрягал. Это потом, когда она привыкла к нему и стала воспринимать его уже как потенциального мужа, когда они договорились, что поженятся, подобное поведение Василия и отсутствие каких-либо чувств –

в определенные периоды – начало вызывать в ней раздражение и обиду. Но и тогда – все равно – в этой, в сущности, серой, ничем не примечательной личности она все еще находила нужные ей для брака качества, главными из которых были его надежность и неконфликтность. К тому же все ее знакомые, знавшие Василия лично, отмечали его внешние достоинства, что льстило Рае и подпитывало ее чувство к жениху.

Все, казалось бы, шло к свадьбе, и ничто уже не могло нарушить это плавное течение времени, заполненного приятными предсвадебными хлопотами. Она была счастлива в тот период, как никогда в жизни. Когда же Василий купил ей подвенечное платье, она успокоилась окончательно.

Вспоминая по минутам тот день, когда была сделана эта роковая покупка, она пыталась представить себе, каким был Василий, что выражало его лицо, голос, взгляд. И ничего, что как-то насторожило бы ее или просто чем-то запомнилось, как будто и не было. Разве что Василий был слегка напряжен, но она отнесла это к нормальному предсвадебному волнению. Быть может, думалось ей тогда, видя свою невесту в белом платье, он представлял себе будущую их жизнь, которая показалась ему в какой-то момент недостаточно приятной и, главное, несвободной? Ведь именно отсутствие прежней свободы пугает мужчин в браке. Женитьба предполагает отказ от привычного образа жизни, от частых вечеринок с друзьями, сексуальной свободы и возмож-

ности распоряжаться своей жизнью как захочется. Однако, размышляла Раиса, учитывая тот образ жизни, какой вел Василий, ничего-то особенного он в связи со своей женитьбой не терял, а напротив, только приобретал. Так, к примеру, ему не пришлось бы отказываться от общения с друзьями, потому что и друзей как таковых у него практически не было. Лишь приятели по работе, с которыми он, помимо службы, нигде и не встречался. На рыбалку он ездил всегда один и даже рассказывал Рае – неоднократно, – что он вообще не понимает, как можно ездить с кем-то, ведь если рыба клюет, то зачем тебе еще кто-то поблизости, говорящий что-то тебе под руку, нарушающий тишину и то блаженное состояние ожидания клева, ради чего все и затевается? Футбол? Он мог прекрасно провести время перед телевизором и в одиночестве, наблюдая за тем, как играет его команда, без каких-либо друзей-приятелей. Главное, чтобы ему никто не мешал, никто не отвлекал. Если так случалось, что в этот момент рядом с ним оказывалась Рая, она делала все возможное, чтобы он ее не замечал, даже по квартире ходила на цыпочках и старалась в кухне не слишком сильно греметь сковородками и кастрюлями. Конечно, будучи женатыми, что подразумевает проживание в одной квартире, придется им обоим изменить какие-то свои бытовые привычки и пристрастия, но и этот вопрос, по мнению Раисы, тоже можно урегулировать и обо всем договориться заранее. Словом, она, представляя себя на месте Василия, видела в браке сплошные

преимущества: его избавят от великого множества бытовых обязанностей, к тому же в его жизни появится довольно-таки много удовольствий. Вкусная еда, чистая выглаженная одежда, уютная постель на двоих, женское тело, любовь.

Что, что такого могло произойти в тот злосчастный день или накануне, что повлияло на его решение не жениться на Рае?! Может, ему кто-то что-то о ней сказал? Оклеветал ее? Но кто? Единственная ее подруга, Люба, бывшая в курсе обстоятельств ее личной жизни, наоборот, хотела, чтобы они поженились, и Рая ни за что не поверит, что именно Люба каким-то образом отговорила Василия вступить в брак. Может, у Василия была какая-нибудь воздыхательница, сходящая с ума от ревности и придумавшая некую сложную интригу, в результате чего и отвратила Васю от его невесты?

Предположений было много, но все они выглядели какими-то нереальными, неправдоподобными. Ну не было ничего такого, что пришло бы в голову Рае и хотя бы немного было похоже на правду! Их отношения никого не раздражали, не злили, да и вообще, Рая была уверена, что никому нет до них особого дела.

Но Василий уехал. Сбежал! Бросил ее накануне свадьбы, позволив себе уж и вовсе слабохарактерный поступок – покупку свадебного платья. Как если бы он на прощанье выполнил одно из своих обещаний. Но свадебное платье – это не шуба, которую можно было бы просто носить. Его наде-

вают на свадьбу! Означает ли это, что он ей таким образом пожелал счастья в новом замужестве? Может, ей «приписали» какого-нибудь другого жениха, и Василий поверил этой сплетне?

...Рая заставила себя спуститься в подземный переход и, дрожа от холода и нервного озноба, прошла до самого конца, вышла в просторный гулкий зал вокзала и поняла, что у нее нет сил двигаться дальше. И уж, конечно, ехать искать брата Василия, Дениса. Адрес у нее был, она запомнила его, когда однажды перелистывала записную книжку Василия. Эти строчки буквально отпечатались в ее памяти, словно она предчувствовала, что когда-нибудь он ей понадобится. Улица Мичурина.

Странное это было чувство. С одной стороны, она хотела есть, вернее, понимала, что ей просто необходимо поесть, чтобы не потерять в этом большом городе последние силы. С другой – от запахов разогретой пищи, распространившихся вокруг небольшого буфета с расположенными в двух шагах от него столиками, ее тошнило. Она знала, что на вокзале есть опасно, изголодавшимся пассажирам часто скармливают черствую выпечку, несвежие котлеты или заплесневелую курицу. Но можно было купить галеты, печенье, коробку сока. Однако, оглядев разложенные под стеклом ярко освещенной витрины куски жареной курицы и рыбы, ров-

ные ряды котлет, она поняла, что галетами она не насытится: ее организм хочет горячей сытной пищи. Она купила курицу с картошкой, подогретую в микроволновке, стакан морковного сока (она и сама не могла понять, почему ей захотелось именно морковного, который она прежде не пила, разве что подсознательно понимала, что надо хорошенько подкрепиться и витаминный сок – это как раз то, что надо) и теплую булочку. Устроившись за столиком и радуясь тому, что к ней еще никто не подсел, хотя народу на вокзале было много, да и очередь в буфете была достаточно длинной, Рая принялась за еду.

Понятное дело – все оказалось невкусным, не таким, как она ожидала. Дома-то она поджаривала курочку на сливочном масле, здесь же птица была какая-то чересчур мягкая, безвкусная и – подсознательно – опасная. А уж морковный сок, сладковатый и холодный, заморозил желудок и даже вызвал у Раи болевые ощущения.

Поев, она достала из сумочки носовой платок, промокнула губы и подкрасила их скромной розовой помадой. Затем вышла из здания вокзала, остановила первое попавшееся такси, назвала адрес и всю дорогу сидела зажатая, с напряженными плечами, будто каменная.

Так получилось, что она вышла возле нужного ей дома и явилась по адресу в самое неподходящее время – поздним вечером, да еще и под дождем. Предчувствуя, что ничего хо-

рошего в результате встречи с братом Василия не произойдет, Рая задала себе естественный вопрос: и что же она будет делать после того, как ее выдворят из дома (спустят с лестницы)? Где она переночует? У родственников, где же еще! Но родственники – это всего лишь слово. Никто и не помнит, кто кому кем приходится, просто так уж повелось с давних времен, что она время от времени, приезжая в Саратов, навещается к этим людям, привозит им подарки, а они стелют ей постель в гостиной на диване. Никакой особой душевности со стороны ее родственников она никогда не ощущала, и Рая, понимая, что ей не очень-то и рады, тем не менее продолжала изредка навещать их, быть может, еще и потому, что других родных у нее вообще не было. А так – какая-никакая, а родня, тетя с дядей и «семиюродная» сестрица-альбиноски, которую престарелые родители все никак не могли выдать замуж.

...С бьющимся сердцем Рая вошла в подъезд, освещенный тусклой лампой, поднялась на нужный этаж и позвонила в дверь. Слишком поздно, промелькнула мысль, но еще можно повернуть обратно, вернуться на вокзал и дожидаться поезда в Оренбург. За дверью слышались неторопливые шаги.

– Вася, это ты? – услышала она, и кровь бросилась ей в лицо.

«Вася!» Неужели она все правильно рассчитала и ее Ва-

силий живет здесь, у брата?

– Откройте, пожалуйста, – кротко попросила она, чувствуя, что у нее начинают постукивать зубы. – Меня зовут Раиса, я приехала из Оренбурга, к Василию.

После небольшой паузы она услышала звон ключей – дверь отпирали. И когда она медленно отворилась и из квартиры потянуло теплом человеческого жилья и запахами вкусной еды, за массивной цепью – возможно, последней преградой – она увидела Василия. Но через несколько секунд Рая поняла, что ошиблась. Это был, конечно, не Василий, а его брат. Уже позже, когда у нее появилась возможность рассмотреть его, она поняла, что он не так уж и похож на Василия. Он старше, и лицо у него более округлое, с розовыми щеками, как бывает у людей, любящих вкусно поесть. Какое-то неуловимое сходство есть, но не более.

– Вы Денис? – спросила она на всякий случай.

– Да, я Денис. А вы, собственно, кем приходитесь Василию?

– Я его хорошая знакомая, – она не рискнула назваться невестой. А вдруг Василий предупредил брата, что, если придет невеста, дверь не открывать, не впускать ее? – Мне надо с вами поговорить.

И эту фразу она произнесла не просто так. Подумала – если она скажет, что хочет поговорить с Василием, Денис заявит, что его нет дома – и все, ей придется уйти несолоно хлебавши.

– Вы одна? – Внимательный взгляд охватил ее всю целиком плюс часть пространства лестничной клетки.

– Одна.

– Хорошо, проходите, – Денис Караваев распахнул дверь и впустил Раю. И тотчас, едва она проскользнула в квартиру, он принялся запираť ее на немислимое количество замков. – Проходите, проходите.

Он пытался выглядеть вежливым, но она чувствовала, что он тоже напряжен, как и она сама. Вероятно, думает-гадает – признаться ей в том, что Василий живет у него, или нет?

– Вас как зовут, извините, не запомнил? – Он слегка приобнял ее и провел в гостиную, заставленную какой-то вычурной мебелью. В центре, на полу, – большой пестрый ковер, на нем стол, покрытый кружевной скатертью. «Как у женщины», – подумала Рая, считавшая, что в холостяцком жилище мужчины не должно быть кружевных скатертей, салфеток и безделушек. И тут же промелькнула мысль, вызвавшая в ней внутренний смех: может, этот Денис – голубой?

– Меня зовут Раиса, я приехала из Оренбурга...

– Садитесь, пожалуйста, к столу. Из Оренбурга, говорите? Прекрасно. И что, прямо с поезда – и ко мне?

– Да, прямо с поезда. Но мне есть где переночевать. Не беспокойтесь.

– Да нет... Я не об этом. Раз уж вы с поезда, давайте пить чай... Думаю, я знаю, кто вы, – он наконец-то посмотрел ей

в глаза.

– Чай – это, конечно, хорошо, но мне хотелось бы знать – Василий здесь? В Саратове? У вас? Ведь он исчез так внезапно... Мы хотели пожениться, он подарил мне платье...

Она говорила быстро, словно боялась, что забудет что-то важное, то самое, ради чего и приехала сюда.

– Я знаю, что вы очень близки, что вы – братья, вы откровенны друг с другом, доверяете друг другу – я слышала, как Вася разговаривал с вами часами. Он не ел и не пил, когда вы ему звонили. Вы не можете не знать, почему он бросил меня, не можете. Я вся извелась, я не понимаю, что произошло, почему он сбежал от меня, умоляю, скажите, может, я чего-то не знаю?

Она говорила, а Денис в такт ее словам качал головой, словно заранее знал, что ей ответить, поэтому, когда она закончила свою сумбурную, нестройную, полную повторов и унижительных вопросов речь, он пожал плечами и ответил:

– Но я не знаю, где Василий.

Реакция Раи была странной. Она почувствовала, как покрывается испариной, краснеет, и кровь пульсирует в висках и где-то в темени. Ей стало дурно.

– Как? – прошептала она внезапно сорвавшимся голосом. – Как это – не знаете?!

Она сипела, чувствуя, что в ее горле нет ни одного живого места, все оно – словно сплошная рана.

– Вот так. Честно говоря, для меня это новость, что Васи-

лия нет в Оренбурге. Дело в том, что он мне ничего не рассказывал, мы с ним, как вы правильно заметили, до сих пор подолгу разговариваем, общаемся по Интернету, у него и адрес электронный не изменился. Я на самом деле понятия не имею, где он!

Вопросов было много, они комком стояли в ее больном горле, но вместо того, чтобы озвучить их, Рая просто тихо заплакала. От бессилия, от злости на обоих братьев, которые, оказывается, тратя огромное количество времени на бесполезные телефонные разговоры, на самом деле просто трепались, а не откровенничали друг с другом, и получается, что они друг о друге ничего и не знали!

– Я вам не верю, – наконец прошипела она. – Этого не может быть! Он здесь, здесь, он проживает у вас в квартире! И вы отлично знаете, почему он бросил меня. Думаю, Василий со смехом рассказывал вам о том, как он посмеялся надо мной – купил мне это проклятое свадебное платье, а потом, в тот же день, сел в поезд и укатил в неизвестном направлении. Вернее, сюда, в Саратов. К вам! И вы, наверное, еще долго хохотали над его рассказом о брошенной невесте, нисколько не задумываясь о том, каково было мне. Как мне было больно, больно, больно!.. – выкрикнула она, глотая слезы. Отвернулась и закрыла лицо руками.

Потом внезапно Раиса резко повернулась, подошла совсем близко к Денису, отметив про себя его сытый, холеный вид, яблочные щеки, блестящие глаза и длинный домашний

халат из плотного толстого бархата шоколадного цвета.

– Если вы не скажете мне, что случилось и почему Василий уехал... И, главное, где я могу его найти, чтобы задать ему этот вопрос, то и я тоже не стану молчать, понятно?!

Денис Караваев смотрел на нее с каким-то тупым, брезгливым выражением лица, словно видел перед собою змею, ползавшую по его телу, и нужно было замереть и просто выждать, пока она не сползет на пол...

– О чем вы, прекрасная барышня? – наконец произнес он, сощуриив глаза. – Я не понимаю.

– В тот вечер, когда умер Павел Андреевич, Вася пришел ко мне, но меня дома не было. Я ждала его, но закончились продукты, и я пошла в магазин за покупками, понимаете?

– Нет, не понимаю... – Брови его взлетели вверх. – Какой еще Павел Андреевич?

– Чеботарев!

– Но я незнаком ни с каким Чеботаревым!

– Бросьте! Я сама слышала, как Василий все рассказал вам. Все, в мельчайших подробностях. Не подумайте, я не подслушивала, у меня вообще нет такой привычки, я просто случайно услышала. Но я любила Василия, а потому промолчала и не выдала себя. А теперь я могу сделать так, что и вы окажетесь причастны к этому гнусному, варварскому мародерскому делу.

– Милая барышня, я понимаю, что вы находитесь в крайне возбужденном и нервном состоянии – вас бросил же-

них, вы никак не можете поверить в это и пытаетесь понять, что же произошло и, главное, как это могло произойти? Но поверьте мне, я действительно, на самом деле ничего не знаю! И никогда не слышал ни о каком... Чемоданове!

– Чеботареве... – Раиса достала платок и шумно высморкалась. Она уже поняла, что в этом доме ей не помогут. Денис, даже если он что-то и знает о местонахождении Василия, будет молчать. И вдруг она вспомнила, что, когда позвонила в дверь, Денис спросил: «Вася, это ты?»

– Послушайте, ведь, когда я позвонила, вы решили, что это Вася! Я сама слышала, своими ушами. Или вы скажете, что я ослышалась, или у меня галлюцинации?

– Нет, милая барышня...

– Да какая я вам барышня! Прекратите меня так называть! Где Василий?

– У меня есть подруга, ее зовут Василиса. Я зову ее Васей. Вот и все объяснение.

– Вы это только сейчас придумали? – Раисе даже захотелось ударить его, настолько его ответ показался ей издевательским. Словно он принимает ее за полную дуру!

Она потом долго еще будет вспоминать этот вечер и все то, что случилось, когда она произнесла эти слова. А произошло невероятное. Позвонили в дверь, и на пороге возникла женщина. Высокая, статная, с длинными распущенными волосами, закутанная в сине-белый, роскошный павловопо-

садский платок. Она вошла с улыбкой на красивом розовом лице (Рая сразу отметила, что они с Денисом удивительным образом подходят друг другу – оба румяные, холеные и какие-то невероятно приторные) и моментально утратила эту улыбку, едва увидев Раису.

– Денис, а это кто? – спросила она, с удивлением рассматривая Раю с видом человека, внезапно обнаружившего в своем доме беспородную дворнягу.

И тут Раиса, поняв, что ей в этом доме делать нечего и, кроме унижений и издевок, она от Дениса все равно ничего не получит, потому что он никогда не сознается в своем участии в озвученной ею грязной истории, пахнувшей криминалом, решила напоследок доказать ему, что она не шутит и готова объявить ему настоящую войну!

Выпрямив спину и словно сделавшись выше, Рая смерила женщину тяжелым, убийственным взглядом и спросила, в свою очередь:

– Так это вы – Василиса?

С одной стороны, Раисе хотелось выяснить, на самом ли деле Денис поджидал подружку с редким именем Василиса (таким образом выяснится, кого он все-таки ждал этим вечером – любовницу или брата, а если брата, то, значит, Василий сейчас в Саратове и, возможно, проживает у Дениса), с другой стороны – у нее появилась уникальная возможность насолить несостоявшемуся деверю.

– Я-то Василиса, а вы, милочка, кто?

– Вам мое имя знать совершенно необязательно. Достаточно сказать, что я жду ребенка от этого человека, а потому как бы имею права на него. Теперь понятно?

Рая, сказав это, испытала головокружительное ощущение полной нереальности происходящего. И, продолжая находиться в этом странном состоянии, подразумевающим вседозволенность и возможность перемещаться в пространстве разными «волшебными» способами, как в сказках, словом, ничего не боясь, она впилась взглядом в обескураженного, потрясенного Дениса Караваева. Бросив ему на прощание: «Я жду твоего звонка!» – Рая вышла из квартиры, громко хлопнув дверью.

Через час она, стараясь держаться и выглядеть спокойно, сидела в маленькой тесной кухне своих родственников, и ее дальняя сестра-альбинос Оля, одетая в желтый широкий халат, ставила перед ней тарелку с гороховым супом.

* * *

«Бык бросился вперед, и Ромеро кинулся на него. Левая рука Ромеро набросила мулету на морду быка, чтобы ослепить его, левое плечо вдвинулось между рогами, шпага опустилась, и на одно мгновение бык и Ромеро, который возвышался над быком, сжимая в высоко поднятой правой руке эфес шпаги, вошедшей по самую рукоятку между лопатка-

ми быка, слились воедино...»

«— Людочка, здравствуй, моя дорогая! Думаю, осталось подождать совсем немного, и мне отдадут тело. Вот вбила я себе в голову, что, пока мы ее не похороним, она так и будет являться мне по ночам... Кажется, я заметно поседела. Но в парикмахерскую пойду после похорон.

Да, я сделала так, как ты сказала. Была в туристическом бюро, и мне пообещали устроить туристическую визу. Сделаю так, как твоя Лена, – куплю самый дешевый тур, просто чтобы долететь до вас. Господи, неужели это вообще возможно! И какое счастье, что у меня есть загранпаспорт. За это тебе спасибо, помнишь, мы с тобой в прошлом году собирались поехать вместе выбирать тебе дом? Да что-то не сложилось... Господи, мне бы дожить до похорон Алисы, все это свалить со своих плеч. Я уже наметила, что надо купить для поминального обеда. Сегодня на ночь выпью горячего молока с медом, чтобы крепко уснуть. Да, чуть не забыла. Вчера, представляешь, забыла запереть дверь на ночь. Рассеянная такая стала. Вышла ведро вынести, дверь прикрыла, а вернувшись, забыла запереть. И так страшно по ночам одной в квартире оставаться, а тут я еще утром обнаружила, что дверь не заперта...»

2010 г.

Логинов поджидал Фролова с утра, с информацией от «коллег-антикваров» – так они называли про себя людей, чьи фамилии с номерами телефонов и даже с адресами были указаны в записной книжке Дениса Караваева. Кроме того, за вчерашний день Игорь успел побывать в фирме, где работал Караваев.

На столе Логинова лежала папка с документами – результаты многочисленных экспертиз по этому делу. В них значилось, что биологические следы на простыне с кровати Караваева, так же, как и следы на зубной щетке и прочих предметах, изъятых с места преступления, принадлежали убитой Алисе Пироговой. Следы на постели Алисы в ее квартире принадлежали ей и покойному Денису Караваеву, из чего следовал вывод, что, несмотря на всю присущую ему чистоплотность, он не брезговал бывать и даже спать в квартире своей молоденькой любовницы. То есть любовники спокойно перемещались из квартиры в квартиру, оставляя следы на чашках, рюмках, дверных ручках...

Признаков взлома на замках в квартире Караваева не обнаружили. Отсутствовали отпечатки на гантели.

Что же касается вопроса о присутствии посторонних лиц в квартире (едва различимые, хотя и свежие следы женской и мужской обуви), то определить, кому они принадлежали,

им только еще предстояло. Но вряд ли это возможно сделать.

Отпечатки пальцев на денежных купюрах, а также следы на разбросанных по всему дому мелких предметах антиквариата принадлежали Денису Караваеву.

Изучение твердого диска домашнего компьютера доказало наличие активного интереса со стороны убитого Караваева к фалеристике, однако его общение с массой людей, которым он пытался продать ту или иную вещь, не было с ней связано – он продавал всякий хлам за большие деньги, и, судя по переписке, ему это вполне удавалось.

Кроме того, сохранилась его переписка с братом, Василием Караваевым, из которой следовало, что братья общались много и часто и разговоры их носили самый обычный, не окрашенный какими-либо общими делами и, тем более бизнесом, характер. Разговоры ни о чем. Обычный мужской треп близких людей: обмен впечатлениями от футбольного матча, к примеру, либо обсуждение последних политических событий, иногда же, что особенно позабавило Игоря, обмен кулинарными рецептами. Беседы братьев были задушевными, добрыми, весьма трогательными. Однако из их переписки выходило, что Василий вроде бы жил в Оренбурге, но время от времени проскальзывала и информация, свидетельствующая о том, что он в данный момент находится в Москве. Помимо брата, Караваев, получается, ни с кем не дружил, не переписывался. Только с братом и с так называемыми бизнес-партнерами, то есть с людьми, покупающими

ми и продающими предметы антиквариата.

До прихода Фролова Игорь успел дозвониться Василисе и назначить ей встречу на двенадцать часов, после чего позвонил Антонине Петровне и договорился, что подъедет к ней к двум часам дня.

Леня, в свежей белой рубашке и голубых джинсах, появился на пороге кабинета, опоздав на пять минут. Лицо его сияло.

– Не скажу, чтобы информация была очень интересная, но на определенные мысли она все равно наводит.

И он принялся обстоятельно рассказывать о том, с какими людьми ему пришлось встретиться и, главное, что это были за люди. Среди них нашлось всего два человека, профессионально занимающихся антиквариатом, и оба – хозяева антикварных магазинов Саратова.

– Личности, я тебе скажу, мутные, из них ни слова даже клещами не вытащить. И я уверен, что даже если бы один из них и оказался причастен к убийству Караваяева, чтобы заграбастать его ордена и медали, то проделал бы он это чужими руками, а потому найти какой-то след трудно, почти невозможно. Один держит крупный магазин в самом центре города, неподалеку от детского театра, я там бывал в свое время и видел, насколько там богатый и разнообразный ассортимент, да и народ постоянно толпится. А другой тип владеет небольшим отделом старых книг в крупном книжном магазине и потихоньку приторговывает мелкими деше-

выми старинными безделицами вроде вазочек, подсвечников, значков, украшений из полудрагоценных камней... Так, ничего интересного, туда я тоже, как ты понимаешь, заглянул. Остальные, с кем я разговаривал либо по телефону, либо в частной, так сказать, беседе, оказались обыкновенными людьми, которые в свое время удачно, как им казалось, продали Караваеву – кто старый персидский ковер, кто серебряный кувшин, кто мелкие старинные монеты, а кто и дедовские медали. Но вернусь к нашим двум антикварам. Как я уже сообщил, они оказались людьми очень неразговорчивыми, закрытыми, но, узнав о смерти Караваева, сразу же заявили, что это убийство не может быть связано с его интересом к значкам и медалям. И, самое главное, они вообще не считали это его увлечение серьезным занятием! Вот так я и узнал, что Караваева считали выскочкой, антикваром-дилетантом. Он никогда не покупал ничего стоящего, ценного, все его покупки, приобретения носили бессистемный, случайный характер. Больше того, они сошлись во мнении, что у него даже не было вкуса! И в то время, когда он общался с Василисой Ивановой, она помогала ему в выборе каких-то ценностей, преимущественно серебряных украшений, фарфора и драгоценных тканей, когда же они разругались, Караваев вообще долгое время ничего не приобретал. Кроме того, он вел образ жизни, совершенно не свойственный людям, увлекающимся антиквариатом, и тем более фалеристам. Ведь люди увлеченные, больные этими ве-

щами, не станут так тратиться на путешествия и дорогие машины. Это не тот образ жизни, понимаешь? Покупка редкого ордена или значка доставляет истинным коллекционерам куда больше наслаждения, удовольствия, удовлетворения, чем все пляжи Малибу.

– Значит, все знают про Малибу, – вздохнул Игорь. – И осуждают Караваева, считают, что он пустой тратой денег на собственные сомнительные удовольствия как бы нарушил саму философию коллекционера.

– Именно!

– А что говорят насчет того, откуда у него деньги?

– Считают его неплохим коммерсантом, который ездит по маленьким провинциальным городкам и втюхивает там доморощенным «антикварам» (как правило, они – разбогатевшие бизнесмены, которым просто деньги некуда девать) сомнительного плана вещи.

– Каково их мнение об отношениях Караваева и Василисы Ивановой?

– Что он дурак, раз бросил ее, зря он так поступил.

– В смысле?

– Так он же подсунул ей какой-то не тот перстень! Вернее, сначала посулил и показал ей одну вещь, а потом продал перстень – ее подруге, кажется. Знаешь, в городе все, кто был знаком с Караваевым, знают эту историю.

– И никто ничего не сказал о главном?

– О чем?

– О его коллекции орденов. Неужели никто не проронил ни слова?

– Нет. Говорю же, к нему никто не относился серьезно.

– Но Гулькин мне сам рассказал, что у Караваяева, скорее всего, был орден Ушакова второй степени. . . К тому же я собственными ушами слышал, как Гулькин говорил о том, насколько сильно наш Караваяев был одержим орденами, он мог часами рассказывать о них.

– Либо Гулькин все врет, – пожал плечами Леня, – либо, кроме него, никто и не знал, чем именно занимался Караваяев.

– Но, может, они просто промолчали об этом, чтобы им не задали более конкретных вопросов?

– Да, и такое возможно, вполне.

– Знаешь, что мне сказал напоследок Гулькин? Что теперь имя Дениса Караваяева пахнет свежей кровью. Потому что то, чем он занимался, пахнет большими деньгами. Еще он сказал, что сам, лично, не видел коллекцию Караваяева, но есть люди, которые ее видели. Вероятно, они и были потенциальными покупателями. Может, Караваяевым заинтересовались в Москве и прислали сюда киллера? Но уж как-то совсем не тянет это убийство на заказное, вот чувствую я, что здесь замешан какой-то личный мотив! Ну не стал бы убийца, во-первых, приходить в дом Караваяева, зная, что там в это время находится Алиса. Во-вторых, Караваяев не открыл бы ему дверь, поскольку профессиональный убийца –

если убийство заказное – вряд ли являлся его приятелем.

– А может, этот киллер был знакомым Алисы? Приехал в Саратов из Москвы, узнал, что у Караваева есть девушка, познакомился с ней, вошел, что называется, в доверие и подговорил ее помочь ему открыть дверь. А когда пришел, убил Караваева, потом убил и Алису...

– Гантелю?! Ты что, Ленечка?! Ну а что у него на работе?

– Можно сказать, ничего. Караваев появлялся там редко, в основном работал дома, но считался весьма талантливым программистом. Все, как один, отзываются о нем как о человеке ответственном, работающем, но – себе на уме, скрытном и, безусловно, высокомерном. Ни с кем не вступал в дружеские отношения, старался не конфликтовать, корпоративы игнорировал, однако всегда принимал финансовое участие в коллективных праздниках, днях рождения. Его внешнее благосостояние бросалось в глаза, поэтому его подозревали в хакерстве. Мало кто знал, что он увлекается антиквариатом. Один человек сказал даже, что он подозревает, будто Денис Караваев был «голубым». Все были потрясены убийством коллеги, но ни у кого нет никаких предположений или версий. Словом, ничего особенного, что могло бы нас заинтересовать.

– Ясно. Ладно, ты все равно молодец, провел большую работу. А теперь, думаю, неплохо было бы навестить брата Караваева, Василия.

– Предлагаешь мне отправиться в Оренбург?

– Поезжай, осмотришь местные достопримечательности, – устало улыбнулся Логинов. – Хотя, Леня, я так тебя понимаю! Сейчас бы взять недельку за свой счет, поехать куда-нибудь на озеро или на Волгу... Ух!.. Ладно, когда закончим это дело, поедem куда-нибудь вместе, если ты, конечно, не возражаешь.

– Достопримечательности, говоришь?

– Ну да, оренбургский караван-сарай, к примеру, или дома-музеи Гагариных или Ростроповичей.

Игорь, представив себе, как Фролов будет мотаться по душному, плавающему от жары Оренбургу в поисках брата Караваяева, в душе искренне пожалел его. Однако проигнорировать необходимость встречи с Василием Караваяевым, состоявшим в близкой дружбе с братом, тоже нельзя. Пусть Фролов заодно сообщит Василию о смерти Дениса. Все лучше, чем телефонный звонок. Хотя в данной ситуации понятие «лучше» и «хуже» – весьма относительное.

Василису он узнал сразу же. Летнее кафе, под белым полотняным тентом за столиком сидит женщина в белом открытом платье, розовый прозрачный шарф облаком окутывает ее полноватые загорелые плечи. На голове у женщины огромная белая широкополая шляпа. Половину лица закрывают темные «кошачьи» очки.

На столике чашка с недопитым кофе, сложенная газета, в пепельнице дымится тонкая сигарета.

Игорь подошел, представился.

– А как вы догадались, что я – это я? – Василиса широко улыбнулась, показав очень красивые и похожие на натуральные зубы.

– Знаете, мне вас подробно описали.

– Неужели? И кто же?

Она кокетничала с ним напропалую, откровенно разглядывала Игоря, приподняв над бровями очки. Смелая, красивая и, судя по всему, сильная, добрая женщина.

– Господин Гулькин, знаете такого?

– Знаю Гулькина! Ужасный зануда, но прекрасный человек. Правда, слегка помешан на своих буфетах... Хотя, конечно, речь-то идет, как вы понимаете, вовсе и не о буфетах, а о его увлечении стариной. Обожаю подобных людей! Они харизматичны, интересны, у них богатый внутренний мир. Правда, такие персонажи, как Михал Михалыч, несколько оторваны от реальности, живут себе в этом пыльном мирке и никого туда не пускают.

Игорь, вспомнив, как Гулькин от души накормил его колбасой, в душе не согласился с Василисой. Больше того, он представил себе, что под «пыльным мирком» Василиса подразумевает личную жизнь Михаила Михайловича, куда она в свое время, вероятно, попыталась забраться, но куда ее категорически отказались впустить.

– Василиса, а Михаил Михайлович о вас отзывался очень хорошо.

– Вот как? – Она приподняла брови и попыталась, как показалось Игорю, расширить до предела усилиями мышц глаза. – И что же он вам обо мне сказал?

– Что вы – удивительная женщина.

– Ха! – Этот возглас прозвучал как-то слишком уж вульгарно. – Удивительная, это точно!

Она провела ладонью по гладко причесанным волосам, собранным на затылке в тугой тяжелый узел, и покачала головой, словно соглашаясь с чем-то, о чем Логинов мог только догадываться. Вероятно, вспомнила что-то из их с Гулькиным прошлого.

– У нас был роман, но он закончился ничем, – запросто призналась она. – Ну и ладно. Не больно-то нужно! Но мужик он все равно мировой. Классный!

– Как вы понимаете, мне надо задать вам несколько вопросов, касающихся Дениса Караваева.

После этих его слов глаза Василисы с тщательно покрашенными густыми ресницами начали быстро наполняться слезами. Капли упали ей на грудь, впитываясь в белую мягкую ткань платья.

– Я вам солгала, – прошептала она, давясь слезами. – У меня вчера вовсе не болел зуб, и никакой нерв я не удаляла. Просто мне было страшно, понимаете?! Я не могла поверить, что мне придется разговаривать с каким-то совершенно чужим человеком о Денисе! Ведь мы же с ним были... Словом, мы собирались пожениться. И так ужасно расстались!

Если бы знать заранее, что все так сложится... Уж не знаю, что там произошло и как именно он погиб (мне звонили наши общие знакомые и сказали, что ему кто-то разбил голову и что в его квартире нашли Алису, его соседку, тоже убитую!), но я, как только об этом узнала, принялась корить себя за то, что так поступила с ним. Подумала почему-то, что если бы я тогда не ушла и осталась с ним, то, может, его никто бы и не убил! Все в его жизни сложилось бы иначе, он мог остаться в живых! Не знаю, почему я так думаю.

– Василиса, расскажите мне о Денисе. Каким он был человеком, кто его окружал, чем он увлекался?

– Денис был человеком непростым. О таких говорят – себе на уме. Скрытный, задумчивый, с большими амбициями, нескромными желаниями... Вам уже, наверное, рассказали о том, как он любил тратить деньги? Как ездил в Америку, о которой бредил в молодости... Знаете, может, тогда его и осуждали за эгоизм. Мол, не женат, детей нет, живет себе в свое удовольствие. Но сейчас, когда его уже нет, все эти факты словно бы свидетельствуют о том, что он торопился жить. И стремился перед смертью попробовать, испытать, увидеть все то, о чем мечтал в молодости. Что вы хотите? Простой парень из Оренбурга, из бедной семьи, где воспитывалось двое мальчишек-погодок. Отец их рано умер, детей растила мать, она много и часто болела. Уж не знаю, как и что делает Василий – это его брат, – а Денис получил высшее техническое образование, стал хорошим компьютерщиком,

зарабатывал программированием и ремонтом компьютеров. Потом женился на одной женщине, старше его лет на пятнадцать, кажется, и она поселила его здесь, у себя, в Саратове. Все это я знаю со слов самого Дениса. Надо сказать, он очень хорошо отзывался о своей покойной жене...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.